

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

УДК 93/94
ББК 63.3
А 406

Книга печатается при содействии
Всеармянского фонда арменоведческих исследований НАН РА

Печатается по решению ученого совета
Института истории НАН РА

АРАРАТ АКОПЯН

Ответственный редактор докт. ист. наук, проф. *Х.Р. Степанян*

Перевод с армянского на русский язык докт. ист. наук *Г.Г. Махмурян*

Акопян А.М.

А 406 Московский и Карсский договоры в судьбе армянского народа., Ер.,
Издательство «Гитутюн» НАН РА, 2021 – 199 с. + 4с. илл.

МОСКОВСКИЙ И КАРССКИЙ ДОГОВОРЫ В СУДЬБЕ АРМЯНСКОГО НАРОДА

(По поводу 100-летия заключения договоров)

В книге в общих чертах изложена история заключения двух, тесно связанных между собой Московского и Карсского договоров 1921 г., оставивших глубокий след в исторической и политической судьбе Армении и армянского народа. Представлены дипломатическая подготовка к одноименным конференциям, их ход и тексты подписанных договоров с приложениями. Осуществлен историко-критический и сравнительный анализ статей договоров. Особое внимание уделено армяно-турецким территориально-пограничным проблемам. Автор сделал попытку рассмотреть вопросы законности этих договоров, их соответствие международному договорному праву, и т.д. Работа публикуется в связи со 100-летием заключения этих договоров. В монографии сделана также попытка сопоставить обстоятельства заключения этих двух ущемивших армянские интересы договоров, а также сравнить их с современными реалиями.

Монография обращена к историкам, специалистам-международникам, юристам, политологам, дипломатам и в целом к широкому кругу читателей, интересующихся историей армянского народа.

Ереван
Издательство «Гитутюн» НАН РА
2021

ISBN 978-5-8080-1458-9

© Институт истории НАН РА, 2021
© Акопян А. М., 2021

ВВЕДЕНИЕ

*«Договоры не вечны.
Вечна нация, народ»*

Историческая наука является политической наукой, и в ее основе заложена не только научная познавательность, но и научно-практическая, прикладная значимость. Она призвана также вскрывать исторические несправедливости прошлого, оценивать их и осуждать, а также указывать пути преодоления их последствий.

В контексте армянской истории, к фактам таких несправедливостей относятся заключенные в 1920–1921 гг., а точнее – навязанные Армении грубой силой Московский и Карсский договоры, породившие тяжкие последствия в судьбе армянского народа.

Принимая во внимание, что особенно с армяно-турецкой территориально-пограничной точки зрения между этими двумя договорами существует внутренняя связь, и что они, как представляется, составляют разные звенья одной цепи, вследствие этого они представлены в исследовании как одна целостностная проблема. Советско-турецкий Московский договор от 16 (на самом деле – от 18) марта 1921 г. и заключенный распоряжением правительства РСФСР, по сути его копия и подобие – Карсский турецко-закавказский договор от 13 октября, очень похожи друг на друга и почти тождественны с точки зрения правовой преемственности и содержания большей части их статей. Уже 100 долгих и нескончаемых лет в памяти армянского народа продолжают сохраняться эти несправедливые и во многих отношениях незаконные договоры.

Обращение к данной теме чрезвычайно актуально также для всей панорамы международного признания и осуждения геноцида армян, процессов привлечения Турции к ответственности и ее обязательства

компенсации, как и для общего урегулирования армяно-турецких отношений.

Известно, что Армения, ставшая советской в результате этих двух продолжающих друг друга договоров, оказалась обособленной на территории всего лишь в 30 тыс. кв. км. В связи с критикой и анализом данных договоров, приходится также волей-неволей обращаться к предшествовавшему им армяно-турецкому Александропольскому договору, заключенному в ночь со 2 на 3 декабря 1920 г., но не имеющему какой-либо юридической силы – последний десятилетиями использовался в научно-исторической и мемуарной литературе как якобы основная причина для заключения тяжелейших Московского и Карсского договоров, в результате которых Армения понесла территориально-пограничные потери.

В работе будет сделана попытка представить подготовку к заключению Московского русско-турецкого договора, те основы советско-кемалистского сближения и сотрудничества, которые способствовали срыву многообещавшего Севрского договора. С ведома и молчаливого согласия Советской России, а также в условиях черствого безучастия Западных держав, осенью 1920 г. кемалистская Турция нанесла тяжелое поражение Республике Армения и оккупировала значительную часть армянских территорий. За этим последовали Александропольский, а потом Московский и Карсский договоры.

Как отмечалось, выявление и многосторонне изучение проблемы имеют не только научно-историческую, но и политически актуальную важность и значение.

За 70 лет ее пребывания в Советской системе, Армения была не в состоянии говорить об этом во всеуслышание. В послесоветский период Республика Армения, как правопреемница Первой и Второй республик, полномочна не признавать сто лет назад навязанные Армении

и армянскому народу силой и принуждением эти договоры и выдвигнуть притязания на потерянные, исконные земли ее родины.

Для того, чтобы хорошо понимать результаты и последствия упомянутых договоров, в монографии сделана попытка изучить географическое и политическое положение региона и Армении в сфере их соперничества и столкновения интересов. Для этого потребовалось ознакомиться на дипломатической подготовке к созываемым конференциям, на самом ходе переговоров, содержании договоров, их результатах и последствиях. Сделана попытка рассмотреть эти переговоры в их взаимной связи и единстве. При необходимости, был осуществлен сопоставительный и сравнительный анализ этих договоров, была дана их историко-политическая и правовая оценка. Особое внимание было уделено проблемам армяно-турецких границ, которые автор сравнил по договорам и попытался оценить. В работе не ставится задача рассмотреть обоюдные пограничные проблемы Армении, Грузии и Азербайджана, поскольку вышеупомянутые договоры не затрагивают эти вопросы. Автор обратился только к границе Армении и Нахичевана, как и к вопросу Батума, в его связи с Сурмалу.

Описывая армяно-турецкую государственную пограничную линию, мы по возможности сравнивали и сопоставляли друг с другом подлинные тексты и копии упомянутых договоров и приложений к ним, поскольку при переводе на армянский или другие языки были допущены определенные неточности и искажения географических названий.

В плане исторической науки, как в советской историографии, так и в работах авторов армянской диаспоры (спюрка) в связи с упомянутыми договорами создана богатая научно-историческая и мемуарная литература, а также сборники документов¹. Упомянутые договоры

настолько вопиющи с точки зрения национальных интересов армянского народа, что как в Армении, так и в спюрке им даны неоднозначные, иногда противоречивые трактовки и оценки. Истинная история этих договоров больше всего искажена в историографии Советской Армении.

Методологией работы историка являются правдивость и нелицеприятность, а его ориентирами – объективность, непредвзятость, досто-

---

Б.А., *Армения, международная дипломатия и СССР*, ч. I–II, М., 1928–1929; **Кемаль М.,** *Путь новой Турции*, т. 2, М., 1932, т. 3, М., 1943; **Борьба за победу Советской власти в Грузии**, документы и материалы (1917–1921 гг.), Тбилиси, 1958; **Хармандарян С.В.,** *Карсская конференция 1921 г. и ее предыстория* (Բանբեր Հայաստանի արխիվների, Եր., 1963, թիվ 3); **Кузнецова С.И.,** *Установление советско-турецких отношений*, М., 1961; **Багиров Ю.А.,** *Из истории советско-турецких отношений в 1920–1922 гг.*, Баку, 1965; **Хейфец А.Н.,** *Советская дипломатия и народы Востока (1921–1927)*, М., 1966; **Լեռ, Անցյալից (հուշեր, թղթեր, դատումներ)**, Թիֆլիս, 1925: «Հոկտեմբերյան սոցիալիստական մեծ ռեվոլյուցիան և սովետական իշխանության հաղթանակը Հայաստանում» (փաստաթղթերի և նյութերի ժողովածու), Եր., 1960: «Հայաստանը միջազգային դիվանագիտության և խորհրդային արտաքին քաղաքականության փաստաթղթերում» (1828–1923 թթ.), կազմ. **Ջ. Կիրակոսյան, Ռ. Սահակյան**, Եր., 1972; **Ալիխանյան Ս.,** *Խորհրդային Ռուսաստանի դերը հայ ժողովրդի ազատագրման գործում (1917–1921 թթ.)*, Եր., 1964; **Արզումանյան Ս.,** *Արհավիրքից վերածնունդ*, Եր., 1973; **Աղայան Օ.,** *Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարի պատմությունից*, Եր., 1976; **Մնացականյան Ա.Ն.,** *Ընդդեմ պատմության դաշնակցական նենգափոխության*, Եր., 1976; **Կիրակոսյան Ջ.,** *Բուրժուական դիվանագիտությունը և Հայաստանը*, Եր., 1980; **Եսայան Ա.,** *Հայկական հարցը և միջազգային դիվանագիտությունը*, Եր., 1965; **Զոհրաբյան Է.,** *Սովետական Ռուսաստանը և հայ-թուրքական հարաբերությունները*, Եր., 1979; **Տեր-Հակոբյան Հ. (Դրազեկ),** *Հայաստանի վերջին աղետը*, Կ. Պոլիս, 1921; **Վրացյան Ս.,** *Հայաստանի Հանրապետություն*, Բեյրութ, 1958; **Խատիսյան Ալ.,** *Հայաստանի Հանրապետության ծագումն ու զարգացումը*, Բեյրութ, 1968; **Գանգրունի Հ.,** *Հայաստանը 1920–21 թթ. և միջազգային դիվանագիտությունը*, Պեյրութ, 1986; **Դարբինյան Ա.,** *Հայ ազատագրական շարժման օրերեն*, Փարիզ, 1947; **Շահան, «Վերստին Յավելուած» Ալեքսանդրապոլի դաշնագրի, Բոստոն, 1955; **Նաթալի Շ.,** Երեք դաշնագրեր (Ալեքսանդրապոլի, Մոսկվայի և Կարսի), Արարատ մատենաշար թիվ 25, Պեյրութ, 1957; **Մարդեան Ջ.,** Երեք դաշնագիրներ (Ալեքսանդրապոլի, Մոսկուայի եւ Կարսի դաշնագիրները 1920–1921 թթ.), Պեյրութ, 1979; **Լազյան Գ.,** *Հայաստան և Հայ դատը*, Եր., 1991; **Թորիկյան Շ.,** *Հայկական հարցը և միջազգային օրենքը*, Բեյրութ, 1976 և ուրիշներ:**

¹ **Ключников Ю. и Сабанин А.,** *Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях*, ч. III, вып. I, М., 1928, вып. 2, М., 1929; **Борьян**

верность. Излагая материал, автор стремился руководствоваться этими критериями. История конечно взаимосвязана с политикой. Главная миссия историка состоит в том, чтобы, опираясь на достоверные исторические факты, выявить истину исторического прошлого. Искажение и извращение фактов, избегание или игнорирование исторической истины – неприемлемый метод. Единственным критерием исторической науки действительно служит истина.

По понятным причинам, советская историография демонстрировала односторонний, тенденциозный подход. В условиях советского идеологического тоталитаризма было невозможно говорить обо всей истине. С другой стороны, крайние оценки данной проблемы встречаются и в историко-мемуарной литературе спюрка.

В постсоветский период у нас несомненное сформировалось новое положение в сфере исследования данной проблемы. В последние два десятилетия с новыми концептуальными подходами и с объективных, непредвзятых позиций, к обсуждаемым договорам прямо или косвенно обратился ряд авторов, свободных от классово-идеологических предубеждений. Вышло в свет немало монографий и научных статей, которые несомненно стали вкладом в историю армянского народа¹.

¹ Միմոնյան Հր., Թուրք-հայկական հարաբերությունների պատմությունից, Եր., 1991: Միմոնյան Հր., Ողբերգության պահին («Գարուն», Եր., 1989, թիվ 4): Մարգարյան Ե., Դավադիր գործարք, Եր., 1995: Զոհրաբյան Է., 1920 թ. թուրք-հայկական պատերազմը և տերությունները, 1920–1922 թթ., Եր., 1997: Խուրշուդյան Լ., Հայաստանի բաժանումը 1920 թ., Եր., 2002: Մարգարյան Կ., Հայվրացական հարաբերությունները 1918–1921 թթ., Եր., 2002: Հարությունյան Հ., Լեռնային Ղարաբաղը 1918–1921 թթ., Եր., 1998: Գալոյան Գ.Ա., Հայաստանը և մեծ տերությունները (1917–1923 թթ.), Եր., 1999: Միմոնյան Ա., Չանգեզուրի գոյամարտը (1920–1921), Եր., 2000: Մելքոնյան Ա., Ջավախքը 19-րդ դարում և 20-րդ դարի առաջին քառորդին, Եր., 2003: Саркисян Е.К., За кулисами, как рождался Московский договор 1921 г., («Литературная Армения», Ер., 1991, № 1): Казанджян Р., К вопросу об оценке Московского русско-турецкого договора 1921 г. (Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ և ժողովուրդներ, XX, Երևան, 2001): Иголкин А., Московский договор с Турцией. Взгляд из России через 77 лет. (ՊԷՀ, Եր., 2002, թիվ

Особой похвалы заслуживает энциклопедический по своему содержанию Национальный атлас Армении, изданный под редакцией члена-корреспондента НАН РА Б. Арутюняна, во втором томе которого размещены карты и поясняющие примечания относительно границ, начерченных обсуждаемыми договорами¹.

Источниковедческой базой для выявления проблемы послужили документы соответствующих фондов Национального архива Армении (НАА), сами договоры и приложения к ним, протоколы отдельных заседаний конференций, телеграммы делегаций, как и сборники документов, печатные первоисточники различного характера, воспоминания, периодическая печать данного времени и т.д.² Кроме этого, во

1); Азатян Г., Судьбоносные договора, Е., 2000; Махмуриян Г.Г., Политика Великобритании в Армении и Закавказье в 1918–1920 гг., Ер., 2002; Махмуриян Г.Г., Армения в политике США 1917–1923 гг., Е., 2018; «Գիտության գլխուս», 2001, թիվ 1: Քաղոյան Ա., Հայաստանի միջազգային դրությունը և արտաքին քաղաքականությունը 1918–1923 թթ., Եր., 2005: Ղազախեցյան Վլ., Հայաստանը 1920–1940 թթ., Եր., 2006: Խաչատրյան Կ., Հայ-ռուսական հարաբերությունները 1920–1922 թթ., Եր., 2007: Պապյան Ա., Հայոց պահանջատիրության իրավական հիմունքները (հոդվածների ժողովածու), Եր., 2007: Սահակյան Տ., Ցավալի պայմանագրեր, Եր., 2007: Ասլանյան Ա., Մոսկվայի և Կարսի պայմանագրերի համեմատական վերլուծության փորձ (ՀՀ ԳԱԱ «Լրաբեր հասարակական գիտությունների», Եր., 2005, № 1): Հակոբյան Ա., Խորհրդային Հայաստանը Մոսկվայի և Կարսի պայմանագրերում, Եր., 2010: Մաֆրաստայան Ռ., Մուստաֆա Քեմալ. պայքար Հայաստանի Հանրապետության դեմ, Եր., 2019 և ուրիշներ:

¹ Հայաստանի Ազգային ատլաս, պատ. խմբ. Բ. Հարությունյան, Կ. Բ, Եր., 2008, էջ 110–116:

² Национальный архив Армении (далее: НАА), ф. 37, 113, 114, 200, 1022, 4033; Документы внешней политики СССР, т. 3, М., 1959, т. 4, М., 1960: Հայաստանի Հանրապետությունը 1918–1920 թթ. (Քաղաքական պատմություն), փաստաթղթերի և նյութերի ժողովածու, կազմող Վլ. Ղազախեցյան, Եր., 2000: Նախիջևան-Շարուրը 1918–1921 թթ., փաստաթղթեր և նյութեր, «Բանբեր Հայաստանի արխիվների», 1993, թիվ 1–2: «Հունական արխիվային փաստաթղթեր հայ-հունական հարաբերությունների մասին Առաջին հանրապետության շրջանում 1918–1920 թթ.», թարգմ. և կազմող Հ. Բարթիկյան, Եր., 1998: Հ.Յ. Դաշնակցությունը և Խորհրդային իշխանությունը (փաստաթղթերի և նյութերի ժողովածու), խմբ. և կազմող Վլ. Ղազախեցյան, Եր., 1999: «Չանգեզուրի հերոսամարտը հրամաններում (1921 թ.)», կազմ. Վլ. Ղազախեցյան, Եր., 2008: Օրջոնիկիձե Գ.Կ., Ընտիր հոդվածներ և ճառեր

конце работы в качестве резюме предоставляются архивные копии Московского и Карсского договоров.

Исследование проблемы обусловлено целым рядом обстоятельств. Прежде всего, отсутствуют прежние идеологические и политический пути. Кроме этого, рассекречены закрытые архивные фонды, вышли в свет ряд новых сборников документов и материалов, которые дают возможность по-новому рассмотреть армяно-русские и русско-турецкие отношения в целом и данные договоры – в частности.

Особенно ценным первоисточником для нашей работы послужил имеющий высокие достоинства многотомный сборник, составленный признанным юристом-международником, профессором **Ю. Барсеговым**¹. В тома его сборника включены такие ранее считавшиеся закрытыми и неприкосновенными фонды, как документы ЦК РКП(б), Кавказского бюро (Кавбюро) ЦК РКП(б), В. Ленина, И. Сталина, Г. Чичерина, Г. Орджоникидзе, Архива внешней политики Российской Федерации (РФ), представительства РСФСР в Турции и другие рассекреченные фонды, которые предоставляют неоценимо богатый материал для нового подхода к проблеме.

Использованы также отдельные фонды Центрального партийного архива бывшего Института марксизма-ленинизма (ныне: Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), коллекции микроплёнок, изданные в последний годы сборники доку-

ментов и материалов, относящихся к истории советского периода, книжные серии и т.д., которые по-новому освещают множество новых и неизвестных исторической науке вопросов, и т.д.¹

Таким образом, на основе богатейших, старых и новых научно-исторических материалов и в связи со столетней годовщиной Московского и Карсского договоров, мы сочли необходимым критическим взглядом обозреть из столетней дали последствия этих, причинивших такой вред национальным интересам армян договоров, и в свете современных событий попытаться обозначить возможные направления их преодоления.

1918–1937, Եր., 1950: **Բեկզադյան Ալ.**, Նախակներ, հորվածներ, փաստաթղթեր, Եր., 1981: «Նախիջևանի հիմնահարցը Մոսկվայի 1921 թ. մարտի 16-ի որոշումը րական պայմանագրում (գիտաժողովի նյութեր)», Եր., 2001, далее: Նախիջևանի հիմնահարցը Մոսկվայի 1921 թ. մարտի 16-ի պայմանագրում: «Բանբեր Հայաստանի արխիվների», Եր., 2008, թիվ 1:

¹ Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества (документы и комментарий), сост. проф. **Барсегов Ю.Г.**, т. 1, М., 2002, т. 2, ч. 1, М., 2003, т. 2, ч. 2, М., 2005, далее: Геноцид армян; *Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике (документы и комментарий)*, составитель, проф. **Ю.Г. Барсегов**, т. 1, М., 2008, далее: Нагорный Карабах (документы и комментарий).

---

¹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (далее: ЦПА ИМЛ), ф. 3, 64, 65, 85, документы Госдепартамента США (коллекции микроплёнок, № 1, оп. 1, д. 761–767), д. 86700, «Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний», т. 1, 1919–1929, каталог, М., 2000; **Ленин В.И.**, *Неизвестные документы 1891–1922*, М., 1999; ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос, книга 1, 1918–1933 гг., М., 2005 и др.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР

(Критический взгляд)

Вступление

Прошел ровно один век после оставившего глубокий след в исторической и политической судьбе Армении и армянского народа Московского русско-турецкого договора о «**дружбе и братстве**» от 16 (на самом деле – от 18) марта 1921 г. Он был подписан во времена совпадавших тогда военно-политических интересов заключившими обоюдный союз на основе далеко уходивших фальшивых лозунгов кемалистской Турцией и большевистской Россией.

Историческая реальность такова, что правительства двух международно непризнанных стран: кемалистской Турции и большевистской России, заключили договор и решили территориально-пограничные вопросы третьей страны – признанной ереванским армяно-русским соглашением (Дро-Леграна) от 2–3 декабря 1920 г. независимой Армении, без ее ведома и участия. Именно этим договором уже советизированная Армения фактически замкнулась всего лишь на территории в 30 тыс. кв. км. А чтобы решение, принятое этим (Московским) договором приобрело законную для Армении форму, через несколько месяцев: 13 октября 1921 г. в Карсе, по поручению правительства РСФСР, было подписан Карсский договор – подобие Московского договора, но уже при участии руководителя делегации Армении Аск. Мравяна. Уже 100 долгих и нескончаемых лет продолжает сохраняться этот несправедливый и незаконный договор.

Цель данного исследования, издаваемого по поводу 100-летней

годовщиной Московского русско-турецкого договора, состоит в том, чтобы в свете современных реальностей ответить на следующие, наиболее интересные и заслуживающие внимания вопросы читателя:

- а) предыстория русско-турецкого договора о «дружбе и братстве»;
- б) дипломатическая подготовка 2-й Московской конференции.

Вопрос участия делегации Армении;

в) открытие конференции: армяно-турецкие территориально-пограничные вопросы (анализ и оценки);

г) почему сфальсифицировали точный день заключения Московского русско-турецкого договора, 16 или 18 марта?

д) насколько армяно-турецкий Александропольский договор от 2–3 декабря 1920 г. повлиял на Московский русско-турецкий договор?

е) обобщающие, итоговые данные о договоре;

ж) Вопрос достоверности Московского договора и современность.

1. ПРЕДЫСТОРИЯ РУССКО-ТУРЕЦКОГО ДОГОВОРА О «ДРУЖБЕ И БРАТСТВЕ»

С точки зрения военно-политической и международных отношений, по оставленным ими последствиям 1920–1921 годы действительно стали судьбоносными для Армении и армянского народа. Как известно, 30 октября 1918 г. в Мудросской бухте греческого острова Лемнос «Больной человек» – Османская Турция признала ее поражение в Мировой войне с державами Антанты и подписала подобное капитуляции перемирие, одним из пунктов которого турецкие войска должны были отводиться к довоенной русско-турецкой границе 1914 г.

Однако поражение Турции и опасность территориальных потерь вскоре породили националистическое движение (милли), которое возглавил турецкий генерал Мустафа Кемаль. Истоками кемалистского

движения были пантюркизм, уничтожение имеющегося на его пути «Армянского клина» и восстановление целостности Турции. Для этого в июле-августе 1919 г. в **Эрзеруме**, а в сентябре месяце в **Связе** были созваны конгрессы милли, где, в частности, выразили стремление «не уступить Армении ни одной пяди турецкой территории.»¹ Выработанные на этих съездах документы были воплощены программном документе, названном **«Национальный обет» (Misak-I Milli)** и принятом стамбульским султанским (османским) меджлисом (парламентом) **28 января 1920 г.**, который состоит из преамбулы и 6 пунктов, фиксировавших принцип устранения Армянского вопроса, как необходимости для обеспечения территориальной целостности Турции. В дополнение к этому, турецкой территорией провозглашались также ранее находившиеся в составе Российской империи, а в тот момент являвшиеся составной частью РА Карсская область – вплоть до рек Арпачай (Аху-рян) и Ерасх (Аракс)².

После этого, весной 1920 г. Союзники (страны Антанты) оккупировали по предложению Англии Константинополь (Стамбул) и 16 марта распустили (разогнали) Османский парламент (меджлис). Поднявшиеся на борьбу против Антанты кемалисты бегут в Анатолию и делают своей столицей Ангору (Анкару). Для достижения своих целей националисты-милли сформировали в Ангоре альтернативную власть – независимую от султанского правительства. **23 апреля 1920 г.** в Ангоре открылось Великое национальное собрание – парламент сторонников милли и было сформировано новое правительство во главе с М. Кемалем-пашой, противопоставившее себя относительно умеренному стамбульскому правительству, возглавлявшемуся шурином султана Дамадом Феридом-пашой. Таким образом в стране создано своеобраз-

ное **двоевластие**: одно – международно признанное правительство в столице Константинополе, подчинявшееся султану Мехмеду VI, власть которого на деле ограничивалась столичными пригородами, а второе – международно непризнанная, мятежная (повстанческая) власть милли, т.е. правительство Великого национального собрания Турции (ВНСТ), которое возглавил Мустафа Кемаль-паша.

Именно с этих времен, на самом высоком уровне начинается обусловленный совпадением военно-политических интересов процесс советско-кемалистского сближения и формирования союза. Кстати, с конца апреля 1920 г., после переписки, начатой на уровне Кемалья-Ленина, возглавлявшееся В. Лениным правительство Советской России фактически первым признало правительство ВНСТ, возглавленное М. Кемалем¹. Уже 26 апреля, в письме, адресованном В. Ленину, М. Кемаль просил у Советской России в качестве помощи в общей борьбе против империализма дать им 5 млн турецких лир золотом, как и оружие, боеприпасы, определенные военно-технические средства и продовольствие для войска².

Одновременно турецкие националисты, чтобы привлечь на свою сторону большевиков, притворно объявили себя революционерами и социалистами, которые якобы преследуют в Турции и вообще на мусульманском Востоке далекоидущую цель распространения революционного пламени, утверждения социализма и даже коммунизма, а знаменосцем этого движения должна была стать кемалистская Турция. Большевикское же правительство, возглавлявшееся В. Лениным, проглотив эту пропагандистскую наживку, практически стало другом и союзником кемалистов.

¹ Кемаль М., ук. соч., т. 2, с. 272.

² Մաֆրաադյան Ռ., *Մուստաֆա Քեմալը. Կարգադր շարժումների շնորհիվ տիրոջն դեմ*, Եր., 2019, էջ 60–61:

¹ «Документы внешней политики СССР» (далее: ДВП СССР), М., 1958, т. 2, с. 554–555, 725–726.

² «Международная жизнь», М., 1963, N 11, с. 148.

И следует зафиксировать, что это советско-турецкое сближение и союз был направлен его острием против новосозданной РА и жизненных интересов армянского народа. В создавшихся условиях, когда вступившая посредством гражданских войн в Закавказье Красная армия 28 апреля 1920 г. без какой-либо стрельбы советизировала Азербайджан и оказалась на границах Армении, вскоре под ее влиянием в Армении вспыхнуло большевистское, антигосударственное, названное Майским, восстание. Правительство Армении, обеспокоенное опасностью советско-кемалистского сближения, командировало в конце апреля 1920 г. делегацию в Москву, которую возглавил вице-спикер последнего парламента Л. Шант, с целью проведения переговоров с Советской Россией об урегулировании армяно-русских отношений и для заключения договора о дружбе. Однако эти двухмесячные переговоры (Л. Шанта – Г. Чичерина), начавшиеся в конце мая, не принесли каких-либо практических результатов. Стороны не смогли прийти к согласию не только о дальнейшей судьбе западноармянских провинций, но и в вопросах принадлежности восточноармянских Арцаха, Сюника и Нахичевана. В результате, армяно-русские переговоры были прерваны с намерением продолжить их в Ереване.

Вопреки этому, во второй половине лета (в июле – августе) в той же Москве была созвана I русско-турецкая (большевистско-кемалистская) конференция (руководители делегаций Г. Чичерин – Б. Самибей). В этом случае успешные и многообещающие переговоры оказались более продуктивными, был составлен проект договора между Россией и Турцией, который был парафирован **24 августа** 1920 г. Тем самым правительство Советской России принципиально признавало так называемый «Национальный обет» турецких националистов (милли), принятый 28 января 1920 г. (1336 г. по мусульманскому календа-

рю)¹. Данный проект русско-турецкого договора из восьми статей был направлен острием против Севрского договора. Наш вывод следует из того, что уже 1-я статья проекта прямо утверждала: «Каждая из Договаривающихся Сторон соглашается в принципе не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых принуждалась бы силой другая из Сторон». Исходя из этого, «РСФСР соглашается ни в коем случае не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных Национальным правительством Турции, представленным ныне ее Великим Национальным Собранием»². Исходя из приведенного фрагмента не трудно заметить, что он направлен в первую очередь против Севрского договора, и Российская Федерация брала на себя обязанность не признавать его. Это означает, что Советская Россия изначально не признавала статьи 88–93, 6-го раздела «Армения», 3-ей части Севрского договора, выражавшие сокровенные чаяния армянского народа и целиком относившиеся к осуществлению идеи Объединенной и Независимой Армении³.

И это еще не все, во втором параграфе той же 1-й статьи Советская Россия официально признавала «Национальный обет» Турции⁴. Это означало, что РСФСР признавала прежнюю русско-турецкую государственную границу 1877 г., а значит переход Карса и Ардагана Турции. Нам ведь известно, что принятый 28 января 1920 г. константинопольским

¹ См.: *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 150–151; **Զոհրաբյան Է.Ա., 1920 թ. թուրք-հայկական պատերազմը**, էջ 142, **Գալոյան Գ.**, նշվ. աշխ., էջ 265–268, а также: «*Հայաստանի Հանրապետությունը 1918–1920 թթ.*», (քաղաքական պատմություն), փաստաթղթերի և նյութերի ժողովածու, կազմ. **Ղազարյանցյան Վլ.** և ուրիշներ, Եր., 2000, էջ 58–59 (далее: *Հայաստանի Հանրապետությունը 1918–1920 թթ.*):

² *Հայաստանի Հանրապետությունը 1918–1920 թթ.*, էջ 258, см. также: **Գալոյան Գ.**, նշվ. աշխ., էջ 265 և 267.

³ **Հակոբյան Ա., Միացյալ և Անկախ Հայաստանի գաղափարը Հայոց պատմության հոլովույթում**, Եր., 2020, էջ 141–144:

⁴ **Գալոյան Գ.**, նշվ. աշխ., էջ 267:

парламентом (меджлисом) документ, который называли «Национальным обетом»¹, провозглашал территориальную целостность Турции, под чем прежде всего понималась русско-турецкая граница 1877 г., то есть неотъемлемой частью Турции объявляли не только провинции Западной Армении, но и территорию в 18.784 кв. км всей Карсской области (с ее Карским, Ардаганским, Кагызванским и Олтинским округами), которая по Сан-Стефанскому, а затем Берлинскому договорам 1878 г. около 40 лет являлась органической частью Российской империи, а потом Республики Армения². На это намекали с конкретной целью, поскольку очень скоро она должна была стать одним из стержневых вопросов грядущего приглашения к русско-турецким переговорам.

Факты и документальные материалы показывают, что русско-турецкие переговоры лета 1920 г. не завершились окончательным договором, главным образом, именно в связи с армяно-турецкой территориально-пограничной проблемой Армянского вопроса. Дело в том, что во время данных переговоров, точнее – 13 августа, нарком по иностранным делам Г. Чичерин предложил турецкой стороне уступить Армении определенные территории восточных районов западноармянских провинций **Ван, Битлис** и **Муш**. Однако это предложение вызвало удивление и недоумение в среде турецких делегатов³. Чтобы представить доклад ВНСТ о данном, столь нежелательном для турок предложении Г. Чичерина, заместитель Бекира Сами-бея Юсуф Кемаль, как и находившийся в то время по поручению М. Кемаля в Москве дядя одного из авторов геноцида Исмаила Энвера-паши – Халил-паша, выехали в Турцию (в Ангору). Кстати, забегаая вперед укажем также, что когда позднее председателя правительства ВНСТ Мустафу Кемаль-пашу

уведомили об этом, он охарактеризовал требование Г. Чичерина как не более и не менее чем «империалистическое»¹.

О требовании Г. Чичерина определенных западноармянских территорий свидетельствует и член возглавлявшейся Л. Шантом делегации Амбарцум Тертерян в позднее написанных им мемуарах. А. Тертерян пишет, что в середине июня, когда во время армяно-русских переговоров Чичерину представили справку о Турецкой Армении, последний от имени Советской России пообещал удовлетворить армян, «присоединив к Армении определенные территории Турецкой Армении и обеспечив ей выход к Черному морю»². Намек Г. Чичерина, более или менее похожий на касающиеся Армении требования проекта договора, представленного туркам в апреле 1920 г. на конференции держав Антанты в Сан-Ремо, по нашему мнению, преследовал цель вывести Армению из-под влияния Антанты и ориентировать ее политически на Советскую Россию. Это видно из того, что прямо в начале переговоров Г. Чичерин предложил армянам отказаться от Союзников (Антанты) и повестки Севрской конференции, а решение Армянского вопроса передать на арбитраж Советской России³. И нужно заметить, что придерживаясь данных соображений, Г. Чичерин, а также, по нашему мнению, частично полномочный представитель России в Армении Борис Лигран и возможно еще несколько более или менее лояльных партийно-государственных деятелей, вплоть до кануна II советско-турецкой конференции, то есть до второй половины января 1921 г., защищали указанную, относительно благоприятную для армян точку зрения.

Тем не менее, как оказалось, скромные предложения Чичерина

¹ Մաքրաստյան Ռ., նշվ. աշխ., էջ 64:

² Конопка С.Р., *Кавказ*, Тифлис, 1914, с. 95.

³ См.: ДВП СССР, т. 4, с. 658, **Լազեան Գ.**, *Հայաստան եւ Հայ Դատը (հայ եւ ռուս յարաբերութիւններու լրոյսին տակ)*, Եր., 1991, էջ 252, а также: **Գալոյան Գ.**, նշվ. աշխ., էջ 264:

¹ **Գալոյան Գ.**, նշվ. աշխ., էջ 264:

² **Տէրտէրեան Հ.**, *Հայաստանի Հանրապետութիւնը եւ Խորհրդային Ռուսաստանի բանակցութիւնները*՝ *Լ. Շանթի պատվիրակութիւնը* (см.: «Հայրենիք», Բոստոն, 1954, թիւ 2 (փետրվար), էջ 14, (далее: **Տէրտէրեան Հ.**, նշվ. աշխ., «Հայրենիք», Բոստոն, 1954),

³ **Տէրտէրեան Հ.**, նշվ. աշխ., «Հայրենիք», Բոստոն, 1954, N 1 (հունվար), էջ 10:

просто-напросто не получили поддержки со стороны высшего руководства советского государства – В. Ленина, Л. Троцкого, И. Сталина, и других. В этом вопросе, на помощь кемалистам (турецкой делегации) пришел не больше и не меньше, а сам вождь большевистской партии и советского государства В. Ленин. Для устранения проблемы, 14 августа у Б. Сами-бея состоялась встреча с В. Лениным. В результате этого «любезного и откровенного» приема со стороны руководителя советского правительства было отвергнуто не только предложение Г. Чичерина, но и турки получили привилегию (разрешение) завоевать **Сарикамыш** и **Шахтакт** на территории Армении, с помощью чего Красная армия могла непосредственно связаться по суше с Турцией (Анатолией), и, в свою очередь, кемалисты тоже получали возможность связаться с Азербайджаном по земле Нахичевана¹. Странно, что хотя по заключенному в эти дни, **10 августа** в Тифлисе промежуточному армяно-русскому соглашению Нахичеван должен был перейти под контроль Красной армии, несколько дней спустя та же советская сторона, в лице В. Ленина, давала разрешение туркам завоевать составлявший часть Нахичеванского края Шахтакт, с его железнодорожным узлом вплоть до Джульфы. С другой стороны, дать кемалистам привилегию завоевать такой стратегически важный опорный пункт, как Сарикамыш, предоставлял им свободу в деле нападения на Армению. Кстати, против разрешения туркам захватить Сарикамыш-Шахтакт был, тем не менее, полномочный представитель Советской России в Армении Борис Легран, догадывавшийся о дальнейших агрессивных стремлениях кемалистов².

¹ См.: Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (прежний ЦПА ИМЛ), ф. 64, оп. 2, д. 11, л. 68, 75, 86, **Խաչատրյան Վ., Հայ-ռուսական հարաբերությունները 1920–1922 թթ.**, Եր., 2007, էջ 27, а также: *Հայոց պատմություն*, հ. IV, գիրք 1-ին, նորագույն շրջան, Եր., ՀՀ ԳԱԱ պատմության ինստիտուտ, 2010, էջ 251:

² **Հակոբյան Ա., Խորհրդային Հայաստանը Մոսկվայի և Գարսի պայմանագրերում**, Եր., 2010, էջ 30:

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что в результате советско-турецкой конференции июля – августа месяцев, 24 августа был парафирован проект русско-турецкого договора. В силу относительно благоприятной для армян позиции Г. Чичерина, он не приобрел вид окончательного договора. Турецкая делегация увезла проект договора в Турцию (Ангор), чтобы согласовать его со своим правительством. Однако дальнейшие события приняли такой оборот, что окончательное заключение договора было отложено более, чем на пол года. Поэтому 16 (18) марта 1921 г., в результате состоявшейся снова в Москве II русско-турецкой конференции, был подписан более насыщенный по содержанию и получивший вдвое больше – 16 статей, антиармянский договор, с полученной теперь формулировкой о «дружбе и братстве».

Кемалисты же, в их, опирающихся в основном на право силы двойственный дипломатических играх с одной стороны – с Россией, а с другой стороны – с державами Запада (Антанты), если требовалось – становились **русофилами**, силой, воюющей против империалистов Запада, и даже **«коммунистами»**, а при необходимости – ярыми **антикоммунистами**. Это проверенная тактика из арсенала турецкой дипломатии, которой продолжает руководствоваться и современная Турция.

2. ВТЯГИВАНИЕ АРМЕНИИ В ВОЙНУ ПРОТИВ КЕМАЛИСТСКОЙ ТУРЦИИ: ПОПЫТКА СРАВНЕНИЯ ТУРЕЦКО-АРМЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1920 Г. И АРЦАХСКОЙ ВОЙНЫ 2020 Г.

Чтобы разорвать Севрский договор и аннексировать часть восточноармянских территорий, как это было запланировано турецким «Национальным обетом», с ведома и молчаливого согласия правительства

Советской России, а также при безразличном отношении Западных «союзников», кемалистская Турция, изображая в качестве повода бои за Олтинские угольные залежи и другие пограничные споры, без объявления о начале военных действий развязала 28 сентября 1920 г. вторую турецко-армянскую войну. Далекоидущая цель кемалистов заключалась не только в срыве Севрского договора, но и в целом – они хотели «уничтожить армянскую армию и армянское государство»¹. Нападение Турции на Армению можно рассматривать как выражение советско-турецкого сближения и сотрудничества.

В этой катастрофической войне лишь недавно созданная армия Армении только 52 дня смогла оказывать сопротивление. В рядах вооруженных сил Армении дал себя знать ряд отрицательных явлений: не на высоте оказалось высшее армейское командование, набрало размах дезертирство военных, разлагающую роль сыграла также антигосударственная пропаганда большевиков. 30 октября без упорных боев пал хорошо укрепленный город-крепость Карс. Война принесла бедственные последствия в человеческом, территориальном, материальном, морально-психологическом и других отношениях. И словно этого было мало – Армения, потерпев тяжелое поражение от своего векового врага, встала перед угрозой потери независимой государственности и ее исконных земель. В результате поражения Армении в войне, в ночь со 2 на 3 декабря 1920 г. в Александрополе был подписан грабительский договор, который, тем не менее, фактически не имел правовой силы, поскольку, как известно, прежде чем руководитель делегации РА А. Хатисян подписал его, перед этим – сначала 29 ноября Армревком опубликовал декрет о советизации Армении, а затем в полдень 2 декабря в Армении произошла смена власти, то есть: бывшее правительство добровольно подало в отставку и власть перешла к новому прави-

---

¹ Кемаль М., ук. соч., т. 3, с. 314.

тельству – то есть в руки Армревкома. Однако это отнюдь не смягчило боль от мучений и потерь, понесенных Арменией и армянским народом. Плоды от победы, которые кемалистская Турция приобрела в турецко-армянской войне, и в большой степени благодаря помощи большевистской России, она должна была вкусить на Московской русско–турецкой конференции.

Ныне, из 100-летней дали, будет поучительным провести исторические параллели и сравнить 52–дневную турецко–армянскую войну 1920 г. с недавней 44–дневной Арцахской войной нашего времени (сентября–ноября 2020 г.). Так, произошло удивительное совпадение сроков начала войны с разницей всего лишь в один день: 28 и 27 сентября. В обоих случаях войну развязал противник: в первом случае – Турция, а во втором – Азербайджан, при многосторонней поддержке и покровительстве его старшего брата Турции, не говоря уже об арабских и авганских наемниках, турецких и и пакистанских отрядах особого назначения. Можно отметить, что обе эти войны сопровождалась провалами в действиях армянской стороны и закончились для Армении и армянского народа тяжелым поражением. Наконец, в обоих случаях были поставлены вопросы национальной безопасности, потери родных территорий и даже государственности.

Не трудно заметить, что противник тщательно, в течение десятилетий подготовился к только что завершившейся Арцахской войне, чего не скажешь об армянской стороне. Развязав войну, тандем Эрдогана–Алиева преследовал следующие цели: а) насильственным путем полностью изгнать армян из Арцаха и б) Турция, ее оказанной Азербайджану всесторонней поддержкой, являясь участницей происходившего, стремилась зафиксировать ее военно-политическое присутствие в кавказском регионе, не забывая также о ее давних и далекоидущих пантюркистских стратегических планах проникновения в страны Закаспия. Что же касается реакции на это военное противостояние заинтере-

сованных Западных держав и международной общественности, то в обоих этих случаях, как это происходило на всем протяжении нашей истории, она выразилась призывами о прекращении огня, примирении и возобновлении переговоров, равно обращенными к противоборствовавшим сторонам.

В отличие от роли Западных держав, Россия – независимо от ее образа правления и формы власти, приняла на себя важную роль в судьбе Армении и Армянском вопросе. В плане проведения исторических параллелей из 100-летней дали об исполненной Россией роли, можно отметить примечательную и поучительную схожесть, позволяющую прийти к вытекающим из этого обобщениям. Как во время турецко-армянской войны 1920 г., так и на заключительном этапе современной Арцахской войны, когда армянские вооруженные силы, вследствие внешних и особенно внутренних неблагоприятных причин оказались перед фактом провала и поражения, в обоих этих случаях Россия, хорошо осознавая собственные великодержавные интересы, вмешалась в противоборство и получила причитающуюся ей долю. В первом случае – в сотрудничестве с турками, часть Армении была советизирована мирным способом и перешла под протекторат Советской России, а во втором случае – в завершающей фазе 44-дневной Арцахской войны РФ снова выступила в роли посредника, смогла привести к прекращению огня и осуществила пресловутое заявление-соглашение о прекращении огня между противоборствовавшими сторонами от 9 ноября 2020 г., состоявшееся после тысячных человеческих потерь и содержащее крайне невыгодные для армянской стороны условия: уступку Шуши, Гадрутского района и так далее. Тем самым РФ получила возможность в обмен на установление мира в Карабахе как минимум на 5 лет (то есть – до 2025 г.) разместить там русские миротворческие силы, и т.д. Кроме этого, обнаруживаются также поползновения Азербайджана, пользующегося покровительством Турции и молчали-

вым согласием России, нарушить государственную границу и создать коридор для Нахичевана через Сюник.

3. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА II МОСКОВСКОЙ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

После того, как Армения потерпела поражение в турецко-армянской войне, стала советской и по сути – лишилась независимости, в начале декабря 1920 г. были предприняты подготовительные шаги к созыву 2-й русско-турецкой конференции. Понятно, что в основу этой конференции должны были заложить основные пункты антиармянского по своей сути турецкого «Национального обета», получившие одобрение на 1-й русско-турецкой Московской конференции (июля – августа 1920 г.).

Еще в середине ноября ангорское кемалистское правительство первым обратилось к правительству РСФСР, чтобы возобновить прерванные летом 1920 г. русско-турецкие переговоры и окончательно заключить дружеское соглашение в духе парафированного 24 августа проекта договора: Уже 9 декабря Г. Чичерин официально сообщил, что «Российское советское правительство, получив предложение турецкого правительства о конференции в Москве между Турцией и Россией, с радостью приветствует эту инициативу»¹.

Из этого можно сделать три вывода: а) инициатива по созыву русско-турецкой конференции исходила от турецкой стороны, б) в основе созываемой русско-турецкой конференции будет положен парафированный 24 августа Московский договор и г) новая, созываемая русско-турецкая конференция не должна была иметь никакой связи с Адек-

---

¹ НАА, ф. 4033, оп. 2, д. 1164, л. 1; ДВП СССР, т. 3, с. 371.

сандропольским договором. То есть, независимо от того, был заключен Александропольский договор или нет – в любом случае, уже в конце ноября – начале декабря месяца стороны достигли договоренности о созыве русско-турецкой конференции. Это означает, что русско-турецкая конференция не преследовала непосредственной цели пересмотреть Александропольский договор, а значит беспочвенны и подложны все те суждения советской и не только советской историографии, что якобы Московский договор преследовал цель пересмотреть и отменить Александропольский армяно-турецкий договор, навязанный армянскому народу силой и угрозой ее применения.

Нет сомнений, что кемалисты первыми проявили инициативу, сделав шаг к переговорам с Россией и заключению договора, чтобы подвести правовые и договорные основы под столь важную для них многообразную помощь. Созываемая конференция преследовала цель по уточнению не только турецко-закавказской границы, но и не менее важной, чем она, проблемы получения от России вооружений, золота, политико-дипломатической поддержки, чтобы противостоять Антанте и греческому фронту.

Нужно отметить, что принявший властные рычаги в Армении Ревком (председатель С. Касьян) наивно считал, что с советизацией Армении ее отношения с кемалистами якобы перейдут в дружеский этап¹, и на столь зыбкой почве он питал надежды, что при содействии Советской России станет возможным дружески урегулировать множество запутанных армяно-турецких проблем, накопившихся с прошлых времен, в том числе территориально-пограничные вопросы. Тем более, поскольку в результате проходивших в Ереване армяно-русских переговоров (Шанта-Леграна), парафированным 28 октября 1920 г. проектом заключительного армяно-русского договора фиксировалось

¹ К сожалению, оттенки соглашательской с турецко-азербайджанским тандемом политики можно заметить и в действиях нынешних властей Армении.

бы признание неотъемлемого права Армении на Зангезурский и Нахичеванский уезды, кроме этого, по требованию правительства РСФСР правительство ВНСТ должно было отвести его войска к бывшей русско-турецкой государственной границе 1914 г.¹

На следующий день после официальной советизации Армении и подписания Александропольского договора, 3 декабря Б. Легран имел телефонный разговор из Еревана с находившимся в Баку Г. Орджоникидзе. В ходе разговора они коснулись проблемы Александропольского договора. Легран сообщил, что «вчера делегация старого правительства, в то время когда в Армении произошел переворот, подписала мир, тяжелый и невыгодный. Я запрашивал Мдивани. Он сообщает, что турки понимают: ввиду переворота договор теряет силу и должен быть заключен новый»². В свою очередь, Г. Орджоникидзе передал Б. Леграну, что Москва согласна подписать договор с турками, и было бы огромным политическим результатом, если бы турки объявили недействительным договор, заключенный с дашнаками, и начали переговоры с новым правительством Армении, при нашем участии³. Иными словами, по мнению Орджоникидзе, Армения и Турция должны были провести самостоятельные переговоры с участием России и подписать новый договор. В этом случае пока еще речь не шла об участии Армении в русско-турецких переговорах, что подтверждает нота наркома по иностранным делам Армении Ал. Бекзадяна, направленная 10 декабря кемалистскому правительству⁴.

Датой первого практического шага к подготовке советско-турец-

¹ НАА, ф. 114, оп. 2, д. 132, л. 2; Հայաստանի Հանրապետությունը 1918–1920 թթ., էջ 315, а также: *Нагорный Карабах (документы и комментарии)*, с. 526.

² Геноцид армян, с. 282.

³ Там же, с. 283.

⁴ «Հայաստանը միջազգային դիվանագիտության և սովետական արտաքին քաղաքականության փաստաթղթերում» (1828–1923 թթ.), կազմ. Ջ. Կիրակոսյան, Ռ. Մահակյան, Եր., 1972, էջ 465–467, далее: «Հայաստանը...»:

кой конференции можно считать 8 декабря 1920 г., когда уточнили формат и место проведения конференции, то есть, что конференция будет советско-турецкой, а местом ее проведения станет Москва.

Принимая во внимание опыт 1-й русско-турецкой конференции, в период дипломатической подготовки 2-й советско-турецкой конференции турки испытывали подозрения, что Россия в лице **Г. Чичерина** может выдвинуть Турции определенные территориальные требования в пользу Армении: речь по-прежнему шла о Ване, Битлисе и Муше. Причем последний снова несколько раз намекнул на это рядом писем-записок в конце 1920 и начале 1921 годов. Понятно, что данные западноармянские территории должны были присоединить уже к Советской Армении. В частности, в письме от 30 ноября, направленном в Политбюро ЦК РКП(б), Г. Чичерин предложил «гарантировать в договоре с турками независимость Армении в границах, включающих и необходимую часть Турецкой Армении»¹. Затем, в еще одном, адресованном ЦК РКП(б) письме от 6 декабря он настаивал, что границы между Арменией и Турцией, в которые войдет определенная часть Турецкой Армении, нужно определить с помощью смешанной комиссии, при участии России².

В связи с этим, исполняющий обязанности комиссара по иностранным делам ВСНТ Ахмед Мухтар, направленной Г. Чичерину нотой от 15 декабря хотел узнать, какую позицию в отношении Армянского вопроса будет занимать Москва: «До нас доходят известия, что вы хотите ликвидировать существующий между нами союз и вернуть Армении территории с турецким населением»³. Кроме этого, факты свидетельствуют, что в отличие от И. Сталина и других членов ЦК РКП(б), Г. Чичерин обуславливал военную и финансовую помощь, которую со-

биралась оказать туркам, их уходом из оккупированных районов Армении и возвращением ими ряда западноармянских территорий¹. Добавим также, что и.о. комиссара по иностранным делам правительства ВНСТ А. Мухтар еще в одной ноте, направленной Г. Чичерину 27 декабря из Ангоры, требовал разъяснить данную проблему и устранить создавшееся противоречие, иначе он считал бесполезным созыв конференции. Более того, А. Мухтар угрожал языком дипломатического шантажа, что в противном случае турецкий народ может сориентироваться (повернуть) на Запад². Из сказанного очевидно следует, что кемалисты не соглашались даже на бывшую русско-турецкую пограничную межу 1914 г., не говоря уже о Ване, Битлисе и Муше.

При этом, как оказалось, благоприятные для армян подходы, продемонстрированные Г. Чичериным, и в этот раз не получили понимания и поддержки в Политбюро ЦК РКП(б). Назначенный полномочным представителем РСФСР в Турции Б. (П.) Мдивани дал турецким военным и дипломатическим представителям — командующему Восточным фронтом К. Карабекиру-паше, новоназначенному послу в РСФСР Али Фуаду-паше, Юсуфу Кемалю, Риза Нуру-бею определенные разъяснения о позиции Г. Чичерина в вопросе армянских территорий. В начале января 1921 г. Б. Мдивани переехал из Александрополя в Карс, а в конце месяца он должен был направиться в Ангору. По его описанию, целью подобной позиции Г. Чичерина было «успокоить английский и европейский пролетариат» и показать им, что Советская Россия якобы озабочена вопросом армянских земель. Мдивани заверил турецких делегатов, что «сам товарищ Сталин будет активно участвовать в предстоящих заседаниях Московской конференции» и «ни слова

¹ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 2, с. 413.

² *Геноцид армян*, т. 2, ч. 2, с. 414.

³ НАА, ф. 1022, оп. 4, д. 72, л. 24–25.

¹ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 259–260.

² Там же, ч. 2, с. 342.

не будет сказано о передаче Армении какой-либо части турецкой территории»¹.

Уже в середине января 1921 г. выезжавшая на Московскую конференцию турецкая делегация находилась в Карсе, и она не спешила, ожидая ответа на ее главное предусловие – чтобы советская сторона не предъявляла территориальных требований в Западной Армении. В связи с этим, фактический руководитель Закавказья Г. (С.) Орджоникидзе, в его телеграмме, направленной Г. Чичерину 14 января, предложил выполнить предварительное условие турок, то есть снять с повестки Московской конференции обсуждение вопроса об армянских провинциях Ван, Муш и Битлис².

Чуть позже о представленных Г. Чичериным туркам упомянутых территориальных претензиях становится известно и Сталину, который спешит разделить его озабоченность с председателем Совнаркома В. Лениным. 12 февраля он в направил В. Ленину составленное от руки письмо, позволяя себе грубые, издевательские и неподобающие выражения в адрес Г. Чичерина: «Т. Ленин,- написал И. Сталин,- я вчера только узнал, что Чичерин действительно послал когда-то туркам **дурацкое** (и **провокационное**) требование об очищении Вана, Муша и Битлиса (турецкие провинции с громальным преобладанием турок) в пользу Армении». Это армянско-империалистическое требование не может быть нашим требованием. Нужно запретить Чичерину посылку нот туркам под диктовку националистически-настроенных армян»³. Это замечание И. Сталина, получило, судя по всему, одобрение В. Ленина, как и С. Орджоникидзе, Б. Мдивани и других.

Таким образом, начиная с 1-й русско-турецкой Московской кон-

ференции и вплоть до 2-й, подход Г. Чичерина к возвращению Армении нескольких западноармянских регионов отражал требование, одобренное еще Временным правительством России, однако не получившее одобрения и поддержки со стороны советского высшего партийного и государственного руководства, осуществлявшего протурецкую политическую линию В. Ленина, И. Сталина и других. В этом отношении, их «добрые услуги» оказали также Б. Мдивани, С. Орджоникидзе, Н. Нариманов и другие.

В частности, накануне созыва конференции бросалось в глаза плохое отношение председателя Азревкома Н. Нариманова к армянским вопросам. Оно проявлялось в направленных В. Ленину письмах от 16 и 21 февраля. «Дорогой Владимир Ильич,- читаем в письме от 16 февраля,- едет в Москву турецкая делегация с нашим представителем Бейбутом Шахтахтинским. ...Самый щепетильный для них вопрос – это армянский... Они сказали: «Армянский вопрос есть вопрос жизни и смерти». ...Но если Москва из-за армянского вопроса оттолкнет ангорцев от себя, они, отчаявшись, могут броситься в объятия Англии»¹. «Я должен предупредить Вас,- писал в последних строках своего письма Н. Нариманов,- тов. Чичерин путает восточный вопрос, он слишком сильно увлекается армянским вопросом и не учитывает всего, что может быть, если разрыв с ангорцами будет, именно, из-за армянского вопроса. ...И если хотим удержать Азербайджан за собой, мы должны с ангорцами заключить крепкий союз во что бы то ни стало»².

Несколько дней спустя, 21 февраля, все тот же, ни в чем не отличавшийся от мусаватистов в Армянском вопросе большевик Н. Нариманов, направил В.И. Ленину еще одно письмо, снова увещевая, что Ар-

¹ Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 358.

² Там же, с. 352.

³ Там же, с. 374, ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, отд. крс 52, N 14, подчеркнуто И. Сталиным, слово «пользу» подчеркнуто дважды. См. также: *Խաչատրյան Գ., Հայ-տնական իրարեկրթությունը 1920-1922 թթ., Եր., 2007, էջ 121-122.*

¹ Геноцид армян, т. 2. ч. 1, с. 378, подчеркнуто В. Лениным; «Գաղթի», 1989, թիվ 4, էջ 50-51.

² Геноцид армян, т. 2. ч. 1, с. 379. У первого подчеркнутого фрагмента пометка Ленина: «другим членам Цека»; второй фрагмент подчеркнут Н. Наримановым.

мянский вопрос не должен играть какой-либо роли на переговорах с турецкой делегацией, и, напоминая, что в Армении свергли Советскую власть¹. Полномочный представитель Азербайджана Б. Шахтахтинский тоже был созвучен со своим руководителем Наримановым, в эти дни он вновь обратился к Москве с призывом снять с повестки переговоров Армянский вопрос и не позволить присоединение Нахичевана к Армении². Нариманов тоже был настроен решительно в отношении Нахичеванского вопроса. Он предупреждал, что если Нахичеванский вопрос не решат в пользу Азербайджана, то нельзя будет исключить усиление панисламизма и антисоветские выступления (восстания) в Азербайджане. То есть, накануне русско-турецкой конференции Нариманов требовал решить вопрос в пользу Азербайджана³. Кстати, летом 1920 г. Нариманову удалось таким же приемом политического шантажа решить в пользу Азербайджана и вопрос Нагорного Карабаха.

В этом смысле, по сути, не было никакой разницы между мусаватистами и подобными Н. Нариманову азербайджанскими националистами-коммунистами. По этому поводу нужно сказать, что такими же были и грузинские меньшевики, как и позиция грузин-коммунистов в вопросах жизненно важных интересов Грузии; чего, к сожалению, невозможно сказать об армянских коммунистах. Например, среди армянских коммунистов неблагоприятный для своего народа курс в отношении Армянского вопроса продемонстрировал Анастас Микоян. Так, он считал, что нужно бороться с империалистическими стремлениями армянской буржуазии, которая «опираясь на поддержку союзнического империализма и черносотенного генерала Деникина... лелеет химерную, ставшую преступной идею создания «Великой Арме-

нии», и стремится завоевать большую часть Турции. И это не единственное проявление А. Микояном его неблагоприятной для национального развития позиции. Он относится к тем немногочисленным большевистским деятелям, который даже высказался против известного декрета О «Турецкой Армении» от 29 декабря (11 января) 1917 г., подписанного В. Лениным и И. Сталиным, посчитав его «крупной ошибкой» и данью «армянскому шовинизму»¹.

В конце концов, накануне открытия Московской конференции, турецкие делегаты получили встречу и с наркомом по иностранным делам РСФСР Г. Чичериным. И после всего происшедшего, последний вскользь дал туркам понять, что относящуюся к Армении тему можно считать закрытой². В день открытия русско-турецкой конференции 26 февраля. В. Ленин лично принял турецких делегатов и дал им соответствующие гарантии по различным вопросам³. Между прочим, 13 декабря 1920 г., во время беседы члена Армревкома Асканаза Мравяна в Кремле с В. Лениным, последний считал Карс «турецким городом»⁴. И это в том случае, когда идеологический вождь В. Ленина К. Маркс в свое время считал Карс «оплотом Армении», а его область «самой богатой и наиболее освоенной частью Армении»⁵. И как бы ни было удивительно, в свете современных событий, ряд известных кругов теперь уже Шуши представляют как азербайджанский город.

Не отставала от И. Сталина с В. Лениным и антиармянская пропагандистская машина коммунистической печати, в особенности ее небызывестный представитель А. Скачко, распространявший ту протурецкую установку, что во имя победы революции на Востоке невозво-

¹ Там же, с. 387 (речь идет о Февральском антибольшевистском восстании 1921 г.).

² Там же, с. 390.

³ Միմոնյան Հր., Նախիջևանի խնդիրը Մոսկվայի պայմանագրում (Նախիջևանի հիմնադրամը Մոսկվայի 1921 թ. մարտի 16-ի պայմանագրում), էջ 10:

¹ Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 37–38.

² Պալոյան Գ., նշվ. աշխ., էջ 441:

³ В.И. Ленин и Советская внешняя политика, М., 1969, с. 116.

⁴ Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 336.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения, т. 11., М., 1958, с. 611; там же, т. 9, М., 1957, с. 117.

лительно уступать провинции Ван и Битлис Армении. Более того, А. Скачко считал, что Армения должна отказаться от Карса и Ардагана¹. Можно зафиксировать, что накануне конференции были созданы все необходимые условия, чтобы повести ее в выгодном для турок направлении.

4. ВОПРОС УЧАСТИЯ В КОНФЕРЕНЦИИ ДЕЛЕГАЦИИ АРМЕНИИ: О ТЕЛЕГРАММАХ С. ВРАЦЯНА

До созыва конференции, правительство РСФСР, понимая, что в особенности решение армяно-турецких территориально-пограничных вопросов без участия Советской Армении будет считаться грубым нарушением элементарных норм международного права, послало правительству Армении (Социалистической Советской Республики Армения – ССРА) приглашение для участия в конференции. По расчетам советского руководства, участие делегации Армении в конференции стало бы противодействующим шагом не только по отношению к Севрскому, но и по отношению к Александропольскому договору. Чтобы сохранять политическое равновесие, советское руководство, естественно, не могло не направить приглашения и в Советский Азербайджан. О чем Г. Чичерин предварительно поставил в известность турецкую сторону².

Делегацию Советской Армении возглавил нарком по иностранным делам ССРА Александр Бекзаян. После того, как 18 февраля турецкая делегация (руководитель Юсуф Кемаль-бей) добралась на поезде до Москвы и узнала об участии в конференции делегаций Армении, а также Азербайджана, делегаты Ангоры отказались от этого предло-

жения и вместо него выдвинули условие о двусторонней – русско-турецкой конференции, обосновывая, что они якобы не уполномочены вести переговоры с другими странами, в том числе и с Арменией¹.

Хотя советская сторона, как уже было сказано, еще в декабре месяце уведомила турок о ее предложении касательно участия советской Армении, как и Азербайджана, тем не менее, она не получила от турок какого-либо письменного или устного согласия на их участие. Когда же турецкая делегация прибыла в Москву и объявила, что она не уполномочена вести переговоры с Арменией, советская сторона, в том числе и делегация Армении, были поставлены перед фактом. Нет данных, как именно русская сторона откликнулась на данное утверждение турок. Можно предположить, что она приняла турецкий отказ без серьезного сопротивления. Еще до открытия конференции – 26 февраля, Г. Чичерин уведомил армянских делегатов, что они не могут участвовать в ее работе. То есть созываемая конференция вместо четырехсторонней должна была стать двусторонней: русско-турецкой.

Таким образом, приглашение правительства Советской России не имело достаточной силы, чтобы делегации Армении разрешили участвовать в конференции, поскольку против этого выступила турецкая сторона. Можно понять неговорчивость турок, поскольку присутствие армянской делегации могло породить для них хлопоты и беспокойство, особенно во время обсуждения территориально-пограничных проблем.

В связи с этим следует вернуться к эксплуатируемому в армянской исторической науке и политической литературе вопросу, что главной причиной неучастия делегации Армении в московских переговорах явилось вспыхнувшее в Армении во время созыва конференции Февральское восстание и две известные телеграммы-радиограммы предсе-

¹ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 385; «Жизнь национальностей», 4.03.1921.

² *ДВП СССР*, т. 3, с. 372, 391.

¹ НАА, ф. 114, оп. 2, д. 68, л. 25.

дателя Комитета спасения Родины С. Врацяна в Москву от 12 и 14 марта, касавшиеся запрета делегации Советской Армении участвовать в конференции.

Прежде всего, до того как перейти к работе собственно конференции, необходимо выяснить, какая общественно-политическая атмосфера сформировалась в Москве на самом деле, особенно вокруг обсуждения вопросов, относившихся к Армении. И действительно, в эти дни из Еревана получали неблагоприятные вести о том, что с помощью Февральского восстания 1921 г. свергнута советская власть и в наибольшей части Армении власть взял в свои руки Комитет спасения Родины (КСР), возглавленный последним премьер-министром РА С. Врацяном. Правительство Советской России, естественно, враждебно восприняло свержение советского строя в Армении. И совсем наоборот – для Турции были желательны политическая нестабильность в Армении, смутное положение и антирусская направленность ее политики. Однако в этом отношении мы не согласны с той мыслью, высказанной историком К. Сардаряном, что кемалисты старались, чтобы «до начала Московской конференции в Армении произошел переворот и власть снова перешла к Дашнакцутюн»¹, с тем, чтобы «Армения лишилась возможности участвовать в Московской конференции»². Не думаем, что кемалисты хотели бы повторного перехода власти в Армении в руки ненавистных им дашнаков во имя того, чтобы на подобной основе Армения лишилась права участвовать в Московской конференции, поскольку она уже лишилась возможности участвовать в конференции еще до того, как стали муссировать проблему касательно смены власти, произошедшей в Армении. Насколько нам известно из материалов конференции, турки не сделали ни одного намека на Февральское восстание,

чтобы усилить свои требования. И они никоим образом не откликнулись даже в связи с известными заявлениями С. Врацяна от 12 (а также 14) марта. Не имеется фактов, что турецкая сторона использовала эту телеграмму С. Врацяна, чтобы отвергнуть участие армянской делегации.

Реальность такова, что как минимум двумя неделями раньше, прямо накануне созыва конференции, делегации Армении запретили в ней участвовать. Конференция, при отсутствии делегации Армении, была созвана 26 февраля, а телеграмма председателя КСР С. Врацяна была послана, как уже сказано, 12 марта. В связи с этим одним из ироничных фактов является тот, что правительство С. Врацяна и его официальная газета «Свободная Армения» даже не были осведомлены, что делегации Армении запрещено участвовать в конференции, в противном случае было бы излишним посылать в Москву подобную телеграмму-радиограмму.

Таким образом, правильным ответом на вращающуюся уже целый век в научной исторической литературе версию о причинах неучастия делегации Армении в конференции является то, что Февральское восстание или телеграммы С. Врацяна не были истиной причиной, на самом деле – турки, чтобы избавиться от «головной боли», не пожелали иметь дела с армянской делегацией, которая, кстати, выехала в Москву с содержащими соответствующие требования документами и картами. Еще раз акцентируем внимание на том, что если бы даже делегации Армении разрешили участвовать в данной конференции, то можно уверенно утверждать, что в конечном результате переговоров ничего существенно не изменилось бы. В данном случае проблема состоит не только в факте непризнания Армянской государственности, но и в пренебрежении с моральной точки зрения – на конференции, где должны были обсуждаться и уточняться территориально-пограничные и другие вопросы, имеющие жизненно важное значение для Армении и ар-

---

¹ Սարգսյան Հ., Հայ-պարսկական հարաբերությունները 1918–1921 թթ., Եր., 2002, էջ 211:

² Там же, էջ 213.

мянского народа. И все это в том случае, когда и кемалистское, и большевистское правительства считались в тот момент международно непризнанными.

5. РЕАКЦИЯ МОСКВЫ НА «СПРАВОЧНУЮ ЗАПИСКУ» АРМЕНИИ

Во имя исторической справедливости стоит обратиться к требованиям-предложениям выехавшей в Москву делегации Советской Армении, особенно к пакету, относящемуся к армяно-турецкой границе, который должны были представить на обсуждение конференции.

Как уже отмечалось, выехавшая во второй половине февраля 1921 г. в Москву армянская делегация повезла с собой большой и цельный пакет вспомогательных документов, карт, других фактических материалов, озаглавленный «Справочная записка армянской делегации от 2 февраля 1921 г. для русско-турецкой конференции» и переданный в наркомат по иностранным делам России. Тем не менее, получилось так, что «Справочная записка» армянской делегации не была представлена русско-турецкой конференции. Эти документы около двух месяцев хранились у заместителя наркома по иностранным делам РСФСР Л. Карахана и в середине апреля были возвращены Ал. Бекзадяну¹. Тем не менее, в связи с московскими переговорами интересно бегло ознакомиться с содержанием этого пакета, особо адресованного В. Ленину, И. Сталину и Г. Чичерину.

Исходя из данных «Кавказского календаря» за 1917 г. в докладной записке представлен состав населения районов, которые охватывала территория РА – все население составляло 1.926.403 человека, из которых 1.052.497 или 54,6% – армяне, 514.400 или 26,7% – кавказские тата-

ры, 78.696 или 4,1% – курды, 57.761 или 2,9% – езиды и 223.049 или 11,5% – русские, греки, турки и другие¹.

В справочной записке приводятся обоснования историко-географической, этнической, экономической и политической необходимости присоединения к Советской Армении всей территории Республики Армения. В этом пакете документов были и карты, на которых обозначили четыре возможных варианта-предложения относительно армяно-турецкой границы, начиная с самого большого, включавшего в Армению Сурмалу с Большим и Малым Араратом (Сисом и Масисом), а также основную часть Карсской области и вплоть до самого малого 4-го варианта, с границами, которые предусматривались Александропольским договором, то есть по линии Аракс и Арпачай до гор Большая Агбаба и Кызылдаш (Кизил-даш), как и сел Большая Кмли (в тексте договора Кемли) и Тихнис².

Первым вариантом армяно-турецких границ, представленных делегацией ССРА, предусматривалось провести армяно-турецкую пограничную межу по высотам Аладжи, расположенным западнее рек Арпачай и Аракс, доводя их вплоть до внешних фортов Карсской крепости. Предлагая подобный вариант, армянская сторона считала, что в границы Армении должны войти Западноширакская (Шорагяльская) равнина, в которой находились только армянские населенные пункты и унаследованные еще со времен Багратидов чрезвычайно богатые историко-культурные памятники. Переход этой территории в состав Армении обосновывался также и тем, что железнодорожная линия Джанджур-Александрополь-Аракс-Ереван стала бы защищенной от курдотатарских разбойничьих нападений. И, наконец, проведение такой погра-

¹ Խաչատրյան Կ., նշվ. աշխ., էջ 120:

¹ НАА, ф. 114, оп. 2, д. 68, л. 4.

² Там же, л. 14–15, а также: ф. 1022, оп. 5, д. 65, л. 20.

ничной межи, по мнению армянской стороны, существенно ослабляло бы военное (стратегическое) значение Карса¹.

Вместе с тем, в соответствии с представленными конференции тремя вариантами армяно-турецкой границы, Армении возвращались Сурмалинский уезд – с Сисом и Масисом, а также часть Карсской области. При этом, Масисскому хребту (армянское название Айкакан Пар, турецкое – Агри-даг) придавалось стратегически важное значение, он должен был надежно защищать южную границу Армении. Основанием для включения Сурмалинского уезда в армянские требования в первую очередь служили те обстоятельства, что данный уезд никогда не был в составе османской Турции, и тем более – он не был указан в турецком «Национальном обете». В том же варианте, в котором в состав Армении включали Западный Ширак, в расчет были приняты факты сугубо армянского национального состава и историко-культурного облика равнины.

Понятно, что делегация правительства Советской Армении не могла предъявить большего. По ее представлению, конечно невозможно было говорить о Севрском договоре и даже о присоединении к Советской Армении какой-либо западноармянской провинции. Тем не менее, как уже было сказано, делегации Армении не только не позволили участвовать в конференции, но и не обратили внимания ни на одно из тех четырех скромных предложений о границах, которые она представила.

На наш взгляд, эта печальная страница истории армянского народа кажется повторилась. Можно напомнить читателю, что как за 40 лет до описываемых нами событий делегации во главе с выдающимся деятелем Мкртичем Хримяном не разрешили участвовать в Берлинском конгрессе 1878 г. и не удостоили вниманием представленные им два

проекта армянских реформ, подготовленных патриархом Константинопольским Н. Варжапетяном, а также египетским богачом и политическим деятелем армянином Нубаром-пашой; так и делегации Армении не позволили участвовать в Московской конференции, проигнорировав пакет с четырьмя скромными предложениями армянской стороны. Однако различие между этими двумя похожими эпизодами состоит в том, что если делегация во главе с М. Хримяном представляла армянское сообщество, то Александр Бекзадян уже представлял государство. Тем не менее, как видим, в обоих случаях их миссии не получили отклика и закончились безрезультатно.

Итак, насколько актуальны скромные территориально-пограничные предложения, представленные армянскими коммунистами, в контексте наших территориально-политических притязаний? На данную постановку вопроса можно ответить тем, что подобные скромные предложения-требования, в случае благоприятствующего со временем изменения обстоятельств, всегда могут снова стать вопросами повестки дня. С другой стороны, нужно отметить, что и в те времена в Компартии Армении состояли С. Тер-Габриелян, А. Бекзадян, Б. Борьян и другие подобные им деятели, имевшие четкий национальный облик, которые впоследствии в 1930-е годы оплатили его ценой своих жизней.

6. ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС

а/ Открытие конференции и организационные вопросы

И, наконец, 26 февраля 1921 г. в Москве открылась II русско-турецкая конференция. Россию на ней представляли нарком по иностранным делам Георгий Чичерин (руководитель делегации) и член Центрисполкома РСФСР Джелаледдин Коркмасов. Накануне, по сек-

¹ НАА, ф. 1022, оп. 5, д. 65, л. 19.

ретной просьбе Ангоры, из переговорного процесса удалили заместителя наркома по иностранным делам, армянина по национальности Льва (Левона) Карахана, а вместо него привлекли сотрудничавшего одновременно с иттихадом – младотурецкой организацией «Единение и прогресс», дагестанца по происхождению Джелала Коркмасова¹. Турецкую же делегацию, как уже было сказано, представляли нарком народного хозяйства ВНСТ Юсуф Кемаль-бей (Тенгиршек, руководитель делегации), народный комиссар Риза Нур-бей и полномочный посол Турции в РСФСР Али Фуад-паша (Джебесой) – в качестве членов делегации. Конференция открылась без участия делегации Армении, и это в том случае, когда по ереванскому армяно-русскому соглашению (Дро-Леграна) от 2–3 декабря 1920 г. Армения считалась независимой социалистической республикой², а в ходе переговоров затрагивались жизненно важные для Армении и армянского народа территориально-пограничные вопросы.

Данная конференция, как продолжение I советско-турецкой конференции, заложила в основу ее переговоров парафированный проект русско-турецкого договора от 24 августа 1920 г. Должны были также принять во внимание события и изменения, произошедшие за семь месяцев после парафирования, и в соответствии с ними внести в определенные статьи дополнения, уточнения редакционные и другие и по характеру поправки. А до созыва конференции, за прошедшие месяцы имели место следующие политические изменения: после подписания Севрского договора Армения проиграла в неравной войне с Турцией, был подписан Александропольский договор, Армения была советизирована, а державы Антанты, под давлением этих фактов и исходя из их собственных интересов, стали проявлять безразличие к Армянскому

вопросу. Иными словами, можно сказать, что все обстоятельства сложились очень неблагоприятно для Армении.

Сообщим, что для организованного и системного проведения собственно переговорной работы на II русско-турецкой конференции, были созданы три комиссии: политическая, юридическая и редакторская¹. Однако вместе с этим, изучение материалов конференции показывает, что до 9 марта собирались не официальные заседания, а имели место неофициальные встречи, обсуждения и беседы. Интересно, что определяя содержание и формат переговоров, стороны договорились, что отдельные решения, в частности о военно-финансовой помощи, должны остаться секретными и не будут отражены в договоре, а другие должны быть включены в текст договора². В частности, еще в письме, направленном в ЦК РКП(б) 6 декабря 1920 г., Г. Чичерин предупреждал, что в советско-турецком договоре не должна быть отражена оказываемая ими помощь Турции, чтобы это не встретило противодействия со стороны Антанты, особенно – Англии³.

Кроме этого, проясняя вопрос о характере подлежавшего заключению Московского договора, мы видим, что советская сторона сначала предложила туркам подписать не просто договор о «дружбе и братстве», а двусторонний **военно-политический союз**. Это видно из того, что еще до открытия конференции, в письме, адресованном В. И. Ленину от 22 февраля, Г. Чичерин выражал недовольство, поскольку без его ведома, как и наркомата по иностранным делам, В. Ленин и И. Сталин послали Б. Мдивани шифровку с подобным содержанием. Последний, в свою очередь, вел переписку с К. Карабекиром. Из этих шифрованных писем выясняется, что посредством Б. Мдивани советская сторона **сделала туркам официальное предложение заключить политический и**

¹ Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 423.

² Հայաստանի Հանրապետությունը 1918–1920 թթ., էջ 383:

¹ Хейфец А.Н., *Советская дипломатия и народы Востока (1921–1927)*, М., 1966, с. 110.

² Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 396.

³ Там же, с. 306.

военный союз, о чем однако же не был осведомлен Г. Чичерин. Последний же считал «Союз» с турками несовместимым с подготавливавшимся торгово-экономическим соглашением с Англией¹. Из этого нетрудно догадаться, что высшее руководство советского государства, влекомое ветрами экспорта революции на Восток, имело даже желание создать военно-политический союз с рассматривавшейся как «цитадель» такой революции кемалистской Турцией, который однако удалось предотвратить Г. Чичерину.

И действительно, реальность такова, что еще на начальной стадии бесед-переговоров турецкие делегаты, опираясь именно на направленные Мдивани и указанные выше шифровки Ленина и Сталина, известили Чичерина об их полномочиях заключить политический и военный союз с Россией. Узнав об этом, дипломат Чичерин находил недопустимым заключение русско-турецкого союза, иначе в случае возможной англо-турецкой войны Россия была бы вынуждена объявить Англии войну. В этой связи Чичерин пишет, что он многими часами беседовал с турецкими делегатами, уговаривая их, что русско-турецкий договор должен быть по своей форме и содержанию «дружественно-братским,» но не должен приобрести вид военно-политического союза². В этой связи, нарком по иностранным делам Г. Чичерин, будучи недовольным работой действовавших в Турции российских дипломатов и в то же время принимая во внимание ведущую роль Турции на Востоке, поднимал вопрос об отзыве из Ангоры первого секретаря посольства России Я. Упмала-Ангарского вместе с полномочным представителем Б. Мдивани, и отправке туда вместо них послом такого непререкаемого авторитета, каким был тов. М. Литвинов³.

¹ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 391. Об этом торгово-экономическом соглашении будет говориться в связи с вопросом фальсификации точного дня заключения Московского договора.

² Там же, с. 392.

³ Там же, с. 407.

В плане характера русско-турецких отношений того времени, из столетнего далека можно сделать сравнение и прийти к выводу, что как тогда, так и сегодняшние отношения, по нашему мнению, если не являются союзническими, то их можно считать как минимум лояльными и дружескими – сопоставляя их торгово-экономическую, энергетическую, военно-техническую, туристическую и другие области. Более того, вследствие неуравновешенной и недальновидной политики нынешнего политического руководства РА, практически, РФ даже дала Турции возможность продемонстрировать ее присутствие на южном Кавказе. Выражением этого стала та многосторонняя поддержка, вплоть до политической и военной, которую Турция оказала своему младшему брату Азербайджану в войне, развязанной им осенью 2020 г. против армян Арцаха.

б/ Территориально-пограничные вопросы: судьба Сурмалинского уезда

В ходе московских 20-дневных официальных и неофициальных переговоров, главными из обсуждаемых были территориально-пограничные вопросы. Это заметно по тому, что охватывающие собственно договор первые три его статьи (1-я, 2-я и 3-я) относились к турецко-кавказским, а фактически – к урегулированию армяно-турецких территориально-пограничных проблем. Как уже отмечалось, в качестве основы для их решения были приняты статьи парафированного 24 августа русско-турецкого договора, и в первую очередь – требования турецкого «**Национального обета**».

Как уже было сказано, изучение протоколов и других материалов конференции показывает, что начиная со дня ее открытия – 26 февраля и вплоть до 9 марта, официальных заседаний не созывали, а вместо них стороны проводили неофициальные встречи, беседы, направляли запросы, вели переписку по самым различным вопросам. До созыва пле-

нарных заседаний, основополагающим вопросом считалось принципиальное признание турецкого «Национального обета», из чего вытекало уточнение и урегулирование территориально-пограничных проблем. Причем, по признанию Г. Чичерина, между сторонами шли закулисные переговоры и, по сути, состоялась сделка. **По свидетельству Г. Чичерина, пленарные заседания политической комиссии начали только тогда (с 10 марта), когда между сторонами уже две недели осуществлялись официальные переговоры, в ходе которых, соответствующими решениями ЦК РКП(б) и при содействии руководителей страны были решены вопросы всех территориально-пограничных уступок¹.**

Однако, пока в результате еще I русско-турецкой конференции июля-августа 1920 г. помимо территориально-пограничного требования, содержавшегося в получившем одобрение турецком «Национальном обете», имелся еще один вопрос – это была проблема определения дальнейшей судьбы Сурмалинского уезда. Известно, что Сурмалинский уезд, с его представляющими символ для армянского народа Сисом и Масисом, с Игдирем и Кохбом, после нескольких разделов Армении составлял органическую часть Восточной Армении и продолжительное время не входил в Османскую империю, а после провозглашения независимости Армении он составлял неотъемлемую часть РА. В ходе турецко-армянской войны 1920 г., хотя благодаря Сурмалинскому фронту под искусным командованием Драстамата Канаяна (Дро) уезду удалось успешно защититься от вторжения турецких войск, тем не менее, в конечном итоге, после неудачи на Карсском фронте и падения Карсской крепости, а затем захвата Александрополя, чтобы не попасть в окружение, армянские войска и мирное население были вынуждены оставить Сурмалинский уезд и перейти на левый берег реки Аракс.

¹ Саркисян Е.К., *За кулисами, как рождался Московский договор 1921 г.* (см.: «Литературная Армения», Ер., 1991, № 1, с. 82).

При этом, как известно, в требования турецкого «Национального обета» входили передача Турции не только Карсского и Ардаганского округов, но и Батумской области, то есть восстановление русско-турецкой границы 1877 г. по ее состоянию до войны 1877–1878 гг. До тех пор, пока у власти в Грузии находились грузинские меньшевики, советское правительство не выказывало особой озабоченности Батумским вопросом. Но как только 25 февраля 1921 г. 11-я Красная армия вошла в Тифлис, и Грузию тоже объявили советской, правительство РСФСР стало беспокоиться по поводу дальнейшей судьбы крупнейших морских ворот Кавказа – города Батума и его гавани, а также нефтепровода. В этом случае был применен удивительный фокус: операция по обмену территориями, в соответствии с которой исконно армянский Сурмалинский уезд, который не входил в территориальные требования турецкого «Национального обета», должны были сдать Турции, а приблизительно такую же по площади территорию из Батумской области – с городом Батумом и его гаванью, должны были вернуть Советской Грузии.

Известно, что в период советизации Грузии определенные и хорошо известные грузинские меньшевистские круги предпочитали, чтобы турецкая армия вошла и заняла Батум. Кстати сказать, 1 марта турецкая армия захватила Ардаган, Ардвин и Ардануч. Собственно же в интервале между заседаниями конференции происходит неожиданное для советской стороны событие: 11 марта турецкие подразделения сделали шаг и вошли и в Батум как в область, прикрепление аннексия которой Турцией якобы предусмотрена «Национальным обетом»¹. Однако для

¹ «Борьба за победу Советской власти в Грузии (документы и материалы), (1917–1921 гг.), Тбилиси, 1958, с. 702–703 (далее: *Борьба за победу...*). Турки оставались в Батуме всего лишь одну неделю. На следующий день после подписания договора И. Сталин телеграфировал Г. Орджоникидзе, что необходимо мощным ударом выбить турок из Батума. Инициативу данной операции взяло на себя Командование Кавказского фронта (см.: *Геноцид армян (документы и комментарий)*, т. 2, ч. 1, с.

советского правительства присутствие турок в Батуме после советизации Грузии стало уже совершенно излишним и даже опасным.

И вот, прикрываясь на Московской конференции термином некоего уточнения границ турецкого «Национального обета», советская сторона выдвинула требование, чтобы Батум и его окрестности, а также обслуживающие его шоссе и железная дорога принадлежали Грузинской ССР¹. Для этого был поставлен вопрос о выводе турецких войск из города и района. Позже мы увидим, что данное уточнение скорее превратилось в территориальный обмен, то есть – составлявший часть «Национального обета» Батум с его окрестностями перешел к Советской Грузии, или более точно – к РСФСР, а вместо него находившийся вне территориальных рамок «Национального обета» и никогда не входивший в состав османской Турции Сурмалинский уезд, с его символами для армян – эпическими Сисом и Масисом, с Игдиром и Кохбом, были сданы Турции. То есть – за счет армянского уезда Сурмалу Грузия получила компенсацию Батумом и его окрестностями. В результате, в территориальном плане, из всех 6254 кв. верст площади Батумской области, ровно половина перешла к Грузии, а за это Турция получила Сурмалинский уезд площадью в 3174 кв. верст². Советская сторона обосновала эту рокировку тем, что Батум – крупнейший порт Кавказа, морские ворота, который имеет жизненное значение для края. Одним словом, состоялась политическая торговля за счет исконно ар-

468). 18 марта передовые части 11-й Красной армии вступили в Батум, и турки удалились из города. В этот же день правительство меньшевиков (более 50 человек), взяв с собой правительственные деньги, уехали за границу на итальянском пароходе (*Борьба за победу...*, с. 708).

¹ Хейфец А.Н., ук. соч., с. 110; Ջոհրաթյան Է.Ա., *Սովետական Ռուսաստանի և հայ-թուրքական հարաբերությունները*, էջ 226–227; **он же**, *Տարածքային-սահմանային հարցերը ռուս-թուրքական երկրորդ կոնֆերանսում (1921 թ. փետրվար-մարտ)*, «Լրաբեր» հասարակական գիտությունների, 1989, N 2, էջ 9; см. также: Չալոյան Գ.Ա., նշվ. աշխ., էջ 443.

² Завриев Д., *К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции*, Тбилиси, 1947, с. 69–70.

мянской территории. И для того, чтобы развитие этого вопроса пришло к выгодному для турок решению, 9 и 10 марта В. Ленин и И. Сталин вмешались в проблему их указаниями-распоряжениями. В конце концов, вследствие их вмешательства окончательно согласовали территориальный обмен по Сурмалу-Батуму и уточнили всю советско-турецкую границу. В регионе Батумской области пограничная межа должна была начинаться у населенного пункта Сарп на берегу Черного моря и направляться на юго-восток до горы Хедисмта, оттуда она шла на восток по Шавшетской гряде и т.д. Иными словами, Батумская область делилась на две приблизительно равные части: на южную – турецкую и северную – грузинскую.

Может возникнуть вопрос, как случилось, что турки все же пошли на подобную, нарушавшую их «Национальный обет» «уступку»? По всей вероятности, это нужно объяснять тем, что обменивая Батум на Сурмалу, турки не только не понесли территориальных потерь, но и получили возможность приблизиться к пограничной линии Нахичевана, а чуть позже, осуществив территориальный обмен с Ираном, установили с ним прямую связь.

Таким образом, приняв за основу переговоров турецкий «Национальный обет» и парафированный проект русско-турецкого договора о дружбе от 24 августа 1920 г., Россия и Турция, Г. Чичерин и Ю. Кемаль их взаимным соглашением еще больше конкретизировали притязания каждой из сторон. В данном случае, эта конкретизация выразилась в том, что в обмен на получение Батумской области, советская сторона вручила Турции Сурмалинский уезд. Вот так был «решен» вопрос о дальнейшей судьбе Сурмалинского уезда и символической святыни армян, или по словам Е. Чаренца – «символа вечности армянского на-

рода»¹ – Арарата (Масиса), не спрашивая согласия его действительного хозяина и носителя ценностей – армянского народа.

в/ Нахичеванский вопрос

Несмотря на то, что Нахичеванский край составлял органическую часть Арартской провинции, что он располагается на левом берегу Аракса и не имел никакой связи с требованиями турецкого «Национального обета», не менее сложные обсуждения развернулись и по вопросу о дальнейшей принадлежности этого края. Известно, что осенью 1920 г. он был оккупирован турецкими войсками. На заседании политической комиссии Московской конференции от 10 марта 1921 г. были обсуждены вопросы статуса и границ Нахичевана. Турецкая делегация объясняла присутствие ее вооруженных сил в Нахичеванском крае тем, что якобы местное мусульманское население пригласило турецкие войска, и оно находится под покровительством Турции.

Полномочный представитель Азербайджана в Советской России Бейбут Шахтахтинский, кто, в отличие от армянских делегатов состоял в постоянном активном общении с турецкими делегатами и Г. Чичериным, считал, что Нахичеванский край нужно вывести из-под опеки Турции и до окончательного урегулирования проблемы превратить его в самоуправляющуюся под протекторатом Советской России область². И. Сталин как будто солидарный с Б. Шахтахтинским, направил ранее – 6 марта, адресованное Чичерину официальное письмо-записку и в свою очередь давал указание, что последнее слово по вопросу о Нахичеване будет отдано представителю Азербайджана³. Это означало, что советская сторона готова была вручить Нахичеван Азербайджану, вероятно, чтобы завоевать в этом вопросе симпатию турок. Можно ска-

зать, что эта инструкция И. Сталина стала руководящей в сфере возможных уступок и деятельности русской делегации.

Тем не менее, в начальный период советско-турецких обсуждений, во время неофициальных переговоров в первой декаде марта, советская сторона не смогла безоговорочно провести хотя бы этот вариант, и, в конечном итоге, согласилась с представленным турками требованием, что в последующем нашло отражение в ст. 3 договора. То есть: между сторонами существовали определенные разногласия в вопросах статуса и границ Нахичевана, но это отнюдь не приносило пользы интересам Армении и армянского народа.

Изучение материалов московских переговоров показывает, что именно советская сторона проявила инициативу в том, чтобы Нахичеван перешел под покровительство Азербайджана. Цель этого шага состояла в том, чтобы вывести край из под влияния Турции и в качестве компромиссного решения вопроса вручить его под покровительство соплеменников Азербайджана. И это в том случае, когда Нахичеван не имел никакого отношения к требованиям турецкого «Национального обета», а турецкое обоснование фактором оккупации края, как уже было сказано, состояло в том, что якобы их пригласили в данный регион мусульмане – их единоверцы.

В любом случае, формулировка статьи 3 собственно договора оставила место для вмешательства турок в вопросе Нахичевана. А именно: было заложено императивное условие, что Нахичеванская область «образует автономную территорию под протекторатом Азербайджана, при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству»¹. Понятно, что под упоминанием о третьем государстве подразумевалась Армения. Забегая вперед отметим, что хотя впоследствии турецко-закавказский Карсский договор от 13 октября 1921 г.,

¹ Չարկեց Ե., Երկրի ժողովածու, Եր., 1954, էջ 490:

² Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 390.

³ Нагорный Карабах (документы и комментарии), с. 619.

¹ НАА, ф. 114, оп. 2, д. 132, л. 12; «Հայաստանի...», էջ 501:

представлявший собой копию Московского договора, не содержал в своей, относившейся к Нахичевану статье 5 упоминания о запрете передавать Нахичеванскую область третьему государству, в связи с которой, кстати, у нас (армян) возникли определенные надежды и иллюзии, тем не менее, уже в 1923 г. требование договора поставить Нахичеванскую область в статусе автономной республики под протекторат Азербайджана осталось неизменным.

Если поверить турецкому историку Тевфику Бийиклиоглу, то оказывается, что это советская делегация предложила создать Нахичеванскую Автономную Республику под покровительством Азербайджана¹. В качестве решения проблемы, турецкая сторона согласилась уступить это покровительство Азербайджану, при условии, что в дальнейшем оно не будет передано третьему государству. Со своей стороны, турецкая делегация, выступавшая в роли покровителя мусульман, считала, что оказывает дар, уступая Нахичеван Азербайджану. Вопреки этому, российская делегация возразила в той части, что не может принять такую формулировку турок, по которой «Турция уступает свое право протектората» прежде всего по той причине, что Александропольский договор не был ратифицирован и во-вторых, якобы потому, что «население Нахичевана призвало турецкую армию». Такое утверждение не имеет также юридической достоверности, чтобы послужить основой для подобного покровительства. В свою очередь, турецкая сторона предупредила, что если на этой территории произойдет резня мусульман, то турецким войскам будет трудно сохранить нейтралитет². И это говорила делегация страны, в результате прежнего и нового правительства которой в 1915–1916 гг. был осуществлен Геноцид 1,5 млн. западных армян, а в течение 1918–1920 гг. было вырезано более чем 200 тысяч

---

¹ «Երեկոյան Երևան», 9.06.1988:

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 60; Նախիջևանի հիմնադրամը Մոսկովայի 1921 թ. մարտի 16-ի պայմանագրում, էջ 51:

восточных армян. Кстати, на турецкое заявление касательно резни мусульман в Нахичеване российская делегация возразила, напомнив об избииении немусульманского населения в Карсе¹.

В конце концов, стороны договорились о следующей формулировке, по которой «Нахичеван передается под протекторат Азербайджана, с тем условием, что Азербайджан не уступить этот протекторат третьему государству»². Стороны принципиально согласились закрепить это в отдельном пункте статьи 3 договора. Было зафиксировано, что нарушений данной статьи договора будет считаться нарушением всего договора. Можно сказать, что в вопросе Нахичевана советская делегация не придавала особого значения тому, в чьем составе он будет находиться – Азербайджана, или Армении? В данном случае будет излишним еще раз напоминать о многообещающей декларации ревкома Азербайджана от 30 ноября 1920 г.

Представляется интересным, что даже в вопросе уточнения нахичеванских границ, удовлетворяя свои захватнические аппетиты, турецкие военные специалисты присоединили к Нахичеванской области не только часть Шарур-Даралагязского уезда, но и часть бывшего Ереванского уезда, вплоть до станции Арарат; то есть они включили в область трехугольный участок территории на юге Ереванского уезда. Между тем, крайний предел границы Нахичевана должен был достигать Гайли-Друнка. Азербайджан никогда – даже при мусаватистах, не претендовал на то, чтобы взять под свой протекторат какую-либо часть Ереванского уезда и всегда считал пределом своей границы Гайли-Друнк.

Изложенное здесь показывает, что по договору вышеуказанные три района не переходили под безоговорочную юрисдикцию Турции. Имей советская делегация достаточно желания и прояви она последо-

---

¹ Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 429.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 60.

вательность в ходе московских переговоров – в этом случае было возможно дать совершенно иное решение проблеме Нахичеванского края. Мы считаем, что у турок не было достаточных оснований настаивать в данном вопросе (приглашение населения не было юридическим основанием), поскольку Нахичеванский край, составляющий органическую часть Восточной Армении, не считался компонентом турецкого «Национального обета», как не являлся его составляющим элементом и Сурмалинский уезд, который также насильно отняли у Армении.

Таким образом, историческая реальность состоит в том, что советская сторона сама первой предложила вручить протекторат на Нахичеван Азербайджану, с чем, выдвинув определенные условия, согласились турки. Кроме того, что передача Московским договором Нахичеванского края Азербайджану означала значительную (в 5500 кв. км) территориальную потерю для Армении, она причиняла вред и со стратегической точки зрения. Фактически, этим самым создавался вражеский плацдарм в тылу Армении – на левом берегу Аракса, который становился связующим звеном между Турцией и Азербайджаном и потенциальной угрозой для Зангезура и Арцаха (Карабаха). Спустя столетие после Московского договора, в свете нынешних реалий не трудно заметить, что эти опасности и угрозы для Армении не только не уменьшились, но и еще больше усилились.

Принимая во внимание этническое братство между турками и азербайджанцами, а также далекоидущие планы первых из них, считаем, что с точки зрения стратегических интересов России, как и Ирана, было целесообразнее присоединение Нахичевана как сквозного окна к Армении. Нахождение Нахичевана в составе Армении смогло бы сыграть роль своеобразного бруствера между Турцией и Азербайджаном. Само собой разумеется, что пограничное соприкосновение Турции с Азербайджаном могло вызвать политическое возбуждение и пантюркистские домогательства. Но, к сожалению, большевистские вожди

того времени думали совершенно иначе. Увлеченные иллюзиями распространения всемирной революции на мусульманском Востоке, они стремились создать непосредственную пограничную связь между Азербайджаном и Турцией, а оттуда и с другими мусульманскими странами. В этом причина, почему советская делегация не проявила заинтересованности, чтобы Нахичеванский край составил часть Армении.

Обращаясь к судьбе Нахичевана с расстояния прошедших 100 лет, нужно сказать, что Советская Россия и ее нынешняя преемница РФ не сделала какого-либо заявления или даже намека на проблему Нахичевана, и вообще относительно пересмотра русско-турецкого Московского договора. В этом плане иллюзорны наивные надежды и ожидания определенных армянских кругов, как относительно многих вопросов, связанных с данным договором, так и касательно дальнейшей судьбы Нахичевана. Что же касается Армении, то недавняя неудачная Арцахская война показала, что она не в состоянии самостоятельно поднять подобный вопрос. Более того, в нынешнем положении Нахичеванский край по прежнему продолжает оставаться стратегическим коридором для турецко-азербайджанского тандема в его пантюркистских домогательствах. В наши времена тоже нетрудно заметить, что получив всестороннюю поддержку от Турции, Азербайджан даже претендует на овладение Сюником, чтобы утвердить непосредственную сухопутную связь с Нахичеваном.

Таким образом, осуществив определенные, несущественные территориально-пограничные изменения и редакторские поправки стилистического характера, в 23 часа 16 (18) марта 1921 г., в среду (как было указано в договоре), текст пленарного заседания конференции на

французском языке от 16 марта¹ снова подтвердил требования, внесенные в турецкий «Национальный обет» и даже более того.

7. ПОЧЕМУ БЫЛ СФАЛЬСИФИЦИРОВАН ДЕНЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ РУССКО-ТУРЕЦКОГО МОСКОВСКОГО ДОГОВОРА: 16 ИЛИ 18 МАРТА?

При изучении рассекреченных в последние годы архивных документов выявилась примечательная фальсификация (фейк), связанная с Московским договором. Оказалось, что на самом деле русско-турецкий Московский договор был подписан не 16 марта, как отмечено в его тексте и других сборниках, а двумя днями позже – 18 марта. Чем можно объяснить подобную фальсификацию, редко встречающуюся в международной дипломатии?

Изучение документальной базы показывает, что изменение даты подписания Московского договора напрямую связано с заключенным в те же дни торговым соглашением (Л. Красина – Р. Хорна) между Россией и Великобританией, состоявшимся в Лондоне. Известно, что после продолжавшихся около года русско-английских переговоров, полномочный представитель России Л. Красин и министр торговли Великобритании Роберт Хорн подписали 16 марта 1921 г. торгово-экономическое соглашение, имевшее также политический подтекст.

Дело в том, что стороны договорились воздерживаться от враждебных действий в отношении друг друга. Россия обязывалась не вести антибританскую пропаганду в Индии, Афганистане, Иране и на Ближнем Востоке. Точно также, Великобритания взяла на себя обязательство не заниматься антирусской пропагандой в странах бывшей Российской

империи¹. Это требование, содержавшее взаимное политическое обязательство, было включено в преамбулу русско-английского торгового соглашения². Принятие этого условия означало, что Великобритания ни коим образом не могла оказывать помощь эмигрантским правительствам Кавказа. В то же время, заключение соглашения означало, что Англия признавала де факто (фактически) РСФСР.

Однако против подписания либеральным премьер-министром Д. Ллойд Джорджем соглашения с большевиками выступили министры-консерваторы У. Черчилль и Дж. Керзон. Последние предложили несколько предварительных условий к подписанию соглашения с Россией. Одним из условий считалось требование, чтобы Россия пересмотрела ее отношение к Армении и потребовала от Турции ряда территориальных уступок в пользу армян.

И чтобы ввести англичан в заблуждение, русско-турецкий Московский договор был подписан с опозданием – 18 марта, однако на документе поставлено 16 марта. Целью этого тактического приема было показать английскому правительству, что невыгодный для армян советско-турецкий договор подписали раньше англо-советского соглашения, и что русские якобы не были осведомлены о содержании советско-английских переговоров, чтобы выдвинуть требование о возвращении Армении Карса и Ардагана. Оказывается, что, в свою очередь, заключению русско-турецкого договора противились по другим соображениям и турки.

Из письма Г. Чичерина, адресованного 17 марта В. Ленину, мы узнаем, что Московский договор все еще не был подписан. Г. Чичерин сообщал, что после долгого спора турки согласились подписать договор при следующем условии: мы должны дать письменное обещание,

¹ См.: АВПР, ф. 04, оп. 33, папка 232, д. 52998, л. 85.

¹ «Известия», Москва, 22.03.1921. См. также: **Махмурия Г.Г.**, *К Политике Великобритании в Армении и Закавказье в 1918–1920 гг.*, с. 244.

² ДВП СССР, т. 3, с. 608.

что несколько лет подряд окажем денежную помощь в 10 млн. руб. золотом в год, якобы в качестве средств на восстановление хозяйства Турции, чтобы Англия не рассматривала эти суммы как направленный против нее враждебный акт. По утверждению Чичерина, «все готово для подписания. Договор подпишем завтра (т.е. 18-е) вечером. Но до подписания они должны получить от меня эту бумажку о выдаче им 10 миллионов (золотом) ежегодно несколько лет. Я решительно за то, чтобы дать такую бумажку. Эта сумма гарантия, что нам возвратят Батум. Ответ мне нужен сегодня до 6 часов вечера, чтобы успеть написать бумажку и не задержать подписания. Договор будет датирован 16, когда мы еще не знали о подписании Красиным договора с Англией (т.е. будет датирован задним числом)»¹: На следующий день – 18 марта, Политбюро ЦК РКП(б) заслушал Г. Чичерина по вопросу о выдаче туркам подобного письменного обязательства, и принял решение согласиться с его мнением². Русско-турецкий договор был подписан в тот же день, после решения Политбюро, то есть вечером 18 марта, после чего турецкой делегация был дан «торжественный ужин».

Обнаруживший в свое время этот факт вслед за историком Р. Казанджяном юрист-международник, проф. Ю. Барсегов, благодаря извлеченным из рассекреченных фондов Министерства иностранных дел РСФСР и Архива социально-политической истории России новообнаруженным документам и материалам проливает дополнительный свет на причины затяжки с русско-турецких Московским договором. Как оказалось, причина оттягивания с подписанием Московского договора состояла не только и не столько в вопросе получения денежной помощи от России, сколько в требовании, выдвинутом Великобританией на

лондонских переговорах, об исполнении определенных территориальных уступок в пользу Армении¹.

После этого Г. Чичерин секретной телеграммой в Лондон на имя Л. Красина отдал следующую установку: если англичане выразят недовольство в связи с Московским договором, то вы разъясните, что «наш договор с Турцией был подписан в день подписания Вами соглашения, ибо мы не ждали, что Ваши переговоры так скоро кончатся. Главное содержание этого договора – территориальное разграничение, что не имеет отношения к нашему соглашению с Англией. Не может же Англия требовать от нас, чтобы мы взяли обратно уступку **Карса** и **Ардагана** (выделено нами – **А.А.**) или чтобы мы начали с Турцией войну»². Известно, что на Лондонской конференции стран Антанты (в феврале–марте 1921 г.) 26 февраля министр иностранных дел Англии Дж. Керзон предложил представителю ангорского правительства Бекиру Самиеву, чтобы Турция дала согласие передать Армении несколько армянских округов вокруг Карса и Ардагана³. И как представляется, это требование лорда Керзона не встретило возражений со стороны Бекира Самии.

Как уже было сказано, во время проходивших в эти же дни в Лондоне русско-английских переговоров английская сторона предложила и русским партнерам (руководитель Л. Красин) потребовать у турок Карс и Ардаган, чтобы передать его Армении. Однако, поскольку правительство РСФСР принципиально приняло турецкий «Национальный обет», оно не сделало попытки потребовать возвращения Карсских и Ардаганских округов Армении. Поэтому стороны обратились по взаимному согласию к дипломатическому мошенничеству: датировали договор, подписанный 18 марта, двумя днями ранее – 16 марта, что

¹ Казанджян Р., ук. соч., с. 175–177. См. также: *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 465–466, т. 2, ч. 2, с. 428; *ДВП СССР*, т. III, с. 605–607.

² *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 467.

¹ Там же, с. 465–466; т. 2, ч. 2, с. 428.

² Там же, т. 2, ч. 2, с. 471. См. также: *ДВП СССР*, т. IV, с. 11.

³ *Геноцид армян*, т. 1, с. 644.

вводило в заблуждение как англичан, так и мировую общественность. И это в том случае, что будь Карсский и Ардаганский округа присоединены к Армении, это стало бы частичным решением вопроса, уже не говоря о том, что эти, подлежавшие присоединению округа должны были, в конечном итоге, составлять часть Советской империи. Однако советское правительство оказалось безразличным и в этом вопросе.

То, что русско-турецкий Московский договор не был подписан до 18 марта, видно также из письма находившегося в эти дни в Москве, но неучаствовавшего в конференции руководителя делегации Армении Ал. Бекзадяна, отосланного из Москвы и адресованного все того же 18 марта Мик. Атабекяну в Баку. В этом письме Ал. Бекзадяна не только отсутствуют какие бы то ни было упоминания о подписании в Москве договора, но в нем даже не выражалось особого оптимизма, что этот документ скоро будет подписан¹.

Как видим, одной из причин оттягивания с подписанием Московского договора было желание турок получить письменное согласие на оказание русскими помощи, другой же причиной было стремление ввести в заблуждение англичан. Исходя из этого, подписанный 18 марта договор был датирован 16 марта, чтобы показать, что якобы он заключен почти одновременно с Лондонским русско-английским соглашением, и якобы Москва была неосведомлена о содержании указанного соглашения, чтобы не выдвигать требования о возвращении Карса и Ардагана в пользу Армении. Исходя из этого не трудно заметить, что Москва и Ангора сфальсифицировали даже дату подписания договора, чтобы не допустить какого-либо благоприятного для армян решения территориально-пограничной проблемы Армении в результате возможного внешнего давления.

О факте подписания Московского договора 18 марта косвенным

---

¹ НАА, ф. 114, оп. 2, д. 68, л. 26.

образом свидетельствует также то обстоятельство, что после его подписания – на следующий день: 19 марта – турецкие войска удалились из Батума, а вместо них в город вошли советские подразделения¹. Именно на это намекала записка, направленная Г. Чичериным В. Ленину².

Обобщая этот эпизод, связанный с подписанием имеющего столетнюю давность Московского советско-турецкого договора, можно сделать вывод, что был сфальсифицирован даже точный день подписания договора, являющегося международно-правовым документом, чтобы даже в этих обстоятельствах Армении и не раз столкнувшемуся с бедствиями армянскому народу не была предоставлена какая-либо часть территории из его исторических пределов. Это можно рассматривать как исключительное явление в международном договорном праве. И судя по всему, сколь бы ни было удивительным, инициаторами этого подлого шага являлись большевики.

8. ПОВЛИЯЛ ЛИ АРМЯНО-ТУРЕЦКИЙ АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКИЙ ДОГОВОР ОТ 2–3 ДЕКАБРЯ 1920 Г. НА РУССКО-ТУРЕЦКИЙ МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР?

К одним из спорных аспектов армянской историографии относится насчитывающий столетнюю историю вопрос о взаимосвязи между Александропольским и Московским договорами, который нужно рассматривать с двух точек зрения: **юридической** и **территориальной**.

---

¹ ДВП СССР, т. 4, с. 657.

² Научная добросовестность требует отметить, что историк Р. Казанджян в первый раз в армянской историографии проявил эту фальсификацию, допущенную в связи с подписанием советско-турецкого Московского договора: **Казанджян Р., К вопросу о датировке Московского советско-турецкого договора 1921 г.** («Вестник общественных наук» НАА РА, Ер., 1999, № 1, с. 175–179).

В вопросе историко-правовой и политической оценки Александропольского договора нужно зафиксировать, что он считается фактически (*de facto*) состоявшейся реальностью, однако не имел юридической силы в нескольких смыслах: а) вследствие мирного государственного переворота и смены власти, делегация Армении больше не имела полномочий на его подписание, б) договор не был ратифицирован уже уничтожившимся парламентом Армении и в) договор был подписан под угрозой грубой силы и даже физического воздействия со стороны противника. Кроме того для психологического воздействия в день подписания из окна крепости были заметны тела нескольких поднятых на виселицу человек, К. Карабекир ясно дал понять армянским делегатам, что они не смогут удалиться, не поставив требуемой им подписи¹. Что касается турецкой стороны, то а) с международной точки зрения, представляемое К. Карабекир-пашой правительство рассматривалось как непризнанное и незаконное, и даже возглавлявший его М. Кемаль-паша считался преступником в глазах законного османского правительства, судом которого тот был приговорен к смерти, б) Александропольский договор не был ратифицирован турецким Великим национальным собранием (*меджлисом*) и в) аналогично, навязанный Ангорой с помощью грубой силы и применением угроз договор не должен был иметь юридической силы с точки зрения международного договорного права, а, следовательно, и международного признания.

Неравноправный Александропольский договор, несомненно, был навязан силой и угрозами потерпевшей тяжелое поражение стороне; но с другой стороны, он не имел правовой силы и был недействительным. Прежде всего отметим, что состоявший из 18 статей Александропольский договор не ратифицировала и официально не опубликовала ни одна из сторон. О том, что Александропольский договор был докумен-

¹ См.: Արծրունի Վ., Հայ-տաճկական պատերազմը, Հայ սպայությունը, Շառաշի, Եր., 2002, էջ 320:

том, не имеющим международно-правовой силы, нарком по иностранным делам РСФСР Г. Чичерин уведомил посла Турции в Москве Али Фуада нотой, направленной 8 апреля 1921 г. В ней нарком напоминал турецкому послу, что Александропольский договор был заключен дашнакским правительством в тот момент, когда уже было провозглашено советское правительство Армении, и этот договор не был ратифицирован. Кроме этого, исходя из текста договора, его можно было приводить в исполнение только после того, как законодательные органы сторон утвердят его в течение месяца, что также не сделано¹. Таким образом, как можно заметить, Александропольский договор во всех его аспектах не получил какой-либо юридической основы с обеих сторон, чтобы его можно было признать и принять к исполнению.

С другой стороны, в советской и даже в постсоветской историографии в работах ряда авторов имеет также хождение стереотип, что якобы по Александропольскому договору Армении оставалась территория всего лишь 10 тысяч кв. км, которую приравнивают к площади, предусмотренной армяно-турецким Батумским договором от 4 июня 1918 г.² Подобное не соответствует действительности. Думаем, что в случае более или менее последовательного и справедливого урегулирования территориально-пограничной проблемы, территория ССР Армении могла достигать как минимум 40 тысяч кв. км³.

Сравнивая начерченные контуры армяно-турецких границ в Александропольском и Московском договорах можно убедиться, что Александропольский ни чем не уступал Московскому и его более

¹ Մանակյան Տ., Յաւալի պայմանագրեր, Եր., 2007, էջ 350:

² См.: Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 7, Եր., 1967, էջ 111, Արզումանյան Մ.Վ., Դարավոր գոյամարտ, Եր., 1989, էջ 349, Հայկական համառոտ հանրագիտարան, հ. 1, Եր., 1990, էջ 83, Գալոյան Գ.Ա., նշվ. աշխ., էջ 376, «Ազատամտություն», 14.10.2009 և ուրիշներ:

³ Հակոբյան Ա., Խորհրդային Հայաստանը Մոսկվայի և Գարսի պայմանագրերում, Եր., 2010, էջ 94:

поздней копии – Карсскому договорам с территориально-пограничной точки зрения. Так, если в Александропольском договоре граница на отрезке Карсской области проходила западнее сел Тихнис, Большой Кимлы и Кизил-даш, то есть упомянутые населенные пункты с их прилегающими угодьями были включены в состав Армении, то в Московском договоре – наоборот – армяно-турецкая пограничная линия прошла восточнее этих сел, то есть – их оставили в составе Турции. В соответствии с картографическими наблюдениями и приблизительными подсчетами признанного историка-картографа Бабкена Арутюняна, по Московскому договору (в его сравнении с Александропольским текстом) к Турции перешла площадь в 250 кв. км¹. Если учесть, что по Александропольскому договору к Армении переходила территория в 600 кв. км в северо-восточном районе Карсской области, а по Московскому договору, из-за небрежности и непоследовательности советской стороны, чертившей границу и составлявшей карту, треугольный участок земли площадью около 250 кв. км снова был отдан Турции, то Московский договор по сравнению с Александропольским оставил Армении всего лишь 350 кв. км из Карсской области, которые составляют Агбабинский, ныне Амасийский подрайон².

Данный факт, приведенный нами, совсем не преследует цели оправдать или взять под защиту грабительский, но недействительный и уничтожившийся Александропольский договор. В данном случае фальсификация в исторической науке состоит в том, что не будь заключенным Александропольский договор – не было бы и относящихся к Армении тяжелых условий Московского договора. Между тем, как уже было отмечено выше, в ходе Московской конференции не было

никаких упоминаний о существовании Александропольского договора. Не говоря уже о считающихся явной фальсификацией интеллектуальных упражнениях о том, что якобы с помощью Московского договора был отменен Александропольский договор. Совершенно очевидно, что такие и подобные им завуалированные заявления, не имеющие ничего общего с данной и подобным историческими событиями, использовались в прошлом как оружие в осуществлявшейся против АРФД (Дашнакцутюн) идеологической борьбе. Отсюда следует вывод, что историография должна служить только науке, истине, чтобы можно было приходить только к верным заключениям и выводам, позволяющим извлекать из прошлого поучительные уроки.

9. ОБОБЩАЮЩИЕ ДАННЫЕ О РЕЗУЛЬТАТАХ ДОГОВОРА

Прежде чем зафиксировать обобщающие численные и другие результаты, относящиеся к территориально-пограничным вопросам Московского договора, отметим, что в состоящем из 16 статей русско-турецком Московском договоре только первые три статьи непосредственно относятся к территориально-пограничным проблемам закавказских республик, остальные статьи в основном относятся к вопросам, связанным с отношениями между двумя «дружескими» странами: отмене наложенного ранее на Турцию режима капитуляций, обеспечению двусторонних транспортных связей, свободному передвижению людей и товаров, въезду и выезду, семейному праву граждан обеих сторон, свободной продаже их имущества, обоюдному возвращению военных и гражданских пленных по принципу «всех на всех», консульской

¹ Հարությունյան Բ., *Երկու ճշգրտում* (Նախիջևանի հիմնահարցը Մոսկվայի 1921 թ. մարտի 16-ի պայմանագրում, էջ 78):

² См. об этом, включая картографию пограничного размежевания: Հայաստանի Ազգային ատլաս, հ. Բ., Եր., 2008, էջ 210–215.

конвенции и подписанию других соглашений, необходимых для урегулирования межгосударственных отношений и так далее¹.

Из перечисленных здесь групп статей, нас интересует своим современным звучанием статья 13, относящаяся к Армении и армянам, позволявшая возвращение всех военных и гражданских пленнх, находившихся на территориях по обе стороны границы. Ведь мало того, что в результате осенней турецко-армянской войны 1920 г. тысячи армян попали плен, в дополнение к ним десятки тысяч молодых и пригодных для труда людей были угнаны на рабские работы полуодетыми, в условиях зимней стужи; их погнали из захваченных районов Армении в качестве дешевой рабочей силы в направлении Карина, Ерзнки и других местностей². Данная статья договора актуальна и для нашего времени, потому что в результате потерпевшей тяжелейшую неудачу Арцахской войны 2020 г., 9 ноября было подписано армяно-русско-азербайджанское трехстороннее заявление, в котором также говорится об обмене и возвращении попавших в плен военных и гражданских лиц, по принципу «всех на всех», однако это положение все еще остается невыполненным, и азербайджанская сторона по сей день не выполняет этого международного гуманитарного требования.

И наконец, с точки зрения юридического сопоставления, статья 15 является одной из наиболее примечательных в Московском договоре. Приведем ее целиком: «Россия обязуется предпринять в отношении Закавказских Республик шаги, необходимые для обязательного признания этими Республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей настоящего договора, непосредственно их касающих-

ся»¹: Статья возлагала на правительство России обязательство, чтобы оно убедило независимые по международному праву, но фактически подчиненные Советской России три советские республики Закавказья: Армению, Грузию и Азербайджан, заключить договор с Турцией, в котором они **обязательным образом** (подчеркнуто автором – А.А.) признают относящиеся к ним статьи Московского договора. Целью статьи 15 Московского договора было привести заключенный документ каким-то образом в соответствие с нормами международных договоров, придать ему правовое содержание.

Обе договаривавшиеся стороны – РСФСР и правительство ВНСТ прекрасно понимали, что они – пока еще не признанные в международном плане правительства, заключают договор и решают вопросы, имеющие жизненную значимость для третьего государства – в данном случае для Армении, да к тому же, без ведома и участия ее приглашенной в Москву делегации. Это можно отнести к числу исключительных случаев, занесенных в историю международных отношений XX века.

И наконец, в последней статье 16 Московского договора, как и принято обычно, говорится о как можно более скорой ратификации договора и обмене ратификационными грамотами в Карсе. Отметим, что ратификация договора двумя сторонами состоялась в июле 1921 г., а обмен ратификационными грамотами произвели в сентябре того же года².

Вот с такими печальными результатами 22 марта делегация Армении, состоявшая из 12 человек, «проявляя истинный пролетарский интернационализм», возвратилась с пустыми руками домой. Добавим, что секретариат наркомата по иностранным делам РСФСР распределил шестерым делегатам Армении в качестве дара по одному отрезу на

---

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 56, л. 36–37, ф. 114, оп. 2, д. 132, л. 13–15; «Հիշատակ...», էջ 502–504.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 56, л. 37; ф. 114, оп. 2, д. 132, л. 14.

---

¹ Там же, ф. 114, оп. 2, д. 132, л. 15; *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 460; «Հիշատակ...», էջ 504.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 56, л. 38.

френч, а также белье и обувь¹. Вот таким было единственное «достижение» армянской делегации. А 19 мая 1921 г. пленум ЦК КПА, заслушав сообщение наркома по иностранным делам Ал. Бекзадяна о работе армянской делегации на русско-турецких переговорах, одобрил политическую линию делегации². В условиях советско-коммунистического идеологического и организационного тоталитаризма, другого решения и быть не могло.

***

Обращаясь к итоговым результатам Московского договора, возникает вопрос, сколько территории потеряла Армения по Московскому договору, и сколько получили взамен Турция и Азербайджан? Рассчеты показывают, что Турция получила от Армении больше территории, чем было предусмотрено ее «Национальным обетом». По русско-турецкому Московскому договору к Турции перешли Карсская область в 17250 кв. км и Сурмалинский уезд в 3450 кв. км, всего – 20700 кв. км исконно армянских земель. Кроме этого, по требованию Турции Нахичеванская область в приблизительно 5500 кв. км была передана ее младшему брату Азербайджану. В этом контексте, если учтем, что незаконным (принятым без голосования) решением Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г. Нагорный Карабах в 4160 кв. км тоже был подарен Азербайджану, то в результате этих антиармянских сделок 1921 г. у Армении и армянского народа были отняты и присоединены к Турции с Азербайджаном $20700 + 5500 + 4160 = 30360$ кв. км территории, которая, на самом деле, была еще большей, поскольку площадь Советской Армении (ССРА) и ее преемника нынешней Республики Армения составляет 29,8 тыс. кв. км.

Статьи договора составляют следующую картину: если по статье 1

договора Турция получала Карсскую область и Сурмалинский уезд, по статье 12 договора Грузия получала из Батумской области площадь города Батума с портом, нефтепроводом и прилегающими участками, то по статье 3 договора Азербайджан тоже, в свою очередь, получал Нахичеванскую область, в то время как Армения, оставшись ни с чем, только потеряла территории. По статьям 1 и 2 Московского договора Армения теряла два края: Карсскую область и Сурмалинский уезд – площадью более 20700 кв. км, а по статье 3 – Нахичеванский край. Получается, что если Грузия и Азербайджан получили причины радоваться Московскому договору, то Армения и армянский народ по сей день продолжают жить только с чувством потери и боли.

Таким образом, потерпевшая поражение в Первой мировой войне и совершившая в ее ходе тяжелейшее преступление Геноцида армян Турция, вместо того, чтобы быть призванной к ответу международным сообществом, наоборот – воспользовавшись существовавшими между великими державами противоречиями, разыграв притворную революцию и дружбу с большевистской Россией, не только не понесла наказания за ее геноцидную политику и не вернула западноармянские провинции, предусмотренные Севрским договором, но и даже получила в качестве вознаграждения по Московскому договору значительную часть восточно-армянских территорий. Вот так был «решен» по наглому и издевательскому выражению одного из советских деспотичных диктаторов И. Сталина, содержавшемуся в известной статье, напечатанной в газете «Правда», «так называемый армянский вопрос»¹.

Вышеизложенное порождает еще один вопрос: почему советское государство сделало такие большие уступки Турции за счет территорий Армении? Прежде всего, главную причину этого нужно искать в Восточной политике советского государства тех времен. Смысл этой

¹ НАА, ф. 1, оп. 1, д. 85, л. 11.

² Там же, д. 39, л. 4.

¹ «Правда», 4.12.1920.

политики состоял в том, что большевистское правительство считало Турцию цитаделью всемирной революции на Востоке, центром организации и распространения национально-освободительного движения в странах Востока. Следовательно, чтобы осуществлять эту всемирную миссию, необходимо было поощрять, заинтересовывать турок территориальными уступками, золотом, оружием, боеприпасами, и т.д. К сожалению, делавшиеся Турции территориальные уступки, были сделаны в основном за счет жизненных интересов Армении и армянского государства, расчленив и присвоив его территории. Из сказанного следует, что в этот судьбоносный период перепитий истории Армения оказалась на перекрестке интересов большой большевистско-кемалистской политики, и поэтому она пошла по пути навязанных ей со стороны этих сил жертв и огромных потерь.

10. ВОПРОС ДОСТОВЕРНОСТИ МОСКОВСКОГО ДОГОВОРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В те далекие времена одним из первых, кто говорил о полученных им впечатлениях от московских переговоров и дал им оценку, был отбывший в Москву, но неучаствовавший в переговорах руководитель делегации Армении Ал. Бекзадян. Он рассказывает в письме, направленном 18 марта полномочному представителю Армении в Баку Микаелу Атабекяну, о безвыходном положении, созданном для делегации Армении, и действиях, которые они должны предпринять. Бекзадян констатирует неопределенный статус делегации Армении, на что, несомненно, повлиял целый ряд обстоятельств, в том числе – Февральское антисоветское восстание 1921 г. в Армении, Кронштадское восстание моряков в России, межпартийные дискуссии, тяжелое социально-экономическое и политическое положение, создавшееся в со-

ветской стране вследствие политики «военного коммунизма», и т.д.¹ Однако Бекзадян не абсолютизировал ни одно из этих неблагоприятных обстоятельств и не сделал его главной причиной неучастия армянской делегации в конференции. Как уже говорилось, участие делегации Армении в конференции с самого начала было отвергнуто по требованию турок, поскольку «они не были уполномочены правительством Ангоры вести переговоры с армянами»², так как «у них не было желания говорить с армянами»³.

Армянские делегаты и государственные деятели-армяне узнали о содержании Московского договора только после его подписания, то есть имел место **«постфактум»**. Та часть договора, которая относилась к Армении, была настолько жестокой и вопиющей, что делегация Армении сделала заявление, выражая свое несогласие с происшедшим, хотя и осознавая, что это не приобретет какого-либо практического значения. В телеграмме Ал. Бекзадяна, направленной уже 11 апреля из Москвы Армревкому в Ереван, он сообщал: «В связи с лишением нашей делегации возможности участвовать в конференции и тяжелыми для Армении условиями, содержащимися в договоре, заключенном с Турцией, мы заявили жалобу, которая, конечно, не имела практического значения»⁴.

Факты убеждают, что правительство РСФСР совершенно не имело намерения дать в результате московских переговоров более или менее благоприятное для армян решение территориально-пограничным проблемам Армении. Русско-турецкий Московский договор был ответным ходом на Севрский договор. Советская Россия была первой страной, которая с помощью Московского договора открыто выступила

¹ НАА, ф. 114, оп. 2, д. 68, л. 25.

² «Երկիր», Երևան, 16.03.2001:

³ НАА, ф. 114, оп. 2, д. 68, л. 25.

⁴ Նախիջևանի հիմնադրամը Մոսկվայի 1921 թ. մարտի 16-ի ռուս-թուրքական պայմանագրում, էջ 13:

против навязанного Турции силой Севрского договора, который А. Мясникян назвал «вторым азиатским Версалем»¹. Тем самым Москва оказала Ангоре огромную политическую и дипломатическую поддержку. Одним из вредоносных для армян международным политическим последствием Московского договора и вправду стало то, что этот договор еще больше облегчил деятельность в направлении пересмотра Севрского договора державами Антанты. По оценке постсоветского русского автора А. Иголкина, Московский договор причинил вред не только армянскому народу и Армении, но и русскому народу и государственным интересам России². Заключение Московского договора имел то военно-политическое значение для турок, что вместе с огромной военно-финансовой помощью России был обеспечен восточный тыл Турции и ей была создана возможность переместить находившееся на Восточном фронте 40-тысячное войско К. Карабекира на Западный фронт – в Эскишехир и обеспечить окончательную победу над Грецией, то есть – над Антантой.

Переходя к международной юридической оценке Московского договора, можно констатировать, что если мы рассмотрим вопрос с точки зрения международного права, то становится очевидным – Московский договор был заключен с грубыми нарушениями международного права и норм. Правительства двух международно непризнанных стран: России и Турции заключали договор о границах, не имея на самом деле между собой ни одного метра территориально-пограничного соприкосновения. И даже этого недостаточно. Получилось так, что два государства: Россия и Турция, заключали союз и определяли границы другого – третьего государства, в данном случае понесшей крупнейший урон Армении, без ведома и участия последней. Добавим также,

что весной 1921 г. Советская Россия еще не заключила военно-политического союза (договора) с Арменией, хотя в подобных договорах закрепляли, что договаривающиеся стороны признавали суверенитет и независимость друг друга. 30 сентября 1920 г. подобный военнополитический договор был подписан между РСФСР и Азербайджаном, а в мае 1921 г. с Грузией, но все еще не между РСФСР и Арменией. Поэтому Россия была некомпетентна защищать интересы Армении на международных конференциях. **Хотя по примеру России, в Армении тоже установился коммунистический режим, однако по состоянию на март 1921 г. «это было вопиющим нарушением суверенных прав республики, которую не связывали с Советской Россией никакие договорные обязательства. Следовательно, РСФСР не имела юридических прав распоряжаться ее территорией и определять ее государственные границы»**¹.

Делегации Советской Армении не позволили участвовать в переговорах в том случае, когда подвергали рассмотрению имевшие для нее жизненное значение территориально-пограничные вопросы. Сколь бы ни было смехотворным, делегации Армении не позволили даже присутствовать при процедуре подписания договора, на которой обычно присутствуют даже журналисты, представители общественности. Более того, делегация Армении даже не была осведомлена о том, когда именно подписали договор. Можно с уверенностью сказать, что если бы даже делегации Армении позволили участвовать в Московской конференции, это участие все равно не имело бы практического значения так же, как это не получило в дальнейшем практического значения во время карсских переговоров, поскольку советское правительство уже заранее определило свой стратегический курс – задобрить «цитируемая революция на Востоке» Турцию за счет армянских территорий.

¹ Մյասնիկյան Ա., *Երկեր, հինգ հատորով*, հ. 5, Եր., 2007, էջ 413:

² Иголкин А., *Московский договор с Турцией. Взгляд из России через 77 лет* («Պատմա-քաղաքական հանդես», Եր., 2002, № 1, էջ 3, 24).

¹ Саркисян Е.К., *За кулисами, как рождался Московский договор 1921 г.*, с. 81.

Таким образом, с точки зрения международного права Московский договор, в относящейся к Армении его части, противоречит основным принятым нормам международного договорного права, то есть – проигнорированы условия участия Армении как государственного субъекта в переговорах, его свободного волеизъявления или хотя бы выяснения его мнения, поскольку проводилась такая конференция, на которой непосредственно затрагивались жизненные интересы Армении – ее территориально-пограничные проблемы.

По мнению международного Ю. Барсегова, в Московском договоре нарушены основополагающие условия, принятые в международном договоре: «1) условия, относящиеся к субъектам договора, 2) условия, относящиеся к свободному волеизъявлению сторон договора – субъектов международного права и 3) условия, относящиеся к правомерности объекта и цели договора»¹. Поскольку правовое нахождение международного договора в силе «предполагает обязательное наличие всех основных элементов международного права, а именно: надлежащие стороны, обладающие международной правосубъектностью, подлинное соглашение этих субъектов, правомерный объект и цель соглашения в договоре. Он не будет действительным, если отсутствует хотя бы одно» из этих условий².

К нормам международного договорного права относится и то, что для заключения международного договора нужно, чтобы принимали участие те субъекты, которые непосредственно заинтересованы в вопросе договора. С этой точки зрения Московский договор напрочь игнорировал законные интересы армянского народа и его бесспорные права, поскольку он был заключен без участия и согласия Армении. Более того, как уже было сказано, стороны, подписавшие Московский договор, по сути, считались непризнанными международно. В этом смысле,

¹ Геноцид армян, т. 2, ч. 2, с. 432.

² Талалаев А.Н., *Права международных договоров*, М., 1980, с. 227.

были нарушены следующие извечные принципы (максимы) международного права: «Никто не может передать то, что не имеет» и «никто не может передать больше прав, чем сам имеет»¹. Следовательно, правительства РСФСР и ВНСТ не были признаны к моменту подписания Московского договора как субъекты международного права, а значит они не имели полномочий заключать международный договор. А в статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. говорится: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права»².

С другой стороны, в вопросе захвата и присвоения территорий в международном договорном праве принят принцип (институт) срока давности **эстопели**. Об этом свидетельствует статья 45 Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. В нем отмечено, что требование срока давности действует, и данный договор действителен в том случае, когда сторона-правообладатель требований в прошлом определенно приспособилась и молчаливо согласилась со свершившимся фактом³. Когда же потерпевшая сторона каким-либо образом выражает ее недовольство посредством заявлений, нот, жалоб и других форм, в этом случае принцип срока давности прекращает существовать. В противном случае ее поведение будет означать, что потерпевшая сторона молчаливо приняла свершившееся территориальное изменение. В этом отношении делегация Армении узнала содержание Московского

¹ Геноцид армян, т. 2, ч. 2, с. 433.

² Конвенции и соглашения ООН, Венская конвенция о праве международных договоров от 23. 05. 1969 г. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml p. 11/17; см. также: «Ազգ», Եր., 16.03.2007:

³ Ասլանյան Մ., Վաղենության ժամկետի կամ Էստոպելի կիրառման անթույլատրելիությունը Մոսկվայի և Գարսի պայմանագրերի արևելային («Վասն արդարության», 2003, N 47–48, էջ 68):

договора только после его заключения, то есть после происшедшего – **постфактум**.

Следовательно, конкретизируя принцип срока давности в случае с Московским договором, мы видим, что сразу после заключения договора правительство Армении представило жалобу правительству России, которое разрешило вопрос территорий Армении без ее участия. В частности, можно упомянуть заявление наркома по иностранным делам Армении Ал. Бекзадяна от 15 апреля 1921 г., направленное наркому по иностранным делам и председателю делегации России Г. Чичерину. 19 мая пленум ЦК КПА, заслушав отчет А. Бекзадяна о работе армянской делегации на русско-турецких переговорах, тем не менее, одобрил политическую линию делегации¹.

Как видим, остается проблематичный вопрос ратификации Московского договора. Статья 2 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров устанавливает, что решающим для законности межгосударственных договоров является их соответствие международному праву. То есть, необходимо, чтобы каждая заключающая договор сторона была полномочным представителем законного правительства международно признанного государства².

Как уже говорилось, точно также было непризнанным правительство ВНСТ, не имевшее полномочий для заключения договоров от имени Турции. Более того, правительство ВНСТ считалось повстанческим и незаконным, а его председатель М. Кемаль-паша, находившимся

---

¹ НАА, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 4. Кстати отметим, что в связи с Московским договором выразило жалобу и посольство уже свергнутой Республики Грузия в США. 12 апреля 1921 г. упомянутое посольство подало ноту с жалобой, поскольку русское правительство отдавало руско-турецким договором от 16 марта Ангоре Ардвин, Ардаган и Олты (см. *документы Госдепартамента США (1910–1929 гг.)*, коллекция микроплёнок, N 1, оп. 1, д. 761–767). Не секрет, что Грузия претендовала на отдельные округа Карсской области – на Ардаган и Олты. Это стало очевидным и в 1945 г., во время Потсдамской конференции.

² Պապյան Ա., նշվ. աշխ., էջ 17–18:

в бегах уголовным преступником, в отношении которого утвержденный султаном Османский военный трибунал вынес весной 1920 г. смертный приговор. Однако это не помешало России, а затем и державам Запада, исходя из того, что диктовали их интересы, не **в силу права, а по праву силы** прийти к соглашению и заключить договоры с этим, пока еще непризнанным правительством.

Полностью правы те, кто характеризует Московский договор исключительно как **сделку**. Как закреплено в статье 34 не раз уже упоминавшейся Венской конвенции 1969 г., «договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия»¹. В этом смысле, Московский договор, в той части, в которой он относится к Армянской ССР, действительно можно охарактеризовать как сделку. И он был сделкой в двух смыслах: а) поскольку Москва сделала территориальные уступки кемалистам за счет армянских земель, чтобы предотвратить возможный переход турок на сторону Антанты, и б) поскольку вопрос границ Армении решался без участия ее представителя.

И в этом смысле Московский договор как прецедент был похож и имел много общего с общеизвестным, рассекреченным советско-германским пактом Москвы 1939 г. **Молотова-Риббентропа**, включая его секретные протоколы о границах. Однако, если договором 1921 г. Россия и Турция (Г. Чичерин – Ю. Кемаль) уточнили турецко-закавказскую границу, то пакт Молотова-Риббентропа с его секретным протоколом разделил между собой целый ряд стран Восточной Европы на сферы влияния. Он также был сделкой, которая одновременно освободила руки гитлеровской Германии (не забывая, конечно, о более ранней, из-

---

¹ Конвенции и соглашения ООН, Венская конвенция о праве международных договоров от 23. 05. 1969 г. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml p. 11/17; см. также: Պապյան Ա., նշվ. աշխ., էջ 20:

вестной истории Мюнхенской сделке сентября 1938 г.) в деле развязывания Второй мировой войны.

Таким образом, поскольку международно еще не признанные правительства РСФСР и ВНСТ заключили договор с грубым нарушением международного договорного права, а также определили территорию и границы другого – третьего государства Армения без его ведома и участия, следовательно, с самого начала: с момента его подписания и до сегодняшнего дня, Московский договор является незаконным и недействительным, и он не может содержать в себе обязательств для нынешней Республики Армения, и уж тем более определять армяно-турецкую государственную границу.

Уже 100 долгих и нескончаемых лет как продолжает сохраняться этот, навязанный Армении и армянскому народу силой и угрозами договор. Мы считаем, что нынешнее правительство Армении и ее Парламент должны были выступить в связи с этой круглой датой с жалобой-заявлением, направленным в первую очередь Турции и России, а также ООН и международным организациям, мировой общественности в целом. К сожалению, этого не произошло ...

Тем не менее, чтобы придать этому несоответствующему международному договорному праву документу больший или меньший юридический действительный характер, несколькими месяцами позже была созвана Карсская конференция, представлявшая собой продолжение и воспроизводство Московской конференции. Заседания в Карсе между Турцией и теперь уже являвшихся государственными и правовыми субъектами и основными носителями вопросов переговорной повестки – республиками Закавказья, конечно же, под контролем представителя России, были организованы, чтобы принудить к повторному утверждению принципов и условий, зафиксированных в Московском договоре. К этому мы подробнее обратимся в следующей главе данной книги.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАРСКИЙ ДОГОВОР

(Критический взгляд)

«Мир, более тяжкий и более невыгодный, чем Карский, едва ли можно найти на страницах истории»¹.

Вступление

Чтобы придать Московскому договору юридическую силу и привести его в соответствие с нормами международного права, была сформулирована статья 15, которая обязывала Россию предпринять шаги, чтобы Закавказские республики юридически признали границы и условия (статьи) Московского договора. Для этого было необходимо заключить такой же по содержанию договор между Турцией и Закавказскими республиками. После подписания Московского договора Ю. Кемаль-бей объявил, что «вопрос заключения договора с республиками Закавказья, в большой степени, представляет собой простую формальность, поскольку Московским договором Россия обязывалась употребить все ее силы и влияние на республики Закавказья для заключения ими договора с Турцией»². Предусматривалось, что будет незамедлительно созвана турецко-закавказская конференция и между ними будет подписан соответствующий договор.

---

¹ Борьян Б., *Армения, международная дипломатия и СССР*, ч. II, М.-Л., 1929, с. 163.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 69.

В Москве стороны договорились, что по пути возвращения на родину, турецкая делегация заключит соответствующий договор с закавказскими республиками в духе Московского договора. Подписание подобного договора диктовалось тем обстоятельством, что Армения и две другие республики Закавказья, хоть и формально, все же считались независимыми государствами. Поэтому начерченная Московским договором турецко-закавказская граница волей-неволей должна была юридически согласовываться и закрепляться также непосредственными правладельцами этих границ – т. е. тремя советскими республиками Закавказья.

Принимая во внимание, что вопросы армяно-турецкого территориально-пограничного размежевания на деле, были конкретизированы турецко-закавказским Карсским договором и его приложениями, в данном разделе мы подробнее обратимся именно к этим вопросам – ведь нынедействующая армяно-турецкая государственная граница, как и вопросы делимитации Нахичеванского края, получили завершающее определение и были проведены в соответствии с Карсским договором.

1. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ТУРЕЦКО-ЗАКАВКАЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Спустя несколько дней после подписания Московского договора: 24 марта, Г. Чичерин обратился в ЦК РКП(б) с письмом следующего содержания: «На днях (в среду – **А.А.**) турецкая делегация едет домой через Тифлис, где будет заключать особые договоры с Грузией, Арменией и Азербайджаном. Здесь турецкая делегация решительно отвергла как наше предложение об общей конференции с кавказскими делегатами, так и заключение здесь в Москве договоров между Турцией и этими Республиками. Очевидно, турки хотят в Тифлисе, вне нашего

непосредственного воздействия, добиваться тех или других выгод (что-нибудь урвать), которых они не добились здесь»¹. Чичерин считал, что сразу по прибытии турецких делегатов в Тифлис, там начнутся турецко-закавказские переговоры. Поэтому он предлагал ЦК направить в Тифлис своего, хорошо осведомленного о кавказских делах представителя, который посвятит себя данной работе. Он считал такими кандидатами Б. Лиграна или Л. Старка².

На 8-м заседании от 3 апреля (с проведенным по телефону голосованием), Политбюро ЦК РКП(б) одобрил и утвердил предложение Г. Чичерина о том, чтобы «Кавказские советские республики предварительно представили на одобрение нашего правительства договоры, которые они будут заключать с Турцией»³.

За день до этого решения – 2 апреля, нарком по иностранным делам ССРА Ал. Бекзадян направил из Москвы с ведома (по поручению) Г. Чичерина телеграмму в Баку, наркому по иностранным делам Азербайджана М. Гусейнову, работавшему в этом городе полномочному представителю Армении Микаелу Атабекяну; а также в Тифлис наркоминделу Грузии М. Орахелашвили, копию – Д. Шахвердян. В телеграмме Бекзадян выражал ту мысль, что необходимо, чтобы три республики Закавказья «заранее условились и выработали общий курс»⁴ для подготавливавшейся на ближайшее будущее конференции с Турцией. По понятным причинам, Бекзадян считал желательным, чтобы эту инициативу проявила Грузия или Азербайджан.

После подписания Московского договора турецкая делегация отправилась на Кавказ. Было запланировано, что в соответствии со статьей

---

¹ Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 475.

² Там же, с. 476.

³ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний, каталог, т. 1, 1919–1929, М., 2000, с. 93; Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 482.

⁴ Բեկզադյան Ալ., Նամակներ, հոդվածներ, փաստաթղթեր, Եր., 1981, էջ 121–122; Խաչատրյան Կ., նշվ. աշխ., էջ 134:

15 Московского договора, в середине апреля должен быть заключаться договор с Закавказскими республиками. Подписание подобного договора было необходимым не только, и не столько в силу того, что республики Закавказья рассматривались как независимые или самостоятельные государства, а потому что новая прочерченная граница с Турцией, волей-неволей, должна была юридически согласовываться и утверждаться посредством какого-то нового договора также и непосредственными обладателями этих границ; тремя советскими республиками Закавказья.

Тем не менее, приехав в Закавказье (в Баку и Тифлис), Ю. Кемальбей объявил, что у него нет полномочий заключать новый договор с Арменией. Под «старым» он подразумевал Александропольский договор.

Две другие республики Закавказья, проявив единодушие с поручением Москвы, объявили, что, если такой договор не заключат с Арменией, то они тоже не согласятся подписывать документ с Турцией. С другой стороны, турецкие дипломаты утверждали, что пока с Арменией не будет заключен новый договор – Александропольский сохраняет свою силу. Их слова относились к тексту, который не был признан и не ратифицирован даже их собственной страной¹.

Прибывшие из Москвы в Баку и Тифлис турецкие делегаты обменялись мыслями с Г. Орджоникидзе и М. Гусейновым и выразили желание подписать сепаратные (отдельные) договоры с каждой республикой, а советская сторона отстаивала требование единого договора. Вследствие этого вопрос созыва конференции стали оттягивать.

Стратегия турок состояла в том, чтобы выудить что-либо у кавказских республик с помощью сепаратных переговоров, если, конечно, у них оставалось что-нибудь, что можно было вырвать. И чтобы не до-

пустить подобного, было необходимо, чтобы кавказские советские республики выступили как единая группа, всецело связанная и в полном согласии с Москвой.

6 апреля наркоминдел ССРА Ал. Бекзадян телеграфировал в Тифлис полномочному представителю своей республики в Грузии Д. Шахвердян. В его послании, в частности, говорилось, что Турция «желает по отдельности договориться с каждой из трех республик и навязать нам новые тяжелые условия. Этого нужно не допустить, чего бы это ни стоило»¹.

Чичерин правильно догадался, что во время переговоров с турками был возможен «нежелательный уклон» Азербайджана в сторону Турции. Поэтому-то он считал необходимым, чтобы подлежавшие подписанию договоры закавказских республик с кемалистами заранее получили одобрение правительства РСФСР².

4 апреля Г. Чичерин телеграфировал в Тифлис Г. Орджоникидзе, предупреждая, что недопустимы сепаратные переговоры Армении и Азербайджана с кемалистами. В соответствии с указаниями Чичерина в новом, подлежавшем пописанию договоре должны были считаться недействительными все предыдущие договоры, подписанные с Турцией. Это особенно относилось к Александропольскому тексту. В новом договоре был недопустимым такой пункт, который нарушал бы суверенитет кавказских республик. Чичерин считал, что в новый договор можно было включить статью об амнистии, о возвращении насильно изгнанных, и т. д. В отношении Азербайджана, в основу договора следовало положить статью 3 Московского договора. Не следовало позволять, чтобы Турция выступала в роли опекуна Азербайджана. Что касается армяно-турецкой границы, то по распоряжению Г. Чичерина, ее

¹ ДВП СССР, т. 4, с. 706.

¹ Բեկզադյան Ալ., Նամակներ, հոդվածներ, փառալուսթղթեր, Եր., 1981, էջ 123:

² Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 478–479.

основой должен был служить Московский договор, с его **дополнительным протоколом**¹.

Больше всего в турецко-закавказских отношениях Г. Чичерина беспокоили турецко-азербайджанские особые отношения. И не случайно, что помимо телеграммы, направленной Орджоникидзе 4 апреля, 12-го числа он направил такую же телеграмму наркому по иностранным делам Азербайджана М. Гусейнову, отдав распоряжение о том, что вмешательство Турции во внутренние дела кавказских республик и в их суверенитет недопустимо. Турки намеревались заключить сепаратный мир с Азербайджаном. Не трудно догадаться, каким должен был стать этот договор. К тому же, возвращавшаяся из Москвы турецкая делегация разработала вместе с Б. Шахтахтинским проект турецко-азербайджанского договора, по которому «Турция обязывалась защищать Азербайджан и даже снабжать его вооруженными силами»². Турецкая делегация попыталась начать в Баку сепаратные переговоры с Азербайджаном. Однако Москва этого не позволила³. Изложенное актуально и созвучно нашим временам, особенно в связи с событиями последней арцахской войны, когда Турция оказала своему младшему брату всестороннюю помощь в деле обеспечения его победы в развязанной ими же войне.

Обращаясь к проблеме Нахичевана, Г. Чичерин советовал Армении и Азербайджану проявить солидарность и решить вопрос земельного участка, образовавшего треугольник на юге Эриванского уезда (на участке Садарак – Гайли-Друнк), в пользу Армении. Напомним, что когда на Московской конференции вспыхнул спор вокруг данного участка, было решено, что специальные военные комиссии Армении, Азербайджана и Турции совместно и окончательно уточнят границы

---

¹ Там же, ч. 1, с. 483–484.

² Там же, с. 492.

³ **Мадатов Г.А.,** *Победа советской власти в Нахичевани и образование Нахичеванской АССР*, Баку, 1968, с. 109.

этой местности. Нужно учитывать, что максимальная граница Нахичевана это по Гайли-Друнк, и данный треугольный участок находился вне границ Гайли-Друнка, то есть – таким образом, как он был представлен Б. Шахтахтинским во время Московской конференции. Г. Чичерин отдавал распоряжение, чтобы армянская и азербайджанская стороны предварительно согласовали данный вопрос между собой, и только потом обсуждали его с турками¹.

Из вышеизложенного не трудно заметить, что подготавливавшаяся в ближайшем времени конференция целиком контролировалась и направлялась Москвой, а закавказские республики, волей-неволей, подчинялись ее распоряжениям в рамках партийной дисциплины.

а/ О вандализме, совершенном турками

Пока принимали первые, предварительные шаги по организации грядущей конференции, вскоре стало известным, какой нечеловеческий вандализм проявила турецкая военщина в оккупированном ею Александропольском уезде.

Нужно отметить, что в начале апреля 1921 г. в отношениях России и Турции появились определенная холодность и напряжение не только в связи с форматом созыва турецко-закавказской конференции, но и ввиду проблемы, связанной с очищением Александропольского уезда от турецких оккупантов. К этому аспекту нужно добавить и то обстоятельство, что у коммунистического руководства постепенно рассеивались фальшивые революционные иллюзии, которые оно питало в отношении кемалистов. Последние же, насколько им удавалось шаг за шагом решить посредством помощи от Советской России поставленные перед собой задачи «Национального обета» и другие проблемы, настолько же в них потухало фальшивое «революционное» пламя.

---

¹ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 492.

До тех пор, пока Февральское восстание 1921 г. не было подавлено, советское руководство не придавало важности очищению Александрополя от турок. После подписания Московского договора и ввода 2 апреля Красных войск в Ереван, на повестку встал вопрос настоятельной необходимости очищения города Александрополя и его уезда от турецких войск. Сразу же после занятия Еревана Красной армией, Г. Чичерин срочно телеграфировал в Ангору, Б. Мдивани: «Эривань очищена от дашнаков. Надо потребовать от турок немедленного очищения Александрополя и всей армянской территории до границы Московского договора»¹.

Турецкая сторона продолжала настаивать на выполнении ряда статей Александропольского договора². В частности, Турция обуславливала очищение Александропольского уезда и возвращение военнопленных его статьей 4, которой предусматривалось фактическое разоружение Армении³. Выполнения этого требования турок означало проигнорировать уже подписанный Московский договор, в котором ничего не говорилось ни о продолжении временной оккупации Александрополя, ни, к сожалению, о его немедленном очищении.

Г. Орджоникидзе телеграфировал 6 апреля из Тифлиса в Москву – Г. Чичерину, сообщая, что Карабекир затягивает вопрос очищения Александропольского уезда. Из содержания телеграммы Орджоникидзе выясняется, что Карабекир намеревался покинуть Александрополь только после подписания договора с Арменией. Именно поэтому Орджоникидзе считал необходимым решительно потребовать от турок, чтобы они покинули Александрополь⁴. На следующий день – 7 апреля, Чичерин телеграфировал Орджоникидзе, охарактеризовав поведение

Карабекира как **хулиганство**. По требованию Чичерина турецкий посол Али Фуад пообещал немедленно очистить Александрополь¹.

В ответной телеграмме от 14 апреля комиссар иностранных дел правительства ВНСТ Ахмед Мухтар заверял официальную Москву, что К. Карабекиру отдано распоряжение в течение одной недели, начиная с 15 апреля, полностью эвакуировать армию вплоть до границы, определенной Московским договором². Что и было сделано. 22 апреля Александропольский уезд полностью освободился от турецкого присутствия.

Однако, что же мы видим? Перед этим, в ходе почти 6-месячной турецкой оккупации (с ноября до апреля), в уезде совершались ужасающие преступления: резня, грабеж, изнасилования. За это время в Александропольском уезде было уничтожено 140 армянских сел³. Из 34 сел первого подрайона невредимыми оставалось только 4⁴. Только из 35 сел 4-го подрайона Александропольского уезде турки вывезли около 1 млн пудов пшеницы и около 50 тысяч голов крупного рогатого скота. В целом же, в уезде было отнято и угнано 300 тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота⁵. Были реквизированы или разграблены все уездные склады, арсеналы, имущество и оборудование Александропольского депо, даже служебный вагон Б. Мдивани, магазины, квартиры, мебель, стулья, кровати, одеяла, зеркала, посуда. Одним словом, все, что можно было вывезти или представляло какую-либо ценность⁶.

Наркоминдел ССРА А. Мравян в телеграмме, направленной 29 мая представителю Армении в Баку И. Довлатяну, сообщает следующие сведения о турецких зверствах в Александропольском уезде: «Пра-

¹ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 484.

² НАА, ф. 114, оп. 2, д. 113, л. 102.

³ **Аралов С.И.**, *Воспоминания советского дипломата 1922–1923*, М., 1960, с. 32.

⁴ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 485.

¹ *ДВП СССР*, т. 4, с. 50.

² *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 493–494.

³ НАА, ф. 114, оп. 1, д. 16, л. 7; оп. 20, д. 33, л. 73.

⁴ НАА, ф. 114, оп. 20, д. 225, л. 11.

⁵ Там же, л. 12.

⁶ Там же, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 25.

вительственная комиссия обнаружила следующее – в районах Агбулага и Джаджура насчитывается 12.050 трупов, 80% из которых дети 5–12 лет. По данным, собранным Александропольской комиссией, турки вырезали 60 тысяч человек, из которых 30 тысяч мужчин, 15 тысяч женщин, 5 тысяч детей, 10 тысяч девочек, ранено 38 тысяч человек разного возраста, угнано в плен 18 тысяч мужчин, изнасиловали 30 тысяч женщин и 20 тысяч девушек¹. Вот такой была реальная картина шестимесячной «деятельности» турецкой военщины. И не зря было сказано великим французским писателем В. Гюго, что «здесь турок прошел».

б/ Вопросы места и формата созываемой конференции

Как уже было сказано, в подготовительный период созыва конференции турки имели намерение заключить не один единый договор с закавказскими республиками, а подписать с каждой республикой отдельные, сепаратные договоры. Подтекст такого намерения сам собой разумеется. В данном случае предметом их главной озабоченности была Армения – лицом к лицу с последней преследовали цель подписать новый, возможно еще более неравноправный и унижительный по условиям, чем Александропольский, более грабительский договор – как в территориальном, так и в политическом отношении, чтобы поставить Армению в еще большую политическую зависимость и даже вообще уничтожить ее как государственное образование. Руководство Советской России догадывалось о подтексте подобного намерения турок, поэтому описанное поведение последних заставляло советскую сторону усиливать бдительность и требовательность при решении разных вопросов, включая место, формат, рабочий инструментарий конференции.

---

¹ Там же, ф. 4010, оп. 1, д. 29, л. 1.

Главным препятствием на данном этапе оставалось подписывать с турками отдельные (сепаратные), или один единый договор. Турки настаивали на подписании отдельных договоров. Советские дипломаты догадывались о подтексте подобного предложения турок. Проблема состояла в том, что турецкое отношение к закавказским республикам было неоднозначным, и они преследовали цель навязать им, и в первую очередь Армении, свои условия посредством сепаратных и отличающихся друг от друга договоров¹. Именно поэтому направляемая Москвой советская сторона настаивала на едином договоре. Наркоминдел Азербайджана М. Гусейнов телеграфировал 20 апреля в Тифлис Орджоникидзе, а также в Москву Чичерину, следующие сведения: «Сегодня я и Шахтахтинский беседовали с турками (под предс. Ю. Камалы), которые, как оказалось, еще больше, чем мы, остались недовольными тем, что мы предложили говорить только о турецко-закавказской конференции. После обмена мыслями турки согласились на условия такой конференции, но с тем, чтобы совместно выработанный договор был подписан с каждой республикой в отдельности. Мы согласились с этим»². Однако Москва не согласилась с последней формулировкой и настаивала на едином договоре. В вопросе места созыва конференции турки предложили назначить таким пунктом Карс, обосновывая, что оттуда будет легко связаться с Ангорой. Гусейнов находил целесообразным согласиться с турецким предложением о созыве конференции в Карсе³.

После встреч с азербайджанскими дипломатами, возвращавшаяся на родину турецкая делегация направилась в конце апреля в Тифлис, а оттуда через Александрополь в Карс. Турецкая делегация сочла целе-

---

¹ Хейфец А.Н., *Советская дипломатия и народы Востока (1921–1927)*, М., 1966, с. 161.

² ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 13, д. 149, л. 3.

³ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 178.

сообразным посоветоваться со своим правительством касательно данных вопросов¹.

Заключение единого договора преследовало цель не только обезопасить Армению от нежелательных последствий сепаратного договора с Турцией, но и, по оценке Г. Орджоникидзе, подписание единого договора с Турцией имело бы также тот политический смысл, что «Армения, Грузия и Азербайджан стали бы выступать как единое целое, как единая братская республика»². И это рассматривалось как важный шаг по формированию создаваемого в ближайшее время СССР.

7 мая 1921 г. в Баку было созвано совещание представителей закавказских советских республик под председательством М. Орахелашвили. От Армении участвовали представитель правительства ССРА Ал. Бекзаян. В совещании приняли участие представители России Б. Лигран и Г. Орджоникидзе. Совещание приняло к рассмотрению вопросы формата, в котором выступят на конференции закавказские республики, места и времени ее проведения, а также принципов организации повестки дня.

Относительно первого вопроса совещание решило, что «на подготавливаемой в ближайшее время конференции с Турцией три республики Закавказья должны выступать как одна единая сторона»³. А в вопросе места созыва конференции сочли желательным пригласить ее в Баку или Тифлис, хотя и не было возражений против ее созыва в Карсе⁴.

Бакинское совещание еще раз подтвердило, что в основе переговоров должен быть положен Московский договор. Представитель Азербайджана М. Гусейнов заявил, что «по сути, Московским договором ре-

шены все крупные проблемы и остались только небольшие споры»¹. Ту же мысль подтвердил М. Орахелашвили. Кроме этого, учитывая, что самым сложным вопросом на ближайшей конференции должна была стать проблема договорных отношений между Арменией и Турцией, совещание нашло необходимым обсудить на ней в первую очередь проблему армяно-турецких отношений, а после этого – вопросы Грузии и Азербайджана².

Поскольку турецко-закавказская конференция должна была также обсудить вопрос северо-западных границ Нахичевана, совещание поручило представителям наркоматов по иностранным делам Армении и Азербайджана Ал. Бекзаяну и Б. Шахтахтинскому немедленно изучить его на месте и представить соответствующие предложения³. В связи с этим вопросом Бакинское совещание решило: «В смысле дополнения и изменения Московского договора, в связи с его статьей 3 считать допустимым уточнение границы Армении и Нахичевана со стороны особой комиссии (образованной из представителей Армении, Азербайджана и Турции)»⁴. В основу размежевания должен быть положен этнографический принцип, как и мнение местного населения.

Из записки полномочного представителя России в Грузии Б. Лиграна, направленной 27 мая наркому по иностранным делам Азербайджана М. Гусейнову, становится ясным, что по поручению центральных государственно-партийных органов на Бакинском совещании была достигнута договоренность, что Армения и Азербайджан должны были разработать проекты договоров их республик для подписания с Турцией. Тем не менее, Азербайджан проявил безразличие к этой

¹ ДВП СССР, т. 4, с. 176.

² Օրջոնիկիձե Գ. Գ., *Հիտիր հոգիածներ և ճշտեր 1918–1937*, Եր., 1950, էջ 109–110:

³ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 71.

⁴ Там же, л. 67–68, 71.

¹ Там же, л. 69.

² Там же, л. 72.

³ Там же, д. 11, л. 221.

⁴ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 72.

проблеме, вероятно с ведома Турции¹. Можно сказать, что подготавливаясь к конференции, Азербайджан больше руководствовался распоряжениями Ангоры, чем Москвы. Архивные документы подтверждают, что в течение весенних и летних месяцев 1921 г. между Ангорой и Баку существовала секретная телеграфная связь².

В свете современных событий можно зафиксировать, что как и сто лет назад, турецко-азербайджанские отношения продолжают оставаться в намного более братской, теплой атмосфере. Если в те времена коммунистические руководители-азербайджанцы, в той или иной мере, были ограничены принуждением соблюдать партийную, уставную дисциплину, то в наше время политическое руководство Азербайджана не имеет таких ограничений какими-либо запретами, и оно в основном ориентируется на своего старшего брата Турцию, с помощью которой и получает все то, что необходимо на пути осуществления его агрессивной политики в Закавказье таким образом, как это было осуществлено в вопросе **Арцаха**.

Следует отметить, что на первом этапе предварительной подготовки конференции (до июня), в ее созыве была заинтересована советская сторона, а турецкая постоянно прибегала к проволочкам с созывом конференции и кажется потеряла к ней интерес. «Нас изумляет, – писал во второй половине мая Б. Легран, – что турки со дня их отъезда сохраняют абсолютное молчание и кажется потеряли живой интерес к утверждению договорных отношений с кавказскими республиками³». В связи с этим Б. Легран хотел прояснить с помощью М. Гусейнова причины подобного равнодушия.

---

¹ Там же, д. 11, л. 220. Что касается Армении, то в фонде 113 нашего Национального архива хранится один из проектов армяно-турецкого договора на русском языке, состоящий из 14 статей, содержание которого полностью вытекает из Московского договора (см.: д. 11, л. 151, 156; д. 23, л. 35–36).

² Там же, д. 11, л. 179.

³ Там же, л. 220.

Г. Чичерин, отвечая на ноту посла Турции Али Фуада от 3 июня своей нотой от 6 июня напоминал, что требование статьи 15 Московского договора остается невыполненным, но совсем не по вине России или правительств закавказских республик, а исключительно по той причине, что турецкая делегация выехала из Тифлиса, чтобы за короткое время вступить в прямую связь со своим правительством, однако по сей час нет никакого отклика. Именно по этой причине стало невозможным заключение договора между Турцией и закавказскими республиками¹. Как уже было сказано, официальная Москва считала, что турецко-закавказский договор будет подписан быстро. Однако он затянулся на 7 месяцев, и совсем не по вине советской стороны. Более того, Московский договор был еще не ратифицирован, а турецкие власти, попирая требования статей 10 и X12 Московского договора, начали силой конфисковывать движимое и недвижимое имущество проживавших в Карсской области молокан и других христиан (в том числе и армян, если, конечно, таковые остались – **А.А.**), и насильно изгонять их на другую сторону границы². Турецкие власти собирали подписи христианского населения под требованием о принятии турецкого гражданства или же, в противном случае, о немедленном изгнании. Вследствие этого тысячи беженцев пересекли границы Закавказья³.

В мае и июне месяцах в руководящих кругах советского государства уже слышались слабые голоса, призывавшие не доверять кемалистам, которые, тем не менее, остались без отклика. Можно с уверенностью сказать, что конкретно на примере Армении Чичерин и Легран полностью понимали фальшивую революционность кемалистов и двойственную политическую игру Запад – Россия. В связи с этим зас-

---

¹ ДВП СССР, т. 4, с. 169.

² Там же.

³ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 220–221.

луживает внимания докладная записка заместителя председателя ревкома Абхазии Нестора Лакобы от 8 мая 1921 г. Последний, проведя несколько месяцев с разведывательными целями в Турции и изучив там общественно-политическое состояние страны, пришел к следующему выводу: «По-моему, надо в корне пересмотреть нашу Восточную политику и наше отношение к Турции... Наша моральная, идейная и материальная поддержка кемалистам последними явно эксплуатируется в своих грязных, узконациональных целях»¹. Точно также замечал многообразные игры кемалистов и полномочный посол РСФСР в Берлине А. Иоффе: «Кемаль тоже, несомненно, играет на несколько фронтов, и несомненно также, что мы ему очень нужны»², - в частности указал он в письме, адресованном секретарю ЦК В. Молотову и Г. Чичерину. Однако эти разоблачения совершенно не мешали кемалистам продолжать играть в «дружбу» с Россией. 15 мая председатель правительства ВНСТ М. Кемаль, выступая в Великом национальном собрании громкогласно заявил, что они – единственная из проигравших стран, которая фактически вышла из мировой войны с победой. «Севрский договор больше не существует. Сегодня у нас есть сильные и честные друзья на Востоке. И за все это мы обязаны дружеским и братским отношениям, установленным с русской советской республикой»³.

Эти слова М. Кемаля ничего не стоили и с точки зрения созыва турецко-закавказской конференции и урегулирования взаимоотношений между этими сторонами. Турки кажется потеряли интерес с созываемой конференции. Это, судя по всему, нужно объяснить тайными и открытыми переговорами, которые Турция параллельно вела с Антантой; они начались в феврале – марте 1921 г. на Лондонской конферен-

¹ Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 502.

² Там же, с. 519.

³ «Հախառնաբար», Կ. Պոլիս, 26. 05. 1921:

ции между Бекиром Сами-беем и странами Антанты. И не случайно, что долгое время турецкий меджлис оттягивал даже ратификацию столь выгодную для него Московского договора, чтобы пойти на еще более масштабные торги с державами Антанты. Кстати, если Центрисполком РСФСР ратифицировал Московский договор сразу после его подписания 20 марта 1921 г., то ВНС Турции утвердило его более, чем через четыре месяца после подписания 22 июля, 201 голосом «за», 5 голосами «против», при одном воздержавшемся. Это обстоятельство тоже показывает, кто на самом деле затягивал с созывом конференции. Забегая вперед отметим, что обмен ратификационными грамотами Московского договора состоялся в Карсе, 22 сентября 1921 г., за 4 дня до открытия Карсской конференции¹.

в/ Последний завершающий этап подготовки к созыву конференции

На дело созыва турецко-закавказской конференции, несомненно, в огромной степени повлияло усиление греческой опасности летом 1921 г. Известно, что в конце июня турецкие войска перешли в наступление. Турки отошли на другой берег реки Сакарьи. Вот только тогда кемалисты и проявили заинтересованность в ускорении с созывом конференции².

14 июня 1921 г. посол Турции в Москве выразил от имени своего правительства готовность относительно подписания общего договора с республиками Закавказья³. Как уже говорилось, это было обусловлено, с одной стороны, греческой опасностью, так как войска этой страны

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 23, л. 23; Մարգարյան Զ., Հայկական հարցի մասին, Պոլս, 1978, էջ 162:

² Խաչատրյան Կ., Հայ-ռուսական հարաբերությունները 1920–1922 թթ., Եր., 2007, էջ 135:

³ Багиров Ю.А., ук. соч., с. 67.

продвигались на Ангору, а с другой стороны – новыми ожиданиями получения помощи от России.

Дипломатические круги держав Антанты (Англия, Франция, Италия) пытались помирить Грецию с Турцией, чтобы последняя не испытывала какой-либо потребности в помощи России и не становилась в какой-либо мере зависимой от нее. Однако греческое правительство отвергло предложение Союзников и начало подготовку к новому наступлению. Только после этого кемалисты стали придавать значение турецко-закавказской конференции¹.

В связи с этим нужно считать безосновательным то, распространенное в турецкой историографии утверждение, что якобы это советское правительство затянуло с подписанием назревшего Карсского договора, и что оно предприняло данный шаг только после победы, достигнутой турками в битве при Сакарье². Между тем, факты показывают, что главным препятствием, обеспечивавшим затягивание с конференцией, была турецкая сторона.

Новоназначенный нарком по иностранным делам правительства Ангоры Ю. Кемаль-бей направил 1 июля телеграфное приглашение «братской Азербайджанской Республике», чтобы та назначила делегацию на конференцию. Одновременно обосновывая обстоятельство своего назначения министром и большой занятостью, он просил согласия наркома по иностранным делам Азербайджана М. Гусейнова на перенос места созыва конференции из Карса в Ангору. Таким же образом Ю. Кемаль пробовал убедить через М. Гусейнова и Армению направить ее делегатов в Ангору³.

---

¹ Ջոհրապյան Է.Ա., *Սովետական Ռուսաստանը և հայ-թուրքական հարաբերությունները*, էջ 256:

² Хармандарян С.В., *Карсская конференция 1921 г. и ее предыстория* («Вестник архивов Армении», Ер., 1963, № 3, с. 178–179).

³ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 178–179; ДВП СССР, т. 4, с. 228; *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 509.

В ответ на телеграмму Ю. Кемаля от 1 июля своей телеграммой от 21 июля нарком по иностранным делам Азербайджана М. Гусейнов давал полное согласие на быстрый созыв турецко-закавказской конференции и назначение делегаций. Что же касалось предложения созвать конференцию в Ангоре, то М. Гусейнов ответил дипломатически тактичным отказом¹. Само собой разумеется, что директива для подобного ответа шла из Москвы.

Письмом от 8 июля, адресованным полномочному представителю РСФСР в Ангоре С. Нацаренусу², Г. Чичерин давал понять, что для советской стороны нецелесообразно проведение конференции в Ангоре³. Советская сторона настаивала, чтобы конференцию созвали в Карсе. Этот город был нежелательным для Ю. Кемаля не только потому, что тот не мог отсутствовать в столице, но и вероятно по той причине, что он усматривал в Карсе какой-то «заговор». Об этом заметил сотрудник посольства РСФСР в Ангоре Б. Пискунов, который получил от бесед с турецким руководством такое впечатление, будто турки испытывали своеобразное подозрение, что советская сторона якобы упорно настаивает на проведении конференции в Карсе, чтобы «вновь оттягать Карсскую [область] и передать [ее] Армении»⁴: Однако документальные источники показывают, что у них не было и тени подобного подозрения. Все это являлось одним из приемом дипломатического мошенничества турецких политических кругов, применявшимся, чтобы провести конференцию в Ангоре, вследствие чего давление на советскую сторону было бы еще больше.

В ответ на письмо Г. Чичерина от 8 июля, в своей докладной от 14-го числа С. Нацаренус сообщил следующее. Он привел ряд разъяснений, почему турки оттягивали с конференцией, ее форматом, местом

---

¹ ДВП СССР, т. 4, с. 227.

² Он был назначен на эту должность 5 мая 1921 г. (см.: ДВП СССР, т. 4, с. 660).

³ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 511–512.

⁴ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 532.

созыва, участием представителя России и с рядом других вопросов. Российский дипломат сообщал, что еще в начале июля (3-го числа) Ю. Кемаль направил приглашение для участия в конференции в Грузию, Азербайджан и через последнего – в Армению. Напрямую Армении приглашение не направили на том основании, что она является страной, отвергшей Александропольский договор, подписанный прежними правительствами Турции и Армении; следовательно, официальный Ереван должен первым изъявить желание вступить в новые договорные отношения с Турцией¹. Нацаренус извещал, что «конференция будет общей для всех закавказских республик и Турции. По вопросу об общем договоре к определенному выводу не пришли, и договоры, надо полагать, будут заключены отдельно с каждой из указанных республик, что не особенно нам по душе»².

Что же касается проблемы участия в конференции представителя России, то она решалась положительно. Турецкая сторона в лице ново-назначенного наркоминдела Ю. Кемаль-бея проявляла заинтересованность в участии представителя России. И советская сторона имела для этого юридическое основание в виде статьи 15 Московского договора.

Г. Чичерин, в целом ряде направленных еще в июне месяце туркам записок, рассеивал их беспокойство относительно возможности несогласия республик Закавказья с относящимся к ним условиям Московского договора³. Получив заверения наркомата по иностранным делам России, наркоминдел кемалистского правительства Ю. Кемаль сообщил 1 июля Г. Чичерину, что правительство Турции готово к конференции и «будет счастливо», если в ней примет участие и делегация России, чтобы предотвратить возможные возражения республик Закавказья (то есть особенно Армении), относительно пунктов подписыва-

ваемого договора¹. По нашему мнению, необоснованно связанное с этим одно из утверждений советского историка А. Хейфеца, что турки считали излишним участие представителя РСФСР в конференции². Если отбросить жеманное выражение об испытываемом «счастье», присущее турецкому дипломатическому языку, то логика нам подсказывает, что участие представителя России было гарантией закрепления без лишней головной боли принципов Московского договора в новом договоре.

Правительство Ангоры, давая согласие на участие представителя России в конференции, в то же время выразило желание, чтобы этим представителем не был сочувствовавший, по мнению турок, армянам Б. Легран, или кто-нибудь другой с таким же отношением. В своем письме от 8 июля С. Нацаренус намекает, что М. и Ю. Кемали хотели бы видеть его кандидатуру³. Вероятно, Б. Легран был нежелательным для турок и считался сторонником армян по той причине, что фактически по его инициативе с Арменией был предварительно подписан достаточно выгодный для армян договор от 28 октября 1920 г. вместе с его протоколом, который, тем не менее, не был одобрен 4 ноября Баку и Москвой. Туркам было не по сердцу и Ереванское соглашение от 2 декабря, подписанное Б. Леграном. В обоих случаях Россия обязывалась восстановить довоенную русско-турецкую границу 1914 г. Туркам было известно содержание этих документов, поэтому Б. Легран был для них персоной нон грата.

Советское правительство учло пожелание турок в вопросе назначения Б. Леграна. Станным и смехотворным было то, что советское руководство кажется превратилось в приспешника Турции. Оно не

¹ Там же, с. 513.

² Там же.

³ ДВП СССР, т. 4, с. 170, 177.

¹ Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 573; **Խաչատրյան Կ.**, նշվ. աշխ., էջ 136:

² **Хейфец А.Н.**, *Советская дипломатия и народы Востока (1921–1927)*, М., 1966, с. 161.

³ Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 513.

только делало масштабные уступки туркам, но даже принимало в расчет их желание при назначении делегации. Напомним, что таким же образом поступали в связи с Московской конференцией, когда из состава делегации вывели армянина по национальности Льва Карахана, а армянской делегации не позволили в ней участвовать. Подобный же шаг был сделан и в этот раз. Вместо занимавшего более или менее выгодную для армян позицию Б. Леграна, представителем РСФСР на турецко-закавказские переговоры был назначен полномочный представитель (посол) России в Латвии Яков Ганецкий (Фюрстенберг), которому дали право совещательного голоса. По характеристике Г. Чичерина, этот человек был доверенным лицом В. И. Ленина¹. Кстати, можно понять чувство личного оскорбления Б. Леграна, который в начале сентября подал заявление с просьбой освободить его от занимаемой государственной должности.

Поскольку конференцию созывали фактически в Турции, следовательно приглашающей стороной было турецкое правительство. Во второй половине августа Россия дала свое согласие участвовать в Карсской конференции. Нотой полномочного представителя РСФСР в Турции С. Нацаренуса от 20 августа, адресованной наркоминделу правительства ВНС Ю. Кемалю от имени правительства России, последнее с удовлетворением принимало направленное ему приглашение участвовать в предстоящей конференции. При этом отвергалось предложение провести конференцию в Ангоре. Вместо этого выражалось пожелание созвать данное мероприятие в Карсе, то есть в городе, который первым предложили именно турки².

---

¹ ДВП СССР, т. 3, с. 290; *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 531; Ключников Ю. и Сабанин А., ук. соч., ч. 3, вып. I, с. 45–46. Я. Ганецкий был не новичком на дипломатическом поприще. Вместе с А. Иоффе, он подписал 11 августа 1920 г. в Риге мирный договор с Латвией.

² ДВП СССР, т. 4, с. 287.

В конце концов, 26 августа стороны достигли согласия проводить конференцию в Карсе¹. После того, как был окончательно уточнено место проведения конференции: Карс, председателем турецкой делегации назначили командующего Восточным фронтом, делегата ВНСТ Кязима Карабекира-пашу, штаб которого размещался именно в городке крепости Карс. Было предусмотрено созвать конференцию в конце сентября.

Грузия и Азербайджан получили официальное приглашение Ю. Кемаля участвовать в этом мероприятии. Но связанное с Арменией положение было несколько иным. В вопросе приглашения армянской делегации турки требовали, чтобы она выразила официальное желание участвовать в конференции, поскольку до этого, как уже говорилось, был подписан Александропольский договор с кемалистами. Для преодоления этих, искусственно созданных турками правовых неудобств, Г. Чичерин обратился к правительству Армении, чтобы последнее обратилось к Ю. Кемалю и выразило желание участвовать в работе конференции².

Вслед за посланием (обращением) Г. Чичерина последовала нота наркоминдела Армении А. Мравяна от 24 августа, адресованная Ю. Кемалю. В ней, в частности, говорилось, что в целях окончательного урегулирования взаимоотношений между Арменией и Турцией на договорной основе, «правительство Советской Армении питает надежду, что правительство Великого национального собрания Турции также разделяет нашу точку зрения и о своем согласии не откажет поставить нас в известность»³.

Ответ на ноту А. Мравяна был отправлен 30 августа. Комиссар ангорского правительства по иностранным делам с удовлетворением

---

¹ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 528.

² Там же, с. 528–529.

³ ДВП СССР, т. 4, с. 292.

принимал предложение Армении, чтобы армяно-турецкие отношения были окончательно урегулированы на Карсской конференции в соответствии с условиями Московского договора. Ю. Кемаль известил А. Мравяна, что турецкую делегацию на Карсской конференции возглавит командующий Восточной армией, делегат К. Карабекир-паша. Это назначение, как представляется, напоминало об истории Александропольской конференции. Ю. Кемаль предлагал в качестве срока созыва конференции **последнюю неделю сентября** и выражал пожелание получить согласие, а также данные о составе армянской делегации¹.

После согласия турок оставалось сформировать комиссии. Закавказские делегации представили: Армения – наркоминдела А. Мравяна и наркома по внутренним делам П. Макинцяна; Грузия – наркома по военным и морским делам Ш. Элиаву, а также наркома по иностранным делам и финансов Ал. Сванидзе; Азербайджан – наркома Государственного контроля Б. Шахтахтинского и представителя РСФСР Я. Ганецкого. Председателем турецкой делегации был командующий Восточным фронтом, депутат ВНС **К. Карабекир**-паша, членами – депутат ВНС Вели-бей, бывший заместитель министра общественных работ Мухтар-бей и полномочный представитель Турции в Азербайджане Мемдух Шевкет-бей².

г/ «Меморандум» с требованиями Армении

На заседании ЦК КП(б)А от 26 августа 1921 г. Мравяну поручили подготовиться к конференции. Был составлен документ с требованиями, озаглавленный «Меморандум-вопросы», для представления на обсуждение Карсской конференции. В него были включены вопросы политики, экономики, торговли, возмещения ущерба, и другие.

¹ Там же, с. 293; НАА, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 227.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 227; д. 56, л. 68–69.

Политический раздел документа относился к армяно-турецкой пограничной линии. Предлагалось произвести определенные поправки, по сравнению с Московским договором, в следующих районах: 1 в Сурмалинском уезде, 2 Нахичеванской области и 3 в нейтральной зоне Арпачая (Ахуряна)¹. В меморандуме предлагалось включить в пределы Армении район соляных копей Кохба Сурмалинского уезда.

Затем в «Меморандуме» предлагалось либо вручить опеку Нахичеванского края Армении, или же провести новую пограничную между Кянди-Хок-Азнаберд-Султан-бек, далее по прямой линии до горы Кюки-Даг². В соответствии с этой, представленной пограничной линией, Шарурская равнина до Шахтахта и далее на север до горы Кюки переходила к Армении³.

В документе также приводилось обоснование, что создание из Нахичеванского края отдельной автономной единицы с границами, соответствующими Московскому договору, лишало Армению: а/ Ереван единственной удобной дороги, связывавшей его с Даралагязом и Зангезуром, то есть маршрута Баш-Норашен-Арпа-Кешишкенд; б/ Армения теряла районы, богатые хлопком и солью; и в/ перерезалась линия непосредственной связи с Ираном. Относительно нейтральной зоны Арпачая в Меморандуме предлагалось ввести в ней смешанную, армяно-турецкую администрацию.

Экономический блок относился к проблемам пользования рядом сфер, имеющих хозяйственное значение. Принимая во внимание, что потеря Карсской области и Сурмалинского уезда по Московскому договору лишала Армению множества экономических ресурсов, в силу

¹ Осуществление определенных пограничных поправок в нейтральной зоне вероятно подразумевало также введение в состав ССРА развалин исторического Ани и ряда прилегающих к ним сел. Однако в «Меморандуме» не упоминается конкретное название Ани.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 167; д. 23, л. 97.

³ См.: Հայաստանի Ազգային անկախ, հ. Բ., Եր., 2008, էջ 114–116.

этого предлагалось, чтобы при выплате Турции определенных процентов, Армении дали возможность хозяйственной эксплуатации этих территорий: а/ угольных копей Олты, б/ соляных копей Кохба и залежей мышьяка в Кагызване, в/ лесоматериалов Сарикамышы, г/ сенокосов и пастбищ Карса, если они все же останутся в пределах Турции.

В разделе торговых предложений Меморандума излагались идеи создать условия наибольшего благоприятствования для беспопытной перевозки товаров и торговой деятельности. В Меморандуме говорилось также о беспрепятственном возвращении беженцев, о неприкосновенности их личности и имущества, а также о других гуманитарных вопросах.

В конце, в разделе приложения о понесенных Арменией потерях, приводятся данные о совершенных турками зверствах и грабеже в Александропольском уезде, о чем уже было сказано. В Меморандуме был поднят вопрос о возвращении расхищенного имущества Александропольского депо, и другие¹. В дальнейшем мы увидим, что ни одно из предложений, представленных правительством Армении в Меморандуме, не было принято, как они не были учтены и во время Московской конференции.

* * *

И, наконец, для завершающей фазы подготовительного периода к Конференции принципиальную важность приобрели решения-директивы пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 3–4 сентября 1921 г. Пленум, заслушав вопрос о Карсской конференции, поручил отъезжавшим туда советским делегациям:

1. Вести переговоры, строго придерживаясь рамок Московского договора.

---

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 167; д. 83, л. 97–100.

2. Проявить солидарность кавказских республик с Ангорой в борьбе против Антанты.

3. В ходе переговоров поднять вопросы о концессионном пользовании пастбищами, соляными копиями Кагызванского района, а также медными рудниками в районе Чороха.

4. Недопустимо изолированное вытеснение какой-либо Кавказской республики. Нужно быть единодушными во всех вопросах¹.

Данное решение Кавбюро предreshало характер переговоров, их ход и круг вопросов. Как можно заметить, поднимаемые вопросы имели общий характер и были сугубо хозяйственными, не предъявлялось каких-либо пограничных требований и в данном случае не были включены какие-либо вопросы в пользу Армении. В директивах не было ни слова ни об Ани, ни о Кохбе. Пленум просто распорядился проявлять во время конференции пролетарскую солидарность с друзьями-турками.

4 сентября, после завершения пленарного заседания Кавказского бюро ЦК РКП(б), председатель правительства ССРА Ал. Мясникян сообщил А. Мравяну и С. Лукашину по прямому проводу об этом решении Кавбюро, предложил им немедленно сформировать делегацию и отправиться в Тифлис². Распоряжением Коммунистической партии и советского правительства, естественно – независимо от их воли, власти Армении и армянские лидеры большевиков тоже должны были проявлять доброжелательность по отношению к туркам. «Отношение Советской Армении к кемалистам, – писал Ал. Мясникян, – должно было быть доброжелательным»³.

19 сентября А. Мравяну и П. Макинцяну дается мандат с соответствующими полномочиями за подписью Ал. Мясникяна – о назна-

---

¹ НАА, ф. 1, оп. 1, д. 47 л. 14; ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 17; «Խորհրդային Հայաստան», 16.10.1921.

² НАА, ф. 113, оп. 39, д. 31, л. 33.

³ Там же, ф. 4004, оп. 1, д. 104, л. 4.

чении их делегатами на конференцию, которая состоится с участием Великого национального собрания Турции, и для подписания от имени правительства ССРА договоров о мире и дружбе и конвенций¹. Таким образом, делегации Армении и других республик Закавказья были к нужному времени готовы выехать в Карс.

Оставалось выяснить, каковой была международная обстановка накануне созыва конференции. Известно, что в середине июля Ангора столкнулась со смертельной опасностью. С 23 августа до 13 сентября в 80 км от Ангоры развернулась крупнейшая битва при Сакарье. В результате ее турки одержали полную победу над греками. Судя по всему, не будь многосторонней помощи России, не было бы и победы при Сакарье, а следовательно – не было бы и турецкого государства в его нынешних границах. Советская Россия придала Турции сил против Греции, как и против Армении. Советское правительство в лице Г. Чичерина, а также Г. Орджоникидзе, Н. Нариманова и других государственных деятелей направило поздравительные телеграммы М. Кемалю и турецкому народу по поводу блестящей победы, одержанной в борьбе против греческих «захватчиков»².

С другой стороны, в преддверии Карсской конференции в Женеве открылось II Собрание (Генеральная ассамблея) Лиги Наций. Казалось, что проведенное раньше Карсской конференции, оно причинит туркам некоторое беспокойство. Заседание, заслушав доклад Шестого комитета по Армянскому вопросу и вновь подтвердив решение Лондонской конференции (февраля – марта 1921 г.) относительно идеи создания Национального очага для армян, 21 сентября единогласно приняло следующее решение-резолюцию: «Ассамблея настоятельно призывает Совет добиться от Верховного совета понимания необходимости пре-

дусмотреть в этом договоре положения, гарантирующие будущее Армении и, в частности, создающие для армян Национальный очаг, полностью независимый от турецкого правления»¹.

Можно с уверенностью сказать, что те или иные благоприятные для армян решения, принятые Лигой Наций или Верховным советом союзных держав, не оказали какого-либо воздействия на ход и результаты Карсской конференции. В ходе последней Турция не приняла во внимание ни одного подобного решения и пошла на конференцию для заключения договора с закавказскими республиками, исходя исключительно из духа и принципов Московского договора.

Накануне открытия конференции, 22 сентября 1921 г. – под орудийные залпы, салют и мелодию «Интернационала» в Карсе, как уже было сказано, между К. Карабекиром и членом Центрального исполкома РСФСР Б. Кузнецовым состоялся торжественный обмен ратификационными грамотами Московского договора². В этот же день Ангора получила поздравительную телеграмму Г. Чичерина по случаю победы, одержанной турками в битве при Сакарье³. То есть – конференция открывалась в таких военно-политических условиях, при которых турки одержали крупную победу над Грецией, иными словами – «над международным империализмом».

Таким образом, подготовительный период турецко-закавказской конференции длился около 7 месяцев. Главной причиной такой проволочки была турецкая сторона, торговавшая вокруг принципов конференции, ее формата, места проведения, а с другой стороны – ожидавшая наиболее благоприятного международного момента: победы в войне против греков и вымогательства все новых и новых, выгодных

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 260.

² Багиров Ю.А., *Из истории советско-турецких отношений в 1920–1922 гг.*, Баку, 1965, с. 69.

¹ Ключников Ю. и Сабанин А., ук. соч., ч. 3, вып. II, с. 102–103; *Геноцид армян (документы и комментарий)*, с. 635–636, т. 2, ч. 1, с. 537; **Չաքարաբեկ Գ.**, *Հայաստանի և Հայկական հարցը պատերազմից առաջ և հետո*, Եր., 1995, էջ 52.

² *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 537.

³ ДВП СССР, т. 4, с. 370.

туркам уступок со стороны стран Антанты. Таким моментом сочли конец сентября – начало октября 1921 г., когда турки одержали победу над греками в решающем сражении. Именно в это время и созвали Карсскую турецко-закавказскую конференцию. Рассматривая и давая оценку политико-дипломатической работе подготовительного периода к созыву Карсской турецко-закавказской конференции из столетнего далека, можно зафиксировать, что для Армении, как стороны, понесшей наибольшие потери от Московского договора, не ожидалось каких-либо приобретений. Главным действующим лицом в вопросах жизненного значения для Армении была Москва, руководившаяся коммунистически-революционными дискурсами, лозунгами антиимпериалистической борьбы и в этой стратегии вместе с Советской Россией выступала под личиной фальшивого союзника кемалистская Турция, которой возглавлявшееся В. Лениным правительство продолжало оказывать многостороннюю помощь (деньгами, оружием, боеприпасами, дипломатической поддержкой и даже одариванием территориями). Что касается коммунистического руководства Советской Армении, то оно было не в состоянии сделать какой-либо самостоятельный шаг без разрешения Москвы.

2. КАРССКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ДОГОВОР ОТ 13 ОКТЯБРЯ

а/ Открытие конференции и ход заседаний

Ровно через восемь месяцев после открытия Московской русско-турецкой конференции, 26 сентября 1921 г. в приграничном городке-крепости Карсе торжественно открылась турецко-закавказская конференция, переговоры, целью которых было заключить договор между

Турцией и в этот раз тремя закавказскими республиками, в духе и на принципах Московского договора.

Конференцию открыл председатель турецкой делегации К. Карабекир-паша. Во время ее открытия сделали заявления представитель РСФСР – фактический руководитель объединенной делегации Закавказья Я. Ганецкий и председатель делегации ССРА А. Мравян. Сначала слово дали Я. Ганецкому. Он поздравил от имени правительства России и русского народа «славный героический турецкий народ» с победами, достигнутыми в борьбе против империализма, ибо его борьба есть одновременно и их борьба. В конце его речи Ганецкий выражал надежду, что стоящие перед конференцией проблемы будут быстро и дружно, лояльно и справедливо разрешены, поскольку их принципы уже урегулированы¹.

Затем, чтобы подчеркнуть единство трех республик Закавказья, приветственное слово от их имени произнес А. Мравян. Он объявил, что они приехали на конференцию с дружескими чувствами: «Мы прибыли сюда не с враждебным чувством, мы не имели никакого намерения возбуждать теперь те спорные вопросы, которые мы унаследовали от буржуазных и националистических правительств, проклятые вопросы, которые вызывали осложнения: нет, не эти задачи, не враждебные чувства волнуют нас теперь, мы восхищены героической борьбой трудолюбивого турецкого народа за свободу своей родины»². Мравян выразил уверенность, что на этой конференции не будет ни победителей, ни побежденных, и что она заложит прочные основы для дружбы и братства народов обеих сторон³.

Последним, с обобщающим словом, выступил К. Карабекир. Он осудил в своем выступлении тех авторов, которые стараются силой и

---

¹ ДВП СССР, т. 4, с. 371–372.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 148.

³ ДВП СССР, т. 4, с. 373.

угрозами навязать турецкому народу Севрский договор. Турецкий народ оказал сопротивление Западу, и Советская Россия протянула ему руку братской помощи в этой борьбе, чтобы освободить Восток от диктатуры Запада. Карабекир завершил свое выступление тем, что «подтверждение и упрочение той дружбы, основания которой были заложены нами в Москве, будут для всего мира знаком установления на Востоке эры **вечного братства** (подчеркнуто нами – А.А.)»¹. Спустя век после этих слов, какой на самом деле накопился запас братства, об этом может ныне самостоятельно судить каждый читатель.

Зафиксируем, что конференция провела шесть пленарных заседаний, первое из них 26 сентября, а последнее 13 октября, а также девять неофициальных заседаний. На первом заседании по предложению К. Карабекира было решено вести протоколы заседаний на французском, а потом переводить их на турецкий, русский, армянский и грузинский языки². На первом пленарном заседании были созданы две комиссии: **экономическая** и **пограничная**. Делегаты Закавказья (Б. Шахтахтинский, А. Мравян, П. Макинцян, Ш. Элиава и А. Сванидзе) были участниками заседаний экономической комиссии, на которых обсуждали вопросы торгово-хозяйственного характера³.

Изучение протоколов заседаний конференции, телеграмм, писем, других записей и материалов показывает, что основными действующими лицами были К. Карабекир и Я. Ганецкий. Как уже было сказано, цель миссии Я. Ганецкого состояла в следующем: а/ в лице Советской России оказать дипломатическую **«поддержку»** советским республикам Закавказья и б/ **проследить** за сохранением принципов Московского

договора¹. Практически, он был руководителем объединенной делегации Закавказья.

На первом заседании конференции обсудили вопрос формата будущего договора, то есть принцип, будет ли подписан с турками единый или отдельные договоры. Здесь снова поднимали вопрос о заключении отдельных договоров. Председатель заседания К. Карабекир-паша объявил от имени турецкой делегации, что они уполномочены подписать договор с каждой республикой в отдельности и отказался от сделанного ими же самими ранее 14 июня заявления относительно подписании общего договора². Получалось, что даже после открытия конференции, турки, отступив от взятого на себя обязательства, снова пытались настаивать на предложенном ими ранее условии заключать отдельные договоры с каждой республикой. Как уже было сказано, турецкая сторона демонстрировала заинтересованность в подписании отдельных договоров, чтобы проявив различные подходы, навязать свою волю каждой из этих республик. Турки даже считали излишним участие представителя РСФСР в конференции³, чтобы легко решить в свою пользу имевшиеся проблемы при непосредственном столкновении. Советская сторона обосновала, что они не могут подписать отдельные договоры, поскольку советские республики тесно связаны между собой военно-политическими и экономическими узами.

После аргументов советской стороны турки объявили, что они сделают запрос в Ангору и одновременно посоветовали, чтобы делегации Закавказья тоже обратились с соответствующими заявлениями в Ангору – к комиссару иностранных дел Ю. Кемалю и обосновали ему целесообразность подписания одного единого договора. И хотя Ангора согласилась заключить один единый договор, тем не менее, она выдвигала

¹ ДВП СССР, т. 4, с. 373–374.

² «Խորհրդային Հայաստան», Ер., 19. 10. 1921:

³ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 23, л. 21–22.

¹ «Խորհրդային Հայաստան», 16.12.1921:

² Багиров Ю.А., ук. соч., с. 70.

³ Хейфец А.Н., ук. соч., с. 161.

нула условие, чтобы его статьи были сгруппированы не по вопросам, а по каждой республике отдельно¹. В этом тоже можно заметить раскинутую турками западню. Само собой понятно, что именно это означало, и против кого было нацелено группирование статей договора по республикам.

Чтобы обосновать необходимость подписания единого турецко-закавказского договора, А. Мравян, А. Сванидзе и Б. Шахтагинский направили в Ангору Ю. Кемалю соответствующие разъяснительные телеграммы². По полученным Я. Ганецким сведениям, в конечном итоге с разрешения правительства Ангоры, 29 сентября турецкая делегация согласилась на подписание одного единого договора, с той оговоркой, что его статьи должны будут сгруппироваться не по вопросам, а по республикам³. В отчетной докладной телеграмме Я. Ганецкого, направленной Г. Чичерину 30 сентября, тот сообщает, что теперь турки согласны подписать общий договор, но с тем условием, чтобы «статьи были редактированы не по вопросам, а по республикам»⁴.

Однако советская сторона не соглашается и с этим форматом. После долгих совещаний турки решили во второй раз направить запрос в Ангору. Одновременно они посоветовали, чтобы советские республики сделали соответствующее повторное дипломатическое обращение в Ангору к Ю. Кемалю о том, что они желают заключить один, единый договор. В чисто формальном отношении, турки наверное правильно себя вели, поскольку они рассматривали три республики Закавказья как независимые государства – субъекты международного права. Логика такова, что если закавказские республики и в самом деле являлись независимыми государственными единицами, то, следовательно, нуж-

но было подписывать договоры с каждой из них в отдельности, независимо от того, какие именно цели преследовали турки.

Не считая обоснования и обращения закавказских делегаций в Ангору достаточными, 3 октября наркоминдел РСФСР Г. Чичерин направил Ю. Кемалю соответствующую ноту с обоснованием подписания единого турецко-закавказского договора. Он доказывал, что союзники РСФСР республики Армения, Грузия и Азербайджан находятся между собой в тесном политическом и экономическом союзе¹. В конце концов, турецкая сторона, не имея контраргументов, отступила и согласилась с идеей единого договора².

б/ Территориально-пограничные вопросы. Почему Ани не присоединили к Армении?

Одним из центральных дискуссионных вопросов была проблема уточнения границ. И в вопросе турецко-закавказской межи было решено принять как принцип текст Московского договора, при его незначительном изменении. При этом было решено включить в одну, 4-ю по порядку статью границы всех трех республик.

На первом же пленарном заседании конференции от 26 сентября советская сторона представила турецкой делегации меморандум с частичными предложениями пограничного и экономического характера. На последовавшем за ним заседании от 27 сентября утвердили два следующих предложения К. Карбекира: а/ принять принципы Московского договора без изменений и б/ создать объединенную комиссию по уточнению пограничных вопросов³. Понятно, что утверждение неизменности принципов Московского договора означало, что с самого начала возможности пограничных уточнений будут сведены к ми-

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 88.

² Там же, д. 23, л. 54.

³ Там же, д. 21, л. 88.

⁴ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 542.

¹ *ДВП СССР*, т. 4, с. 392.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 88; Багиров Ю.А., ук. соч., с. 71.

³ «Խորհրդային Հայաստան», 19.10.1921:

нимому. Это одновременно означало, что обсуждение статей договора становилось во многих отношениях формальным.

Но даже при этом, в результате предварительных обсуждений на пленарных заседаниях конференции от 27–28 сентября выяснилось, что несколько пограничных участков считаются спорными. Спорными были вопрос села Сарп, граница в районе села Сабаур, село Кафтарети, а на армяно-турецкой границе села Нор-Кизилдаш и Варданли, Ани и Кохб¹.

Необходимо отметить, что на втором заседании конференции, состоявшемся 27 сентября, фактический руководитель делегации Закавказья Я. Ганецкий в качестве предложения представил на обсуждение несколько требований-предложений армянского «Меморандума» и директив пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 3 сентября, в частности вопросы соляных копей Кохба, древнего городища Ани и медных рудников в районе Чороха. В телеграмме Я. Ганецкого, направленной Г. Чичерину 27 сентября, сообщалось, что по мнению турок, им должны принадлежать все пограничные села, в том числе и расположенное на море село Сарп. Далее Ганецкий продолжает, что «по проблеме Ани был сделан запрос турецкому правительству, и есть надежда, что будет согласие, а по проблеме Кохба надежды нет»². 29 сентября А. Мравян телеграфировал Ал. Мясникяну в связи с возвращением Армении древнего города Ани и соляных копей Кохба: «На Конференции мы возбудили вопрос о присоединении развалин города Ани и предоставлении концессии на Кульпинские соляные копи. По вероятности турки согласятся»³.

Чтобы сделать работы по проведения границы плодотворными, было решено создать объединенную турецко-закавказскую комиссию

по размежеванию, с участием представителя РСФСР (Б. Кузнецова)¹. Из закавказских республик в объединенную комиссию по размежеванию включили Б. Кузнецова (РСФСР, председатель), Н. Гедеванова (Грузия), Вл. Тамручи (Армения)², П. Ингорокву (Азербайджан) и переводчика А. Локтионова, а с турецкой стороны майора Вейсала-бея, Талаата-бея и переводчика Ахмеда-бея.

По предложению закавказских делегаций, эта комиссия в свою очередь разделилась на две подкомиссии: чтобы на месте изучить и уточнить турецко-армянскую и турецко-грузинскую границы. Определили следующий порядок работы: в уточнении с Турцией территориальной проблемы каждой республики Закавказья должен участвовать представитель данной республики и обязательно представитель РСФСР.

До того, как объединенная комиссия по размежеванию могла приступить к профессиональной работе по проведению границы, было принято к сведению следующее заявление: «Безоговорочно принять пограничную линию, определенную в статье I Московского договора, которая изменениям не подлежит»³.

Однако прежде, чем перейти к обсуждению собственно пограничного вопроса, представлявший Турцию председатель пограничной комиссии Вейсал-бей выразил пожелание узнать у советской стороны об имеющихся в наличии (существующих) границах между закавказскими республиками, чтобы, по его мнению, было легко перейти к собственным работам по размежеванию. В данном случае можно догадаться о

¹ Там же, д. 21, л. 97.

² Представлявший Армению Вл. Тамручи был офицером-картографом Красной армии, участвовавшим в подавлении Февральского восстания 1921 г. и покорении Зангезура, который собрал материалы об этих боях и составил карты фронтовых военных действий. Так что он был специалистом по черчению карт и пограничному размежеванию (см.: *Թամրուչի Վլ., Ղանարևուի և Զանգեզուրի կռիվները*, Եր., 1922).

³ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 151.

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 15.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 99.

³ Там же, д. 23, л. 54.

подтексте запроса Вейсала-бея. Он тем самым хотел заранее узнать конкретную границу каждой республики Закавказья, чтобы в случае необходимости точно уяснить, какая из них что может уступить, и что у кого забирать. В ответ на выраженное Вейсалом-беем пожелание, Б. Кузнецов нашел более целесообразным принять к рассмотрению общую границу между Турцией и республиками Закавказья, на что турецкая сторона, в конечном итоге, согласилась¹.

Затем председатель объединенной пограничной комиссии Закавказья Б. Кузнецов сообщил, что делегаты закавказских республик, рассмотрев пограничный вопрос, пришли к следующему выводу, что «пограничная линия, определенная статьей I Московского договора, безоговорочно принимается как основа, от которой не может отступить ни одна из сторон. Все подпункты и пограничные линии, указанные в данной статье, остаются неизменными»². Однако при всем этом председатель объединенной комиссии Закавказья сделал оговорку относительно района **Ани** как древней историко-культурной местности, и **Кохба**, как имеющего экономическую важность. Что и было зафиксировано в протоколе³. Председатель турецкой пограничной комиссии Вейсалбей, возражая против предложения закавказской комиссии, считал вопрос Кохба относящимся исключительно к экономической сфере и полагал, что он не имеет никакой связи с изменением границ, поэтому его должна обсудить экономическая комиссия.

Даже при обсуждении пограничного вопроса считали важным в каком направлении его следует начать. По предложению закавказской стороны, было решено обсуждать пограничный вопрос с востока на запад. Между тем мы знаем, что на Московской конференции его обсуждали в обратном направлении: с запада на восток. Это означало, что в

первую очередь должны были затронуть вопрос части «**треугольника**», лежавшего между Арменией и Нахичеванским краем. Известно, что статья III Московского договора предусматривала создать комиссию при участии трех представителей – от Армении, Азербайджана и Турции. Однако вплоть до Карсской конференции такую комиссию еще не создали, поэтому данную проблему тоже следовало решить¹: И нужно констатировать, что, по сути, после подписания Московского договора не производилось каких-либо работ по размежеванию границы.

Во время пограничных обсуждений Б. Кузнецов следующим образом представил по фрагментам начинавшуюся с востока пограничную линию. Турецко-закавказская граница начинается с (устья) места впадения **Нижнего Карасу** в Аракс и затем по течению реки Аракс доходит до моста Каракала. У сторон не было возражений в отношении этого интервала, и они пришли к согласию².

В связи с проблемой Кохба закавказская сторона считала, что вопрос фрагмента от моста Каракала до места впадения реки Арпачай в Аракс пока следует оставить открытым в связи с проблемой соляных копей Кохба. В этом случае председатель турецкой пограничной комиссии снова возразил, считая, что нет никакой необходимости оставлять этот вопрос открытым, так как проблема Кохба является не пограничным вопросом, а экономическим. Б. Кузнецов предложил отложить данный вопрос до обсуждения вопросов в экономической комиссии. Однако турецкая сторона продолжала настаивать, что нет никакой необходимости в проволочке.

Оставив открытым вопрос о данном участке, Б. Кузнецов представил второй отрезок границы: от места впадения реки Арпачай в Аракс до развалин города Ани. На этом фрагменте армяно-турецкой границы больше всего споров вызывал вопрос принадлежности развалин Ани.

---

¹ Там же, л. 25.

² Там же.

³ Там же.

---

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 27.

² Там же, л. 28^a.

Как уже было сказано в меморандуме, составленном армянской стороной до Карсской конференции, было выражено горячее желание вернуть в состав ССРА развалины Ани – столицы Багратидской Армении. Это скромное требование озвучил от имени объединенной советской делегации Я. Ганецкий.

Нужно отметить, что практически турецкая делегация дала отрицательный ответ на предложения о соляных копах Кохба и Кагызвана, пастбищах Карса и на другие предложения экономического характера; она лишь сделала оговорку касательно проблемы возвращения Армении развалин исторической армянской столицы Ани, выдвинув условие, что делегация должна сделать запрос правительству Ангоры.

На пленарном заседании конференции от 27 сентября развернулось довольно интересное и подававшее надежду обсуждение относительно Ани, о чем свидетельствуют материалы протоколов этого дня. Карабекир объявил, что они получили распоряжение от ангорского правительства строго следовать пунктам Московского договора. «Исключение делается только для города Ани, – читаем мы в протоколе, – чтобы оказать любезность армянской делегации. Турецкая делегация оставляет развалины города Ани Армении, принимая во внимание их историческое значение, которое они имеют для Армении и армянского населения»¹. В связи с этим руководитель турецкой делегации послал телеграмму в Ангору, чтобы получить окончательное согласие. Я. Ганецкий выразил К. Карабекиру свое удовлетворение за проявленную тем любезность в вопросе Ани. В тот же день он отослал радиogramму в Москву, наркому по ин. делам Г. Чичерину, сообщив, что «в вопросе Ани сделан запрос турецкому правительству и есть надежда, что будет согласие»².

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 131.

² Там же, л. 99.

Затем, в ходе переговоров делегации начали обсуждать, как именно сформулировать вопрос возвращения Ани, чтобы это не противоречило статье I Московского договора, относящейся к границам¹. Карабекир-паша сообщил от имени турецкой делегации, что реку Арпачай (Ахурян) нужно принять как окончательную армяно-турецкую пограничную линию, «что же касается уступки развалин города Ани, то ее можно принять **отдельной статьей**». После этого Карабекир добавил: «И это делается, учитывая ту симпатию, которую Турция питает по отношению к Армении»². Здесь трудно дать объяснение подтексту подобной фальшивой любезности Карабекира. В конце своего выступления руководитель турецкой делегации обобщил, что остальные вопросы, представленные советской стороной не подлежат пересмотру и их можно принять незамедлительно.

Я. Ганецкий возразил Карабекиру на его предложение принять отдельную статью относительно вопроса Ани, указывая в качестве аргумента, что это может противоречить статьям о границах Московского и Карсского договоров, поскольку, исходя из разъяснения Ганецкого, в Московском договоре Ани обозначен на турецкой стороне, а в принимаемой здесь новой статье будут обозначено, что город Ани переходит Армении. Вместо этого, Я. Ганецкий находил целесообразным не принимать отдельную статью для Ани, а просто в собственном тексте договора указать, что город Ани переходит Армении, учитывая его историко-культурное значение, и сделать об этом заявление политического характера³. Напомним, что эти обсуждения относительно Ани осуществляли в неведении, какой ответ будет получен из Ангоры.

Руководитель турецкой делегации снова настаивал на его предложении по проблеме развалин города Ани, для которого в плане исклю-

¹ ДВП СССР, т. 3, с. 597–598.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 132.

³ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 132.

чения можно принять отдельную статью и ввести ее в договор: «Турецкая делегация находит, что границы окончательно приняты Московской конференцией, и их изменение или пересмотр невозможны. И только в вопросе развалин города Ани он предлагает ввести отдельную статью»¹. После этого выступления Карабекира Я. Ганецкий привел дополнительные разъяснения. Он сообщил, что, по его мнению, чтобы уладить возникшее недоразумение, «наша делегация абсолютно не возражает тому, чтобы город Ани перешел к армянской стороне и относительно этого составили отдельную статью. Мы не возражаем против отдельной статьи, а считаем, что факт об уступке Ани нужно запротоколировать и в статье о границах»².

В данном случае, тонкость спора между Карабекиром и Ганецким о дипломатической и юридической формулировке состояла в том, что Карабекир не желал, чтобы в собственно тексте договора, да еще и в статье о границах, в которой в соответствии с Московским договором было зафиксировано, что армяно-турецкой границей считается река Ахурян, было указано (зафиксировано), что город Ани вручается Армении; он предпочитал, чтобы об этом сформулировали отдельную статью, которая должна была размещаться не в собственно тексте договора, а в приложении II («Б») в качестве отдельного пункта. Не придя к согласию, стороны в конце концов решили отложить обсуждение вопроса об Ани, пока не будет получен ответ из Ангоры³.

В протокол пленарного заседания конференции от 28 сентября внесли следующую формулировку: «Включить в границы Армении развалины города Ани»⁴. Со стороны объединенной делегации Закавказья было предложено ввести вышеупомянутую статью протокола в

---

¹ Там же.

² Там же, л. 132–133.

³ Հանդիպան Ա., Թե ինչպես Անին չմիացվեց Հայաստանին (ՊԲՀ, 2003, թիվ 2, էջ 78):

⁴ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 273.

текст проекта договора. Турецкая делегация согласилась, при условии, что окончательное решение проблемы должно дать правительство ВНС Турции¹.

Пока на пленарных заседаниях конференции протекали подобные обсуждения, параллельно шла работа Объединенной пограничной комиссии. Здесь разворачивались аналогичные обсуждения вокруг Ани и других спорных пограничных вопросов. Сначала турецкий руководитель пограничной комиссии настаивал, чтобы вопрос о развалинах Ани сняли из статьи I основного текста договора и включили в приложение к договору в качестве примечания в той части, где речь будет идти о пограничной линии по Ахурияну. Турецкий делегат обосновывал, что уже создана карта, соответствующая тексту Московского договора, которую больше нельзя изменять². Советская сторона (руководитель погр. ком. Б. Кузнецов), защищая утверждение Я. Ганецкого, тоже находила, что нужно зафиксировать включение развалин города Ани в территорию Армении в конце статьи I договора (в качестве примечания)³. В результате обсуждений Объединенная пограничная комиссия заявила, что безоговорочно принимает пограничную линию, определенную в статье I Московского договора, которая не подлежит изменениям. Была сделана лишь оговорка для Ани, в ожидании окончательного ответа из Ангоры⁴. Интересно, что в фонде 113 Совета народных комиссаров ССРА, находящемся в Национальном архиве Армении, хранится один проект армяно-турецкого договора из 14 статей и приложение I с пограничной линией (судя по всему, составлен армянской делегацией), в котором отмечено, что армяно-турецкая граница прочерчена по руслу реки Ахурян, включая в Армению развалины города

---

¹ Там же, л. 273–274.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 19.

³ Там же, л. 9.

⁴ Там же, л. 151.

Ани, затем она выходит к реке Аракс, и оттуда по руслу Аракса тянется до села Урмия, расположенного на его левом берегу¹.

Что касается расположения, то сообщим, что Ани находился в южной части Александропольского уезда, на расстоянии 50 км от города Александрополя (Гюмри), на правом берегу реки Ахуриан, на высоте 1500 метров над уровнем моря, на имевшем треугольную форму плато (мысе). План собственно развалин охватывает площадь в около 86 гектаров, а вместе с окружающими территориями – приблизительно 150 гектаров².

В окрестностях развалин Ани находится несколько сел: населенное турками Ани, населенные армянами Еникей (Новое село) или Харков, Чала, Арази; населенное курдами Аладжа и населенное езидами Бакнан. Кроме реки Ахуриан, Ани обрамляют речка Ани, а также ущелья Цахкоцадзор, Игадзор и Гайл или Гайладзор; а речка Ани (Аладжа) течет с западной стороны от развалин города, с севера на юг.

В соответствии с представленным меморандумом предложений-требований делегации Армении, развалины Ани с несколькими близлежащими селами были введены в пределы Армении. Придерживаясь именно этого принципа, председатель пограничной комиссии закавказских республик Б. Кузнецов начертил на карте вариант пограничной линии на отрезке Ани, которым последняя вводилась в состав Армении.

Предлагавшаяся пограничная линия была нижеследующей: «Начинаясь от устья, южнее наскальной надписи Ани, текущей на север от точки обозначенной 1953 по руслу реки до водораздела, ведущего к за-

¹ Там же, д. 23, л. 35–37.:

² Պալարեան Գրիգոր Օ. վարդապետ, Նվարագրութիւն Անիի ավերակներուն, Կ. Պոլիս, 1910, էջ 18–19; Орбели И., Краткий путеводитель по городу Ани (съ планомъ), СПб., 1910, с. 1–3; Арутюнян В.М., Город Ани, Ер., 1964, с. 19–20; Սարգսեան Զ., Երեք դարձագիրներ, էջ 136; Վարդանյան Ս., Հայոց մայրաքաղաքները, Եր., 1985, էջ 102.

падной и северо-западной стороне города Ани вплоть до села Ани, включая их в состав Армении, затем по прямой линии доходит до развалин церкви Эрце. После чего тянется от развалин Эрце к истокам той речушки, которая протекает на север от Эрце, и параллельно этой речушке доходит до нее вплоть до впадения в Арпачай»¹.

Представленная Б. Кузнецовым пограничная линия в отношении Ани была с неудовольствием принята турецкой комиссией. В связи с этим они заявили, что, во-первых, данное предложение заметно отклоняется от соответствующего приложения Московского договора. И во-вторых, этот вопрос имеет для них огромное значение с военной точки зрения. «Как бы то ни было, – сказано в заявлении, – мы принимаем, что Ани имеет крупное историко-культурное значение для Армении, поэтому желательно, чтобы этот вопрос был решен в пользу Армении»². Заседание объединенной пограничной комиссии решило отложить дальнейшее обсуждение и этого вопроса.

Вслед за этим, одним из обсуждавшихся вопросов стало село **Варданли** Анийского района, расположенное на пограничной линии и растянувшееся вверх по течению Арпачая, оно лежало на обоих берегах реки, и советская сторона считала желательным включить село в пределы Армении. Турки сообщили, что дадут свой ответ на это позднее.

И, наконец, последний – четвертый отрезок границы между Арменией и Турцией начинался от притока реки **Буга**, проходя по ряду высот Учтапаляру, по административной границе Ардаганского округа горе Мец-Агбаба и далее³. По предварительному предложению закавказской стороны, пограничная линия должна была проходить восточнее села **Ибиш** (то есть село переходило к Турции), однако село **Нор-**

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 28^а.

² Там же, л. 29.

³ Там же.

Кизилдаш должно было остаться Армении, так как оно находилось в долине реки Арпачай. И кроме этого, самая удобная дорога, выходившая из Нор-Кизилдаша, проходила через село Гюль-Булаг и далее шла в Александрополь. Решение вопросов дальнейшей судьбы вышеупомянутых спорных пограничных сел: Варданли, Ибиша, Нор-Кизилдаша, через которые протекала пограничная река, до времени отложили, однако в результате дальнейших дискуссий советская делегация не проявила достаточно сердобольной и заинтересованной требовательности, поэтому данные села с их земельными угодьями уступили туркам. Можно было удивляться упрямству турок: скажем, каждый раз, когда обсуждался вопрос пограничных сел, турки выставляли требование, что все пограничные села должны принадлежать Турции¹.

Что же касается вопроса хотя бы эксплуатации Арменией соляных копей Кохба, то турки по сути отвергли это предложение, а советская сторона не настаивала на его предложении, закрыв тем самым пограничную проблему на отрезке Каракала. Чуть позднее мы увидим, что было отказано и в проблеме принадлежности нашей стране Ани, являющегося почти равносильным Сису и Масису историческим символом для Армении и армянского народа; этот вопрос был снят с дальнейшего обсуждения.

Советская сторона проявила настойчивость, хотя и исключительно в вопросе турецко-грузинской границы, когда это относилось к деревне Сарп. В тексте Московского договора говорится, что граница начинается с села Сарп. Я. Ганецкий обосновал экономическую связь Сарпа с Батуми, не принимая в качестве границы протекающую рядом с ним реку; проблему вручили смешанной пограничной комиссии и в конечном итоге вопрос принадлежности села Сарп был решен в пользу Грузии². В конечной фазе своей работы объединенная пограничная ко-

---

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 99.

² Там же, л. 135–136.

миссия выработала правила о пограничных знаках и порядке своего размещения.

Отдельно от работы смешанной комиссии, в середине конференции были проведены двусторонние и многосторонние совещания по проектам договора обеих сторон, по Батуми, Кохбу, по преодолению разногласий вокруг Ани, и т.д. При изучении документальных материалов выясняется, что с 29 сентября по 9 октября фактически не проводилось пленарных заседаний, как и в случае с Московской конференцией, а осуществлялись бурные двусторонние совещания и обсуждения, в ходе которых турки последовательно ужесточали свою позицию и требования.

Нужно отметить, что Г. Чичерин пристально следил из Москвы за ходом конференции, а из Еревана был так же внимателен председатель правительства Армении Ал. Мясникян. Они каждый день и даже несколько раз в день получали от Я. Ганецкого и А. Мравяна телеграммы со сведениями и отчетами о ходе и результатах переговоров. Я. Ганецкий свидетельствует, что переговоры шли не так уж гладко: «Время от времени создавалось такое впечатление, что, казалось, договор заключить не удастся»¹. А. Мравян тоже приводит факты о жесткой и неуступчивой позиции турецкой делегации в направленных Ал. Мясникяну письмах.

Турки выдвинули возражения и по проблеме **Нахичевана**. По свидетельству Мравяна, в отношении Нахичевана был принят отредактированный советской стороной вариант (5-ой) статьи. К тому же, в связи с вопросом Нахичевана в Карс прибыли посланцы ведибасарских турок, потребовавшие, чтобы район Ведибасара присоединили к Нахичеванской области. Однако советской делегации удалось их кое-как успокоить². А. Мравян объясняет ужесточение позиции турок обостре-

---

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 83.

² Там же, д. 23, л. 55.

нием русско-польского кризиса: первые надеялись вырвать новые уступки¹. Ужесточение поведения турок вероятно было связано и с тем обстоятельством, что почти одновременно с Карсской конференцией председатель сенатской комиссии по иностранным делам Национального собрания Франции Анри Франклен-Буйон вел тайные переговоры с Ангорой (с Мустафой и Юсуфом Кемалями), в результате которых **20 октября** был заключен Анкарский договор². Это означало, что Франция больше не представляла угрозы для Турции. Переговоры и сближение с Францией прибавляли туркам сил, чтобы с большей смелостью говорить с «русскими» на карсских переговорах. Теперь турки стали настолько самоуверенными, что 3 октября турецкий посол в Москве Али Фуад предложил И. Сталину между прочим принять Турцию как посредника между Францией и РСФСР, которая будет действовать в пользу России³. Есть основания утверждать, что нарком по ин. делам Ю. Кемаль не пожелал лично возглавить турецкую делегацию на Карсской конференции, потому что подготавливалась почва для турецко-французских переговоров Ангоры.

Главной причиной затяжки турками переговоров и их жарких споров были не пограничные проблемы, (они уже были принципиально определены «Национальным обетом» и решены Московским договором), а имевшиеся разногласия из-за остальных статей. Турки старались добиться максимальной пользы и привилегий почти по всем обсуждавшимся статьям.

5 октября Я. Ганецкий телеграфировал из Карса Г. Чичерину в Москву: «Сегодняшнее совещание продолжалось с 2 до 8 без перерыва. Мы продвигаемся черепашьям шагом вперед. Поведение турок такое, что поневоле задаешь себе вопрос, зачем мы приносим для них столько

жертв. Экспертам поручено начертание карты и окончательная редакция статьи»¹. В телеграмме от 6 октября Ганецкий снова доложил, что на совещании этого дня тоже не было прогресса: «У всех у нас определенное впечатление, что турки сознательно затягивают конференцию»².

Переговоры не продвигались вперед и в том отношении, что на представленные советской стороной предложения частичного исправления границ, экономического и гуманитарного характера, как правило, следовал отказ. **Решающим днем для Армении стало 5 октября, поскольку неофициальные обсуждения этого дня относились к касающимся Армении статьям и в частности к проблеме Ани. После девятидневного ожидания, турецкая делегация резко отвергла требование вернуть Ани Армении с какой бы то ни было формулировкой.** Турки объявили, что «**Ангора не согласна уступить Ани Армении**»³:

На следующий день, 6 октября, А. Мравян телеграфировал с находившегося в Карсе поезда дипломатической миссии в Ереван председателю Совнаркома Ал. Мясникяну. Он сообщал, что 5 октября, при обсуждении статей, относившихся к Армении, турки «продемонстрировали яркую непримиримость и отказались возвращать развалины Ани»⁴. Были острые вытсупления. От советской стороны выступил только Я. Ганецкий. Вечером этого же дня последний телеграфировал в Москву, Чичерину: «Турки отказали в вопросе проведения научных работ в Ани, обосновывая, что для этого в Турции созданы широкие возможности»⁵. Вместо этого, советская сторона подняла проблему взятия в аренду (концессию) Кохба, однако турки и на это ответили отказом,

¹ Там же, л. 56.

² См.: **Саакян Р.Г.** *Анкарский договор 1921 года и судьба Киликийских армян* (ИФЖ, 1984, № 2, с. 132–134, 136, 140–141).

³ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 546.

¹ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 547.

² Там же, с. 549.

³ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 23, л. 58.

⁴ Там же, л. 57.

⁵ Там же, д. 21, л. 97.

мотивируя, что это сугубо коммерческий (торговый) вопрос и его нельзя делать предметом обсуждения на конференции¹.

Турки оказались непримиримыми и вопросе предоставления амнистии участникам армяно-турецкой войны и возвращения беженцев². Во время совещания от 7 октября, турки согласились с формулировками статей об амнистии и возвращении беженцев. Однако на вечернем заседании этого же дня вспыхнул яростный спор, связанный с возвращением имущества Александропольского депо. Я. Ганецкий, являвшийся главным действующим лицом советской стороны, рассказывает, что во время частной беседы, развернувшейся вокруг возвращения имущества Александропольского депо, Карабекир «прямо умолял меня отказаться от возвращения Александропольского депо, так как они вывезенным материалом оборудовали мастерские в Карсе и Эрзеруме, без коих сейчас во время войны они не могут обойтись»³. В качестве решения данного вопроса на основе взаимной уступки, Я. Ганецкий предложил хотя бы возместить имущество деньгами. Однако и в этом случае «турецкие делегаты начали «плакать» (по выражению Ганецкого – А. А.), указывали на свое тяжелое экономическое положение»⁴. На требование о возвращении имущества Александропольского депо турки выдвинули встречное требование о возмещении их якобы понесенного ущерба, то есть – им якобы должны были вернуть имущество, вывезенное во время войны из Эрзерума, Карса и Сарикамыш. Можно лишь изумляться этому безосновательному требованию турок. В период мировой войны из Эрзерума не только не было вывезено имущество, но и туркам были оставлены огромные по объемам склады боеприпасов и продовольствия. Что же касается Карса и Сарикамыш, то они представляли собой стратегические центры Республики Армения, которые бы-

ли аннексированы турками, что сопровождалось осуществленными ими самими грабежом и резней. К сожалению, советская сторона ничем не возразила на данное требование турок¹. Смехотворным является то, что возмещения требовала страна, которая в результате развязанной против Армении в 1920 г. войны посеяла смерть и разрушения от Сарикамыш – Мерденека до склонов Арагаца, разграбив и присвоив себе места проживания армян и вывезя все, что только можно было переместить. Уносили даже оконные рамы, двери, электрические столбы, оборудование Александропольского депо, железнодорожные рельсы и шпалы². Забегая вперед отметим, что в качестве «возмещения» за все это, помощью-подарком Турции армянскому народу вероятно стало то, что после подписания договора в Армению отправили два-три вагона соли, 2 вагона хлеба, 40 голов коров и 80 голов овец³.

9–10 октября конференция вступила в завершающую фазу. На пленарных заседаниях этих дней зачитали окончательно согласованные статьи договора, были сделаны отдельные заявления касательно его спорных пунктов. Я. Ганецкий в последний раз сделал заявление, настаивая на Ани. Содержание его заявления было следующим: «Делегации закавказских республик с глубочайшей болью констатируют отказ на сделанное ими предложение об Ани, который представляет национально-историческую и художественную ценность для армян»⁴. Однако турецкая делегация дала отвергающий ответ, возражая, что Ани находится на западном берегу Ахуряна, следовательно передача

¹ Там же, д. 23, л. 48.

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 23, л. 57.

³ *Геноцид армян*, т. 2, ч. 1, с. 544.

⁴ Там же, л. 549.

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 83.

² **Ջոհրաբյան Է.Ա.**, *Սովետական Ռուսաստանը և հայ-թուրքական հարաբերությունները*, էջ 240:

³ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 23, л. 58; «Бюллетень наркоматаиндел ССРА», 5. 11. 1921, № 7, с. 20; **Борьян Б.**, *Армения, международная дипломатия и СССР*, ч. II, М., 1929, с. 306.

⁴ «Խորհրդային Հայաստան», 23.10.1921:

его армянам нарушит принципы Московского договора¹. В то же время турки объявили, что они не будут создавать препятствий для тех, кто пожелает посетить эти развалины².

Точно таким же образом турки отказали и предложению о сдаче Армении в концессию соляных копей Кохба, не говоря уже об их присоединении к Армении. На заседании от 10 октября турки согласились подписать единый договор. В этот же день Я. Ганецкий телеграфировал из Карса Г. Чичерину в Москву: «Только что закончилось заседание конференции. Все статьи приняты. Последний горячий бой произошел при Батуме. Турки сдались и отказались от дополнительного протокола, согласившись на включение декларации в протокол заседания. Мы зато демонстративно отказались от возбуждения на конференции вопроса об Александропольском депо»³. Это означало, что произошел не только территориальный обмен, но и часть входившей в турецкий «Национальный обет» Батумской области была оставлена Грузии, а в обмен за это невходивший в «Национальный обет» Сурмалинский уезд был сдан Турции (примечательно, что обмен этими двумя краями произошел посредством почти равных территорий). Более того, во вред Армении, советская делегация отказалась поднимать вопрос об Александропольском депо, чтобы в обмен на это турецкая сторона отказалась от Батуми и получения дополнительных привилегий в пользовании портом.

Необходимо констатировать, что во время всего хода конференции не было запрототолировано ни одного выступления армянской делегации, ее жалобы или хотя бы реплики. Она сохраняла каменное молчание. Вероятно, армянские делегаты вели себя таким образом,

чтобы не причинить вреда «братской солидарности» с соседним турецким народом. Что же касается делегаций Азербайджана и грузинских посланцев, то во время обсуждения проблем Нахичевана и Батуми с разъяснениями выступали, и не раз, делегат Азербайджана Б. Шахтахтинский, и от Грузии – Ш. Элиава¹.

Считаем не лишним также сообщить, что отправлявшаяся в Карс армянская делегация в качестве гостинца подарила турецкой делегации лекарства, два ящика коньяка, два ящика вина, два ящика консервов, 20 фунтов сахара и 3 фунта чая². 30 сентября К. Карабекир, через своего начальника штаба, выразил глубокую благодарность в связи с этим подарком секретарю наркомата и. д. Армении Г. Ходжамирян за получение лекарств, консервов и коньяка³. Какая щедрость в том случае, когда в это же время страна и народ были охвачены голодом и эпидемиями. Трудно однозначно понять смысл этого дара. Его значение можно понимать и как кавказское гостеприимство и щедрость, и как жест интернациональной солидарности, и как задабривание.

13 октября (в четверг), в 12 часов, была созвано последнее, шестое заседание конференции. Цель заседания состояла в подписании уже готового текста и его открыл Я. Ганецкий, предложивший подписать договор о **«братстве наций и нерушимой и искренней дружбе»**, то есть снова с формулировками, подобными тем, которые получил Московский русско-турецкий договор. Процедура подписания прошла в торжественной обстановке. Помимо делегаций на церемониале присутствовали представители политических и военных властей, турецкие скауты-подростки. В обстановке глубокого молчания зачитали французский подлинник договора, после чего подписали протоколы заседаний. Ровно в полдень произошло подписание договора. В этот момент

¹ Հակոբյան Ա., Թե ինչպես Անիի շահագլեց Հայաստանին (ՊԲՀ, 2003, թիվ 2, էջ 80–81):

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 23, л. 58.

³ Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 552.

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 114, 118–119, 127 и т. д.

² Там же, ф. 114, оп. 1, д. 172, л. 8.

³ Там же, ф. 113, оп. 3, д. 11, л. 271.

дали четыре артиллерийских залпа из Карсской крепости, а турецкий оркестр исполнил «Интернационал» и государственный гимн Турции¹:

Договор подписали в алфавитном порядке: от Армении А. Мравян и П. Макинцян, от Азербайджана Б. Шахтахтинский, от Грузии Ш. Элиава и А. Сванидзе, от Турции К. Карабекир-паша, Вели-бей, Мухтар-бей и М. Шевкет-бей, а со стороны правительства РСФСР Я. Ганецкий. После подписания К. Карабекир и Я. Ганецкий произнесли речи, которыми закрыли Карсскую конференцию. После взаимных поздравлений, советские делегаты отбыли в тот же день поездом из Карса.

в/ Постатейное строение договора и сравнительный анализ с Московским договором

Карсский договор состоял из преамбулы, 20 статей и трех (I, II, III) приложений². В приложениях определены пограничные линии. В преамбуле с меньшей теплотой, чем в Московском договоре, говорится о переговорах, начатых с целью установления **«постоянных сердечных взаимоотношений и непрерывной искренней дружбы»** между советским и турецким народами и подписания дружеского договора. Введение в договор уже само предопределяло природу и содержание подписываемого текста.

Принимая во внимание, что перевод статьи 1 договора на армянский язык, приведенный в армянских сборниках, на наш взгляд, не столь уж удачен (в одном предложении трижды указана территория, государство превратилось в державу и т. п.), в силу этого считаем необходимым привести эту статью целиком, в соответствии с образцом подлинника: «Правительство Великого национального собрания Турции и

¹ «Խորհրդային Հայաստան», 23.10.1921; Վրացյան Ս., Հայաստանի Հանրապետություն, Եր., 1993, էջ 683:

² НАА, ф. 113, оп. 3, д. 54, л. 20–24; д. 56, л. 68–74; ф. 114, оп. 2, д. 133, л. 10–19; «Հայաստանի ...», էջ 517–527; ДВП СССР, т. 4, с. 420–429.

правительства Социалистических советских республик Армении, Азербайджана и Грузии считают отмененными и неимеющими силы договоры, заключенные между государствами, ранее осуществлявшими свои суверенные права на территории, входящей ныне в состав территории договаривающихся сторон, и касающиеся вышеупомянутых территорий, а равно и договоры, заключенные с третьими державами и касающиеся Закавказских Республик. Считается установленным, что настоящая статья не применяется к турецко-русскому договору, заключенному в Москве 16 марта 1921 (1337) года»¹.

Прежде всего констатируем, что данная статья повторяет и вытекает из логики Московского договора с одним лишь отличием, что отмененными и потерявшими силу считаются также договорные отношения бывших суверенных турецко-закавказских правительств.

Таким образом, правительства государств, являющихся договаривающимися сторонами по статье 1 Карсского договора, признают отмененными и потерявшими силу договоры правительств, осуществлявших суверенные права в указанных государствах до их собственного прихода к власти; что относится к договорам, заключенным как между собой и относящимся к указанным территориям, так и к договорам, заключенным закавказскими республиками с другими государствами.

Это означает, что потерявшими силу признавались и Брест-Литовский, и Батумский, и Севрский, и Александропольский, как и еще более ранние Адрианопольский, Парижский, Сан-Стефанский, Берлинский и другие договоры, которые османское имперское правительство подписало с третьими сторонами. То же самое относится к договорам, которые бывшие правительства Армении, Грузии и Азербайджана заключили между собой, с Турцией или с какой-либо третьей стороной.

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 56, л. 69; ф. 114, оп. 2, д. 133, л. 11.

Из сказанного следует, что отмененными и потерявшими силу считались двусторонние договоры, заключенные в 1919–1920 гг. между кемалистской Турцией, мусаватистским Азербайджаном и меньшевистской Грузией, которые, как правило, их острой стороной были направлены против Республики Армения, чтобы разрушить и поделить ее между собой. В частности, среди них можно отметить соглашение от 22 августа 1919 г., относившееся к Карабаху, секретный турецко-азербайджанский союз октября этого же года, турецко-азербайджанскую военную конвенцию 15 апреля 1920 г., секретное турецко-грузинское соглашение сентября 1920 г., и т.д.¹

И наконец, статья 1 Карсского договора свидетельствует также о готовности создать между сторонами новое договорное поле. И еще одно важное обстоятельство: в последнем параграфе статьи 1 договаривающиеся стороны признают законным и по сути приоритетным в их взаимоотношениях только Московский договор от 16 марта 1921 г. С другой стороны, Карсский договор, во всех отношениях, положил конец существованию многострадального Александропольского договора, хотя тот, как уже многократно обосновывалось, с момента его подписания не имел юридической силы.

Если статья 1 Карсского договора относилась к тому, что два правительства (с одной стороны ВНСТ, а с другой стороны Советской Армении, Грузии и Азербайджана) считали отмененными и потерявшими силу договоры, заключенные правительствами, осуществившими суверенные права на их бывших территориях, то в статье 2 еще говорилось о взаимных обязательствах, принятых на себя в данном договоре теми же двумя договаривающимися сторонами: «Не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию кото-

рых принуждалась бы силою одна из них»¹. Это относилось как к нынешним, так и к договорам, которые будут подписаны в будущем. Нужно отметить, что первый и третий параграфы статьи 2 Карсского договора своим содержанием дословно повторяют первый параграф статьи I Московского договора, с той лишь разницей, что в качестве стороны вместо РСФСР предстают закавказские республики. А второй параграф статьи 2 турецкого «Национального обета» о признании буквально повторяет второй параграф статьи I Московского договора².

Если мы рассматриваем статью 2 в разрезе отношений между Арменией и Турцией, то она относится к непризнанию как Севрского, так и нератифицированного Александропольского договоров, поскольку правительство ВНСТ не признало затрагивавший интересы Турции Севрский договор, и точно таким же образом правительство Советской Армении не признало Александропольский договор.

Следующая, статья 3 Карсского договора, подобная статье 7 Московского договора, относится к упразднению режима капитуляций³. Известно, что в предыдущие столетия царская Россия приобрела в Османской империи целый ряд не меньших по правам капитуляционных привилегий (таможенно-пошлинного и даже политического характера), чем европейские государства. По Московскому договору (статья 7) все капитуляционные права и функции, которыми обладала Россия, сочли потерявшими свою силу и отмененными.

По Карсскому договору (статья 3) подобная система, если она существовала, считалась упраздненной между Турцией и закавказскими республиками. Конкретизируя и сводя проблему к армяно-турецким отношениям, нужно сказать, что, по сути, элементы неравноправного ка-

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 56, л. 69; ф. 114, оп. 2, д. 133, л. 11; «Հայաստանը ...», էջ 519.

² «Հայաստանը ...», էջ 500 և 519:

³ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 56, л. 70; ф. 114, оп. 2, д. 133, л. 12; «Հայաստանը ...», էջ 519.

¹ Գանգրունի Հ., Հայաստան 1918 և հայ քաղաքական միտքը, Պեյրուք, 1984, էջ 117–120; «Հայրենիք», Բոստոն, 1923, թիվ 1, էջ 109; Մելքոնյան Ա., Ջավահիրը 19-րդ դարում և 20-րդ դարի առաջին քառորդին, Եր., 2003, էջ 327:

питуляционного режима содержали Батумский и Александропольский договоры. Уже один тот факт, что по указанным договорам Турции давалась привилегия перевозить войска и грузы по территории Республики Армения, сам по себе свидетельствует о капитуляционном режиме, не говоря уже о неравноправной политической стороне этих договоров, что и говорить, в этом смысле, Карсский договор создавал определенное экономическое и политическое равноправие в армяно-турецких межгосударственных отношениях.

Статья 4 Карсского договора, которую уподобили третьему параграфу статьи I Московского договора, целиком относится к турецко-закавказской границе. В этой статье, соблюдая верность духу и букве Московского договора, излагается северо-восточная граница Турции: начиная с расположенного на берегу Черного моря села Сарп, и вплоть до границы Ирана – до места впадения реки Нижняя Карасу в Аракс. В данной статье приводится следующая общая картина пограничной межи: «Северо-восточная граница Турции... определяется линией, которая начинается у деревни Сарп, расположенной на Черном море, проходит через гору Хедисмта, линию водораздела горы Шавшет – гору Канны-даг; она следует затем по старым северным административным границам Ардаганского и Карсского санджаков по тельвегу рек Арпачай и Аракса до устья Нижнего Карасу»¹.

Подробное описание этой пограничной линии и относящиеся к ней вопросы определены в приложениях I и II, а также в добавленной к ним карте, подписанных обеими договаривающимися сторонами. Приложение III содержит подробное описание пограничной линии между Арменией и Нахичеваном. В нем также зафиксировано, что при наличии несоответствий между текстом договора и картой преимущество отдается письменному тексту.

---

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 54, л. 20; ф. 114, оп. 2, д. 133, л. 12; «Հայաստանը ...», էջ 519; «Ժողովրդի ձայնը», Կ. Պոլիս, 22.10.1921.

Подробное определение и проведение государственной пограничной межи на месте, как и размещение пограничных знаков должна была осуществить смешанная пограничная комиссия, составленная из равного количества членов от каждой стороны, при участии представителя РСФСР. Что касается работ по проведению границы, то им посвятили карту приложения IV, которую, к сожалению, тоже не удалось обнаружить. Пограничная линия приводится по карте русского главного штаба, масштаб 1/210000 (1 дюйм равен 5 верстам). Мы еще обратимся подробнее к размежеванию в следующем подразделе этой главы.

В связи с данной пограничной статьей отметим то юридически неуравновешенное обстоятельство, что как в Московском (ст. I), так и в Карсском договоре (статья 4) речь идет только о северо-восточной границе Турции, о Закавказье никаких упоминаний нет. Если в случае с русско-турецким Московским договором можно было в какой-то степени понять сделанные оговорки, чтобы нельзя было подумать, что Россия чертит границу для суверенных закавказских республик, то в случае с турецко-закавказским Карским договором вместо «северо-восточной границы Турции» обязательно следовало указать «турецко-закавказскую границу». Это показало бы, что РСФСР пока еще уважает суверенитет закавказских республик.

Статья 5 Карсского договора, считающаяся немного отредактированным вариантом Московского договора, целиком относится к Нахичеванской области (вместе с приложением III). «Правительство Турции и правительства Советских Армении и Азербайджана согласны, что Нахичеванская область в границах, указанных в приложении III настоящего договора, образует автономную территорию под покровительством Азербайджана»¹:

---

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 56, л. 70–71; ф. 114, оп. 2, д. 133, л. 12–13; «Հայաստանը...», էջ 520:

Из статьи 5 убрали запрет, содержащийся в статье 3 Московского договора, по которому «Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству»¹. Это редакционное изменение давало надежду армянским общественным и руководящим кругам, что впоследствии будет возможно вернуть Нахичеван Армении, тем более, поскольку проблема становилась вопросом внутреннего территориально-административного изменения в советском государстве, и Турция больше не была правомочной каким-либо образом воздействовать на проблему будущей судьбы Нахичевана. Присоединение Нахичевана к Армении полностью или в статусе автономии считалось возможным. Принималось во внимание, что эта область экономически, ее географическим расположением и условиями была связана с Арменией, а у Азербайджана даже не было никакого пограничного соприкосновения с Нахичеваном. Однако, к сожалению, эта надежда армянских кругов не осуществилась.

Забегая вперед отметим, что с ведома руководства СССР 9 февраля 1924 г. Центрисполком советов Азербайджана вынес решение, которым Нахичеванский край в статусе автономной республики (НАССР) был введен в состав ССР Азербайджана²:

В течение десятилетий советской власти азербайджанские власти осуществляли такую демографическую политику, при которой Нахичеван постепенно лишился армянского населения. Если до Первой мировой войны нахичеванские армяне, составлявшие часть Эриванской

---

¹ «Հայաստանի ...», էջ 501:

² 18 февраля 1929 г. президиум Закавказского Центрального исполнительного комитета заслушал несколько спорных земельных и лесных вопросов на границе Армении и Азербайджана. Это относилось к пограничным проблемам Казахского, Дилижанского, Мегринского и Джебраилского уездов. Относилось это также и к вопросу о возвращении Армении ряда северных и юго-восточных сел бывшего Нахичеванского уезда. Президиум Центрисполкома Закавказья решил оставить села Карчеван, Гуртулаг, Городиз, Огбин, Агчах, Дагин-Алмалу, Иткран и Султан-бек в составе ССРА. Указанные 9 сел с их земельными участками, составлявшими 479 кв. км, были присоединены к Армении.

губернии, насчитывали 53,4 тысячи человек, то в 1926 г. армяне составляли всего 11,3 тысячи, то есть уменьшились почти в 5 раз. В дальнейшем это число сократилось еще сильнее, а на новом этапе арцахского движения армяне были полностью изгнаны из Нахичевана.

Парадоксальным и смехотворным в проблеме Нахичеванской АССР является то, что вместо армян, за 70 советских лет ее главным этническим элементом стали азербайджанцы. В результате получилось так, азербайджанцы Нахичевана получают национальное самоопределение и автономию в составе Азербайджанской ССР. Между тем, с точки зрения международного права было бы правильным, чтобы Нахичеван в статусе автономии находился в административно-территориальном составе Армении как этнически неармянская единица.

Следующая статья 6 Карсского договора всецело регулирует проблеме Батуми. Эта статья является дословным повтором статьи 2 Московского договора.

Границы Турции с закавказскими республиками определялись статьями 4–6 Карсского договора и приложениями I, II, III, которые соответствовали статьям 1–3 Московского договора и его приложениям I (A), I (B), I (C). Статьи 7 и 8 Карсского договора относились к созданию условий для облегченного пересечения границы жителями приграничных районов Грузии и Турции, чтобы пользоваться летними и зимними пастбищами, перемещать стада, и т.д. Облегченные для них пошленные, полицейские и санитарные правила должна была установить смешанная комиссия¹.

В этой связи, в статьях 9, 10 и 11 Московского договора косвенно и в общих чертах говорится об обеспечении условий наибольшего благоприятствования для свободного перемещения людей и товаров между двумя странами. Сравнительный анализ вышеуказанных статей

---

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 56, л. 71–72; ф. 114, оп. 2, д. 133, л. 13–14; «Հայաստանի ...», էջ 520–521.

Карсского и Московского договоров показывает, что облегченные правила, касающиеся пограничных перевозок в Карсском договоре, распространялись только на грузино-турецкий пограничный участок. В статьях 7–8 и последующих положениях Карсского договора ничего не говорилось о создании удобств для перевозок на армяно-турецком пограничном отрезке¹.

Обобщая вышеуказанное можно сделать вывод, что в относившемся к Армении вопросе был проявлен избирательный подход, представлявший собой отклонение от принципов Московского договора.

Статья 10 Карсского договора, в этот раз повторяя статью 8 Московского договора, говорила о запрещении появления и существования таких организаций и групп, которые находятся на территории, непосредственно подчиняющейся правительствам обеих сторон, и которые претендуют на то, чтобы принять на себя роль правительства всей или части территории другой страны². Необходимость такой статьи диктовалась тем, что в данный период времени и в Турции, и в РСФСР с закавказскими республиками все еще действовали различные политические организации и вооруженные группы, которые пытались вновь утвердить извне их власть, применяя различные методы и средства борьбы.

С этой точки зрения, особенно Константинополь считался крупным центром борьбы, в котором были сосредоточены многочисленные русские белые эмигранты, грузинские меньшевики, структуры и группы партий Мусават и Дашнакцутюн. Однако нужно отметить, что соответствующие статьи 8 и 10 Московского и Карсского договоров пока что не распространялись на Константинополь, поскольку в данное время город еще не находился в непосредственном военном и полити-

ческому управлению правительства ВНСТ. Тем не менее, чуть позже, когда кемалисты овладели Константинополем и на него распространилась сила данной статьи, эти разнообразные политические организации и вооруженные группы, которые раньше уповали на покровительство Англии, были либо разгромлены, либо же успели эмигрировать и броситься в рассыпную.

Статьи 11 и 12 Карсского договора, общие с московскими статьями 10 и 11, регулировали юридическое положение граждан одной стороны на территории другой стороны, к которым применяли принцип наибольшего благоприятствования. Гражданин данной страны пользуется всеми правами и несет все обязанности, вытекающие из законов принимающей страны, исключая обязанности национальной обороны. А все правовые вопросы граждан обеих сторон, относящиеся к семейной, наследственной сфере и их дееспособности, должны были определяться особым соглашением¹.

Статья 13, подобная статье 12 Московского договора, относилась к гражданам территорий, перешедших под суверенитет Турции (Карсской области, Сурмалинского и Ардвинского уездов, южной части Батумской области), а также северного района Батумской области, перешедшей под суверенитет Грузии, которые, при желании, могли выйти из гражданства данного государства, свободно продав и забрав с собой стоимость собственных вещей и имущества².

Статьи 14 и 16 Карсского договора были вариантом раздробленной и заново отредактированной статьи 13 Московского договора. Прежде всего, договаривающиеся стороны обязывались заключить в течение 6 месяцев со дня подписания настоящего договора специаль-

¹ Что касается Азербайджана, то, практически, у него не было пограничного общения с Турцией.

² «Հայաստանի ...», էջ 520 և 521:

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 56, л. 72–73; ф. 114, оп. 2, д. 133, л. 14–15; «Հայաստանի ...», էջ 503, 521–522; **Եսայան Ա.**, *Հայաստանի միջազգային իրավական դրությունը (1920–1922)*, Եր., 1967, էջ 328.

² НАА, ф. 114, оп. 2, д. 132, л. 14; д. 133, л. 15; «Հայաստանի ...», էջ 503, 522.

ные соглашения о беженцах, а также возвратить в течение 2 месяцев со дня подписания настоящего договора бывших военнопленных и гражданских пленнх, находящихся на территории обеих сторон¹: Это означало, что до конца 1921 г. должны были возвратиться на родину (если, конечно, они остались в живых) армяне-военнопленные турецко-армянской войны, а также гражданские лица-армяне, угнанные из Карса, Александрополя и других местностей в Эрзерум и различные пункты на западе. Из 60 тысяч военнопленных и насильно угнанных лиц возвратилась только их часть. Остальные погибли от холода, голода, насилий и резни.

Если мы продолжим сравнивать статьи Московского и Карсского договоров, то обнаружим, что статья 17 Карсского договора, с незначительными редакционными изменениями, по сути, подобна статье 9 Московского. Она определяла обязанности обеих сторон предпринять необходимые меры для беспрепятственного перемещения людей и товаров, а также для транспортной связи между всеми странами-участницами, чтобы обеспечить непрерывную работу железной дороги, телеграфной и других видов связи. В качестве ее продолжения и в отличие от Московского договора, в карсских документах разместили еще одну, дополнительную статью за номером 18, относящуюся к решению двусторонних вопросов экономического, торгового и гуманитарного характера².

По статье 19 Карсского договора (статья 14 Московского) стороны брали на себя обязательство заключить в течение трех месяцев консульскую конвенцию. И нужно сказать, что ССРА уже имела в Карсе дипломатического представителя. Однако существование в Турции,

---

¹ НАА, ф. 114, оп. 2, д. 132, л. 14; д. 133, л. 15–16; «Հայաստանի ...», էջ 503–504, 522–523.

² НАА, ф. 114, оп. 2, д. 132, л. 13; д. 133, л. 16; «Հայաստանի ...», էջ 502–504, 522–523.

как и в Иране и еще в нескольких странах представительства Армении было недолгим. В середине 1922 г., одновременно с подготовкой к созданию СССР, представительства Армении были распушены.

Последняя, статья 20 Карсского договора регистрировала факт подписания и заключения договора. Причем закавказская сторона указывалась не под одним, собирательным названием, а под тремя: с именами полномочных представителей правительств республик Армении, Азербайджана и Грузии, которые и подписали договор.

Таким образом, если обобщить Карсский договор, то можно сделать вывод, что 15 статей Московского договора предопределили структуру, характер и содержание статей Карсского договора. Статус закавказских республик был таковым, что у них не было возможности совершить какое бы то ни было отклонение от принципов, территориально-пограничных ориентиров Московского договора. Сказанное безусловно относится к правительству Советской Армении и ее делегации, поскольку именно Армения была стороной, понесшей огромные потери от Московского и его двойника – Карсского договоров. Может быть и невозможно требовать большего от выехавшей в Карс, в этот раз участвовавшей в конференции и подписавшей договор делегации Армении, потому что основные положения этих договоров построены на кемало-большевистском, внутренне фальшивом сотрудничестве. Стиль работы делегации Советской Армении был в свою очередь продиктован военно-политическим положением того времени, полнейшей зависимостью от России, партийно-уставными обязательствами армянских делегатов-коммунистов. Прежде чем выехать в Карс, они получили распоряжение из Москвы относительно рамок их деятельности, поэтому неуместно упрекать руководителя делегации Армении Асканазу Мравяна, или кого-нибудь другого, потому что кто бы ни был на его месте, ничего бы не изменилось по сути в пользу Армении, как и не удалось достичь успеха даже в вопросе исторического городища Ани –

одного из исторических символов армян, некогда служившего столицей Багратидов.

И сейчас, как самое малое, когда это относится к вопросу о судьбе Ани, Армения и армянский народ имеют все историко-политические, национально-культурные, духовно-моральные и другие основания, чтобы поднять в различных всемирных структурах на государственном уровне голос и требование о возвращении ее законному владельцу одной из колыбелей армянского народа, некогда богатого тысячью и одной церковью, величавого Ани.

3. ВОПРОСЫ ТУРЕЦКО-ЗАКАВКАЗСКОЙ ГРАНИЦЫ И МЕЖЕВОЙ ЛИНИИ МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И НАХИЧЕВАНОМ ПО КАРССКОМУ ДОГОВОРУ

Как на Московской, так и на Карсской конференциях самым сложным и болезненным был армяно-турецкий территориально-пограничный вопрос. Высший принцип международно признанного территориального размежевания, конечно же, состоит в праве народа на самоопределение. Обычно, основополагающим принципом для решения территориальных споров является учет этнического (этнографического) признака. В данном случае, принимая подобный принцип в отношении Карсской области, следовало учитывать этнографическую картину, существовавшую до Первой мировой войны. Если принять за основание этот подход, тогда Карсский и Кагызванский округа (до 1878 г. районы) должны были перейти к Армении, поскольку армяне составляли в них относительное большинство. Так, по данным 1914 г., в Карсском округе армянское население составляло 73235 человек или 41,54% от всех его жителей, в том случае, когда многоэтничные мусульмане – 60956 человек или 34,6%, и в этом же самом году в Кагыз-

ванском округе армяне составили 32577 человек или в процентном отношении 40,31% общей численности, против 26146 человек или 32,32% мусульман¹. Однако, к сожалению, это обстоятельство не было принято во внимание, поскольку советская сторона безоговорочно приняла все требования, вытекавшие из турецкого «Национального обета».

В международном праве допустим также принцип взаимного переселения обеих сторон, с тем расчетом, что будет создана однородная по составу мононациональная территория²: Этот принцип тоже был проигнорирован. В результате, начертили такую границу, которая, по сути, повторяла Московский договор.

Как уже было сказано, статья 4 Карсского договора, которая упомянута в статье I Московского договора, общими чертами представляла турецко-закавказскую пограничную линию, и приложение I Карсского договора повторяло московское приложение I (А), приводила подробное описание пограничной меже между Турцией и закавказскими республиками.

Учитывая, что турецко-закавказская пограничная линия, представленная в приложении I Карсского договора является целостным и завершенным вариантом, который остается действующим по сей день, в силу этого находим целесообразным привести его полностью, включая также турецко-грузинский и турецко-азербайджанский отрезки. Размещая приложение, мы сравнили архивные документальные образцы, имевшиеся в нашем распоряжении, сборники документов и варианты, опубликованные в монографических исследованиях авторов спорка. В результате их сравнения выясняется, что они почти одина-

---

¹ Իշխանյան Բ., Վիճակագրական ուսումնասիրություն Անդրկովկասյան ժողովուրդներին, մաս 1, Բազու, 1919, էջ 137 և 141:

² Եսայան Ա., Հայաստանի միջազգային իրավական դրությունը (1920–1922), Եր., 1967, էջ 268:

ковы или содержат некоторые различия только редакционного, стилистического характера, связанные с переводом подлинника с различных языков, или же с искажением географических названий в некогда сделанных переводах. Мы постарались исправить их, по мере возможного. Единственное различие пограничной линии в сравненных нами приложениях состоит, пожалуй, в том, что в приложении, приведенном Шаганом Натали при его переводе с турецкого экземпляра, между находящимися на пограничном рубеже Армении вершинами гор Таякала и Мец Агбаба (Бол. Ах-Баба) указана также гора Болосар¹.

В соответствии с приложением I, турецко-закавказская пограничная линия определена следующим образом: «Деревня Сарп на Черном море – гора Кара Шальвар (5014) – по водоразделу рек по направлению к Р. Ц. (разрушенная церковь) к северу от деревни В. Марадиди... и проходит севернее деревни Сабаур – гора Хедисмта (7052) – гора Квакибе – деревня Кафтарети – линия водораздела гор Медзыбна – гора Герат-кесун (6468) – следуя по линии водораздела горы Корда (7910), выходит по западной части хребта Шавшетского к прежней административной границе бывшего Артвинского округа – проходя по линии водораздела горы Шавшетской, выходит на гору Сары-чай (Кара-исал) (8478) – перевал Квиральский – оттуда выходит на прежнюю административную границу бывшего Ардаганского округа у горы Канныдаг – оттуда, направляясь к северу, доходит до горы Тлил (Грманы) (8357) – следуя по той же границе Ардаганского округа, выходит к северо-востоку от деревни Бадела, к реке Посхов-чай и следует по этой же реке к югу до горы у деревни Чанчах – там оставляет эту реку – идя по линии водораздела, выходит на гору (Аревелин: Восточная) Айрилян-баши (8512) – проходит по горам: Келле-тапа (8463), Харман-тапа (9709) – достигает горы Касрис-сери (9681) – оттуда следует по реке

Карзамет-чай до Куры – отсюда идет по тальвегу реки Куры до пункта, что к востоку от деревни Картанакев, где отходит от Куры, проходя по линии водораздела горы Кара-оглы (7259) – оттуда, разделяя на две части озеро Хазапин, выходит к высоте 7580 (7560), а оттуда к горе Гекдаг (9152) – Учъ-Тапаляр (9783), где кончается граница с Грузией и начинается граница с Арменией».

Фактически, Учъ-Тапаляр (Еракатар – Трехголовый) является армяно-турецко-грузинским пограничным стыком. В прежние времена он представлял собой точку пересечения пограничную линии Тифлисской губернии, а также Ардаганского и Карсского округов. Таким образом, начиная с севера, граница Армении и Турции начинается с высот Учъ-Тапаляра. Затем армяно-турецкая межа проходит по: «Таякала (9716) – вершина 9065, где покидает прежнюю границу Ардаганского округа и проходит по горам Боласар, Бол. Ах-Баба (Мец Егнасар) (9973 или 9963 – 8828 или 8827 – 7602) – отсюда по прямой линии к вершине 7518 – проходя на восток от деревни Ибиш (оставляя деревню Турции – **А.А.**), затем к горе Кизил-даш (Кармракар) (7439, или 7440, или 7490) – деревня Новый Кизил-даш (оставляя ее Армении – **А.А.**), отсюда, следуя по реке, которая протекает через Новый Кизил-даш до ее изгиба, расположенного к северо-западу от Кара-Мамеда (Меграшата) (оставляя деревню Армении – **А.А.**) – следует по линии водораздела и выходит на реку Джамушбу-чай, (или Джумушлу-чай – **А.А.**) расположенную к востоку от деревень: Далавер, Б. Кмлы и Тихнис (Тхнис) (то есть оставляет эти деревни Турции – **А.А.**) – через деревни **Вартанлы** и Баш-Шурагель (Ерас-гаворс¹, Ширикаван, Шорагял – **А.А.**) (оставляя их Армении – **А.А.**) – следуя по упомянутой реке (Джамушбу-чай – **А.А.**), выходит к реке Арпа-чай к северу от Кялала, или Калали (Норабер) – оттуда, следуя все время по тальвегу Арпа-чай (Арпачай – **А.А.**),

¹ Նաթալի Շ., Երեք դաշնագրեր (Ալեքսանդրապոլի, Մոսկվայի և Կարսի), «Արարատ» մատենաշար, թիվ 25, Բեյրութ, 1957, էջ 67:

¹ Столица Багратидской Армении в 890–928 гг., при Смбате I и Ашоте II.

выходит к Араксу, следуя по тальвегу Аракса до деревни Урмия» (на левом берегу Аракса – **А.А.**). Здесь кончается граница с Арменией и на отрезке Нахичевана начинается граница с Азербайджаном.

Турецко-азербайджанская граница следует по течению Аракса: от нижнего участка деревни Урмия «до впадения в него (Аракс – **А.А.**) Нижнего Карасу (Нижний Севджур»¹. С впадающей справа в Аракс реки Нижняя Карасу уже начинается иранская граница.

Как можно заметить, участок земли, начинающийся от расположенной на левом берегу Аракса деревни Урмия и заканчивающийся местом, где река Нижняя Карасу впадает в Аракс справа, считался общей границей между Турцией и Азербайджаном, а переброшенный через Аракс Шахтахтинский мост обеспечивал непосредственную связь между ними². Необходимо указать, что в соответствии с армяно-турецкой границей, проходившей по Араксу, Турции переходили не только весь Сурмалинский уезд Ереванской губернии, но и узкая полоска зем-

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 56, л. 75; д. 21, л. 164–165; ф. 114, оп. 2, д. 133, л. 17; «Հայաստանը...», էջ 524–525; Նաթանի Շ., Երեք դաշնագրեր (Ալեքսանդրապոլի, Մոսկվայի և Կարսի), «Արարատ» մատենաշար, թիվ 25, Բեյրութ, 1957, էջ 66–67; ДВП СССР, т. 4, с. 427–428.

² В связи с этим необходимо напомнить, что в литературе и на различных уровнях иногда по недоразумению выражают мысль, что якобы по Александропольскому, Московскому и Карсскому договорам Турция не имела общей границы с Нахичеваном (т.е. с Азербайджаном), и что, якобы, Иран и Турция осуществили позже территориальный обмен, в результате которого последняя приобрела в регионе Аракса узкий перешеек, связывающий ее с Нахичеваном, а взамен уступила Ирану ряд горных участков Котура-Загроша в бассейне озера Урмия. В 1931–1932 гг. между Турцией и Ираном действительно произошел территориальный обмен, но это относилось не к созданию турецко-азербайджанского пограничного пояса, который, как уже было сказано, существовал и ранее, а к курдскому восстанию в районе гор Сис и Масис (Большой и Малый Арарат). По просьбе Турции, принадлежавший Ирану небольшой участок земли, прилежавший к Сису (Малому Арарату), был обменен на полосу турецкой территории, лежавшей на юге турецко-иранской границы. Целью обмена было закрыть дорогу для перевозок курдами оружия и боеприпасов через район Сиса и подавление курдского восстания (см.: Նախիջևանի հիմնադրը Մոսկվայի 1921 թ. մարտի 16-ի պայմանագրում, էջ 82–83, 148–149, 165–167).

ли Ереванского уезда, расположенная на правом берегу Аракса, именно она стала связующим звеном между Турцией и Нахичеваном.

Если сравнить приложения Московского и Карсского договоров, описывающих пограничную линию, соответственно: приложение I (А) Московского договора и приложение I Карсского договора, то нетрудно заметить, что они в принципе одинаковы и только в отдельных случаях встречаются определенные изменения редакционно-стилистического характера. По сути, пограничная линия в обоих случаях одинакова. Однако в приложении к Карсскому договору турецко-закавказская межа, в отличие от Московского, разбита по республикам, указывая, где начинается и где кончается турецко-грузинская граница, откуда и куда тянется армяно-турецкая и, наконец, какой отрезок относится к турецко-азербайджанской линии. Такая особенность конечно соответствует принципам международного права в отношении границ. Между тем, соответствующая статья и приложение к Московскому договору определяют только северо-восточную пограничную линию Турции, начиная с расположенной на берегу Черного моря деревни Сарп и до места впадения реки Нижняя Карасу в Аракс.

Как уже было сказано, между армяно-турецкой государственной границей, начерченной Московским и Карским договорами, не было существенной разницы. Были введены только **определенные редакционно-корректорские** поправки. Однако в ходе работы по проведению границы можно указать на небрежности советской делегации и в частности ее пограничной комиссии. Несколько населенных пунктов Агбабы (Амасии): Тихнис, Мец-Кмлы и Кизил-даш с их угодьями были оставлены в составе Турции с обоснованием трудной к ним доступности; и это в том случае, когда даже по Александропольскому договору они входили в состав Армении.

10 декабря 1921 г. в Тифлисе, после надлежащей картографической работы, была утверждена турецко-закавказская пограничная ли-

ния, буквально повторявшая начерченное Московским договором¹. Что же касается межи между Арменией и Нахичеваном, то по Карсскому договору в территорию ССРА был введен «треугольник» – участок, находившийся на юго-востоке бывшего Ереванского уезда, составлявший около 260 кв. км, а последним пограничным пунктом стала железнодорожная станция деревни Араздаян (Ерасх), каковой она остается и поныне.

4. ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА КАРССКОГО ДОГОВОРА

В связи с Карским договором тоже может возникнуть вопрос, насколько он действителен с точки зрения международного права. По международному договорному праву действительным считается тот международный договор, который заключен в соответствии с его нормами. И одно из его требований состоит в равноправии сторон, которые заключают договор. С этой точки зрения, спорно считать советизированную Армению, как переговорную сторону, суверенным государством. Кроме этого, в соответствии с международным правом, договор считается недействительным, если он был заключен посредством применения силы или угрозы ее применения в отношении одной из сторон или ее представителя. Во-первых, действия советского правительства в Московском и Карском договорах и с правовой, и с политической точки зрения противоречили духу и принципам его же собственных конституций РСФСР и СССР, решениям РКП(б)-ВКП(б) по национальному вопросу. С этой точки зрения, например, попирались провозглашенные в советских конституциях положения о свободном самоопределении наций, суверенности субъектов федеративного госу-

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 185–187.

дарства, равноправии, нерушимости границ, правовом равенстве народов и другие идеологические нормы¹.

Остается невыясненным и вопрос правопреемственности этих договоров, заключенных между РСФСР и закавказскими республиками после образования СССР. Если подписанные РСФСР международные договоры, в том числе и Московский, имеют правопреемственную силу после формирования Советского союза для его правительства, то Карсский договор является в данном случае непризнанным и неприемлемым для Армении в договорно-правовом плане. Дело в том, что после Карсского договора Армения (ССРА) передала ее государственно-правовые полномочия сначала в марте 1922 г. Закавказской федеративной республике, а 30-го числа того же месяца – вступлению в членство СССР. Фактически, с созданием СССР и тем самым по сути, с полным устранением (потерей) независимости Советской Армении как международно-правового субъекта, трудно сказать, что Карсский договор сохраняет свою международную правовую силу. В связи с этим, интересно следующее наблюдение Г. Чичерина, отраженное в его письме от 27 января 1923 г., посланном из Лозанны заместителю наркоминдела М. Литвинову. Г. Чичерин писал: «Довольно сложным будет вопрос о Карсском договоре. Раз все международные отношения переходят к Союзу, Карсский договор перестает существовать»². Если рассматривать проблему под данным углом зрения, то у нас есть все основания утверждать, что Карсский договор не имеет международно-правовой силы.

Обращаясь к территориальным потерям Армении, в юридическом плане крайне вопиюще несправедливым в Карсском договоре является передача Турции Сурмалинского уезда и части Ереванского уезда. Де-

¹ Конституция РСФСР (Основной закон), М., 1918, с. 4, 7, 9; Первая конституция Союза СССР, сборник документов, М., 1948, с. 147; ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос, книга 1, 1918–1933 гг., М., 2005, с. 47–48.

² Геноцид армян, т. 2, ч. 1, с. 612.

ло в том, что с точки зрения правовой формулировки, в договоре содержится противоречие. В статье 2 Карсского договора, повторяющей статью I Московского договора, в частности говорится: «Под понятием Турция в настоящем договоре подразумеваются территории, включенные в Национальный турецкий пакт от 28 января 1920 (1336) г.»¹ Как уже много раз говорилось, турецкий «Национальный обет» предусматривал включить в границы своей страны те территории, которые находились в составе Османской империи до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Это означает, что Сурмалинский уезд, не говоря уже о Нахичеванскому уезде, остаются вне рамок требований турецкого «обета». Дело в том, что эти два уезда, вместе приблизительно 10 тысяч кв. км, в свое время были присоединены к России по праву военной силы, в соответствии с известным Туркменчайским договором. Со времен раздела Армении они находились в составе Персии и в историко-политическом и правовом отношении никогда не состояли в составе Османской империи и не принадлежали Турции.

Вышесказанное дает основания сделать вывод, что советская сторона как на московских, так и на карсских переговорах, по меньше мере, могла настаивать на требованиях представленного самими турками «Национального обета», исключая из переговоров Сурмалинский уезд, а в этом случае армяно-турецкая граница проходила бы не по руслу рек Ахурян-Аракс, а по реке Ахурян – Масисскому хребту (армянское название Айкакан Пар) и по вершинам Сиса и Масиса. Однако в связи с этим возникают проблемы как Александропольского договора, так и Батума. По «Национальному обету» Батумская область должна была стать частью Турции. Однако советская сторона выдвинула безоговорочное требование, что главный морской порт (ворота) Закавказья нужно оставить Грузии, превратив город Батуми в открытый для тор-

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 54, л. 1; д. 56, л. 34.

говли, и пожаловав области статус автономии. Таким образом была решена спорная Батумская проблема. В результате, Сурмалинский уезд, не говоря уже о **полосе земли Ереванского уезда**, также не входившей в турецкий «Национальный обет», перешли к Турции, а Батуми с его окрестностями, входивший в «Национальный обет», был оставлен Грузии. Получилось, что за счет армянской земли, не говоря уже об имуществе Александропольского депо, Грузия была возмещена Батуми. Как видим, между сторонами просто-напросто состоялась торговля территориями, и снова во вред Армении и армянскому народу. В связи с этим может быть возможно поднять вопрос о том, что поскольку Батумская проблема была решена за счет дарения туркам исконно армянского Сурмалинского уезда, значит можно было провести переговоры с нынешними грузинскими властями о получении привилегий для широкого пользования Батумским портом.

В качестве исторической реальности зафиксируем, что после заключения Карсского договора и урегулирования пограничных проблем, он подлежал утверждению и между сторонами должен был состояться обмен ратификационными грамотами. Спустя два месяца, 10 декабря 1921 г. в Тифлисе был утвержден турецко-закавказский договор¹: Весной 1922 г. была подготовлена ратификация Карсского договора. Советская сторона решила ратифицировать Карсский договор на заседании Совета Закавказской федерации. Однако турецкая сторона, будучи осведомленной об этом, нашла, что подобная ратификация ее не удовлетворяет и каждая республика должна ратифицировать договор поотдельности²: Турок особенно интересовало, чтобы договор ратифицировала именно Армения. Дело в том, что подготавливалась Лозаннская конференция. Турки знали, что Армянский вопрос был принят в по-

¹ НАА, ф. 113, оп. 3, д. 21, л. 185–187.

² **Ջոհրապյան Է.Ա.**, *Սովետական Ռուսաստանը և հայ-թուրքական հարաբերությունները*, էջ 301–302:

вестку дня. Именно по этой причине, в целях подстраховки, нужно было располагать ратифицированным Арменией договором, чтобы на конференции потом не заявляли по поводу Карсского текста, что его утверждение со стороны Совета Закавказской федерации осуществили не по воле армянского народа. Центрисполком ССРА, на своей внеочередной сессии от 20 марта 1922 г. обсудил Карсский договор (докладчик наркоминдел А. Мравян) и единогласно решил: «В целях утверждения прочного мира и укрепления дружеских взаимоотношений принять, утвердить и ратифицировать данный договор во всем его содержании»¹. В связи с этим, бывший дипломат РА и историк Ара Папян считает проблематичным вопрос, является ли Карсский договор законно ратифицированным. Автор пишет: «Нам не удалось найти в печатных источниках упоминание об официальном обращении к Карсскому договору, и уж тем более о том, что он ратифицирован, со стороны какой-либо структуры АССР (должно быть: ССРА – **А.А.**)»². Приведенные нами документы опровергают вышеуказанное утверждение. Обмен ратифицированными образцами Карсского договора состоялся 11 сентября 1922 г., в Ереване. После обмена ратификационными грамотами, с конца 1922 г. начались работы по проведению разметки границы и установке ее межевых столбов³.

После завершения работ по проведению границы, в 1926 г. был утвержден генеральный протокол о советско-турецкой пограничной меже⁴. Подписание этого документа означало новое подтверждение Московского и Карсского договоров, а также границ, обозначенных в их приложениях, то есть – признание аннексии армянских земель.

Стоит напомнить, что десятилетия спустя, принимая во внимание произошедшие смещения и изменения русел пограничных рек и оврагов, правительства СССР и Турции подписали 28 февраля 1967 г. соответствующий протокол, которым было решено создать совместную советско-турецкую комиссию для урегулирования технических вопросов государственной границы. В 1969 г. была создана совместная советско-турецкая комиссия. После этого, до 1973 г. были проведены совместные работы по редемаркации границы на ее сухопутных и речных отрезках, приводя государственные границы в соответствие с генеральным протоколом о советско-турецкой государственной границе, утвержденным в 1926 г.

После завершения работ по редемаркации, с 1 по 29 декабря 1973 г. в столице Турции Анкаре состоялось итоговое заседание совместной советско-турецкой комиссии. На нем подписали целый ряд документов: протокол с описанием советско-турецкой государственной границы, добавленную к нему в приложении пограничную карту, а также протоколы относительно пограничных знаков, надзоре за ними и хранении, об их ремонте и восстановлении. В конце было принято соответствующее коммюнике, в котором закрепили **положение о целостности и нерушимости советско-турецких государственных границ**. Это означало, что СССР еще раз принимал нерушимость советско-турецких границ. Это одновременно также означало повторное утверждение «законности» Московского и Карсского договоров и начерченных ими границ. В связи с этим заслуживает похвалы отважный шаг представителя Арм.ССР в совместной советско-турецкой комиссии по редемаркации полковника **Гургена Налбандяна**. 29 декабря 1973 г., во время подписания представленных документов на итоговом заседании, полковник Г. Налбандян, противодействуя односторонней уступчивости советской стороны, не принял в знак протеста участия в подписании

¹ НАА, ф. 113, оп. 30, д. 19, ч. 2, л. 464; ф. 4010, оп. 1, д. 34, л. 10.

² Պապյան Ա., նշվ. աշխ., էջ 27:

³ Хармандарян С.В., ук. соч. (Вестник архивов Армении, 1963, № 3, с. 204).

⁴ См.: Բանբեր Հայաստանի արխիվների, 2008, թիվ 1, էջ 190:

данных документов и коммюнике; этим он давал понять, что вопрос армянских земель не снят с повестки дня¹.

Что же касается трех десятилетий государственного и официального отношения и оценки Московского и Карсского договоров, выраженных в третьей республике Армении, то правительство Армении конечно осудило эти несправедливые и грабительские договоры, однако по понятным причинам не могло сделать их материалом для особого обсуждения на государственном уровне, поскольку Армения не имела какого-либо общения с Турцией на государственно-дипломатическом уровне и не только это.

ОБОБЩАЮЩИЕ ВЫВОДЫ И ОЦЕНКИ

Вот таким выглядит из столетней дали прошедший век идейно, сутью, структурой и содержанием тесно связанных между собой и служащих продолжением друг друга двух: русско-турецкого Московского от 16 (на самом деле, 18) марта 1921 г. **«о дружбе и братстве»** – несправедливого и незаконного, и турецко-закавказского Карсского от 13 октября, с определением **«о несокрушимой и искренней дружбе»**, межгосударственных договоров, оставивших катастрофически тяжелый след в исторической судьбе Армении и армянского народа. Самым тяжелым, судьбоносным последствием этих договоров стало то, что фактически Армения была поделена между Турцией и Россией.

Причины внутреннего и внешнего характера, породившие Московский и являющийся его продолжением Карсский договоры, многочисленны. В течение весенних и летних месяцев 1920 г., в силу совпадения глобальных политических интересов в регионе и взаимного

---

¹ Об этом подробнее см.: Арутюнян А., *Из истории редемаркации советско-турецкой границы (1973 г.)*, (Բանբեր Հայաստանի արխիվների, 2008, թիվ 1, էջ 175–196):

сближения, большевистская Россия и кемалистская Турция фактически создали союз. Последняя, получая многостороннюю военно-финансовую помощь от России и руководствуясь требованиями турецкого «Национального обета», осенью 1920 г. в условиях гробового безразличия западных «союзников» развязала войну против Республики Армения. Последняя не смогла оказать достойное сопротивление врагу в двухмесячной турецко-армянской войне – Армения потерпела тяжелое поражение, значительная часть ее территорий была аннексирована, и 2–3 декабря пришлось заключить тяжелый и грабительский Александропольский договор, который, тем не менее, в силу мирной советизации и смены власти в Армении фактически не получил правовой силы, как и не был ратифицирован в качестве юридического документа. Новое правительство Армении (Ревком) не задействовал ни одного пункта (статьи) данного унижительного договора.

После советизации Армении возникла надежда, что кемалистская Турция заключит с большевистскими властями Еревана более или менее благоприятный для армян новый договор. Однако заключение такого договора было отложено до тех времен, пока не подписали Московский русско-турецкий договор, который и определил в Карсе территориально-пограничную судьбу Армении.

Из двух подвергнутых анализу Московского и Карсского договоров центральным и стержневым, конечно же, является Московский, а Карсский можно считать своеобразным приложением к московскому тексту. Факты убеждают, что возглавленное В. Лениным правительство РСФСР совершенно не намеревалось давать в результате московских переговоров более или менее благоприятное для армян решение территориально-пограничных проблем Армении. Политбюро ЦК РКП(б) и правительство РСФСР приняли неблагоприятную для армян позицию не только в вопросе армяно-турецкой границы, но и, как уже отмечалось, в вопросе Нагорного Карабаха, являвшегося для советского

государства всего лишь внутренней задачей. В ней исторические, этнические и культурные характеристики края принесли в жертву экономическим факторам нефтяного и политического характера, а также возможности установить связь с мусульманским Востоком.

Московский русско-турецкий договор был ответным шагом на Севрский договор. Советская Россия была первой страной, открыто выступившей с помощью Московского договора против навязанного Турции по праву силы «этого второго азиатского Версаля, – как его называл Ал. Мясникян, – Севрского договора»¹. Тем самым Москва оказала огромную политическую и дипломатическую поддержку Ангор. И, действительно, одним из вредоносных для армян международных, политических последствий Московского договора стало то, что этот договор еще более облегчил для держав Антанты их дело по пересмотру Севрского договора.

Спустя столетие, по-прежнему остается проблематичным вопрос ратификации Московского договора. Дело в том, что правительства двух международно непризнанных государств – большевистской России и кемалистской Турции заключили с грубыми нарушениями международного договорного права между собой за спиной Армении и армянского народа договор, не имея при этом фактически между собой какого-либо территориально-пограничного соприкосновения, и решая исконные территориально-пограничные проблемы жизненного значения совершенно другого – третьего государства Армении, без ее ведома и участия. Это означает, что с самого начала, с момента его подписания и по сегодняшний день, Московский договор является незаконным и недействительным, и он не может содержать в себе обязательств для нынешней Республики Армения, и тем более определять армяно-турецкую государственную границу.

---

¹ Մյասնիկյան Ալ., *Երկեր*, հինգ հատորով, հ. 5, Եր., 2007, էջ 413:

Безусловно правы те, кто характеризует Московский договор как **сделку**¹. Та часть его текста, которая относится к Армении, является нарушением с точки зрения международного права в том смысле, что как записано в статье 34 Венской конвенции о праве международных договоров от 1969 г., «договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия»²: В этом смысле ту часть Московского договора, которая относится к Армении, можно охарактеризовать как сделку. Она считается сделкой, исходя из двух обстоятельств: а/ поскольку Москва сделала территориальные уступки кемалистам за счет армянских земель, чтобы предотвратить их возможный переход на сторону Антанты и б/ вопрос границ Армении решался без участия ее представителей.

Рассматривая обращение к территориально-пограничным и другим вопросам, имеющим жизненное значение для Армении и армянского народа, когда они были затронуты в контексте (сфере) русско-турецких отношений, нетрудно заметить, что их открыто принесли в жертву своим собственным экспансионистским интересам. Однако если советская сторона проявила более или менее замаскированное, то кемалисты – откровенно антиармянское отношение.

К политическим оценкам Московского и особенно его дочернего Карсского договоров относится и то, что большевистская Россия, под диктовку собственных политических интересов, вступая в сделку с кемалистской Турцией, практически провалила определенное нормами международного права решение Армянского вопроса, содержащееся в Севрском договоре и арбитражном решении президента США В. Вильсона об армяно-турецких границах. По наглому выражению из извест-

---

¹ Զոհրապյան Է.Ա., 1920 թ. թուրք-հայկական պատերազմը և տերությունները, էջ 358, Պապյան Ա., նշվ. աշխ., էջ 20, Տարգիսյան Ե. Կ., *Յա քուլիսամ...*, с. 82 и др.

² Պապյան Ա., նշվ. աշխ., էջ 20:

ной статьи И. Сталина, напечатанной в 4 декабря 1920 г. в «Правде», «только советская власть смогла решить так называемый армянский «вопрос», над которым ломали головы старые волки империалистической дипломатии»¹. Вот уж действительно горькая издевка над историей армянского народа и его судьбой.

И пусть не удивляет, что немного позже – 1 марта 1922 г. М. Кемаль дословно повторил в своей речи, произнесенной в ВСНТ, высказанную И. Сталиным мысль. Давая высокую оценку Карсскому договору, он отметил: «Так называемый «армянский вопрос», который хотели решить еще раньше, экономическими интересами капиталистического мира, нашел свое самое верное решение в Карсском договоре»². Можно сказать, что Московский и Карсский договоры столь близки и похожи друг на друга, насколько похожи вышеуказанные оценки И. Сталина и М. Кемаля в Армянском вопросе.

ЦК РКП(б) и правительство РСФСР, не скрывая, проводили в высшей степени неблагоприятную для армянского народа политику по достижению за счет армянских территорий согласия с «цитаделью революции Востока» Турцией. И совсем не стоит считать второстепенным по его значению то обстоятельство, что Советская Россия делала щедрые территориальные уступки Турции, не говоря уже об оказываемой ей военной и финансовой помощи, не только для того, чтобы предотвратить прозападную ориентацию последней, но и питая надежду советизировать эту страну, которую считали «цитаделью революции Востока», а также распространить революционный огонь в мусульманском мире.

В результате, Турция, потерпевшая поражение в Первой мировой войне и совершившая в ее ходе тягчайшее преступление – Геноцид армянского народа, вместо того, чтобы быть призванной к ответствен-

ности мировой общественностью, наоборот, пользуясь имевшимися противоречиями между великими державами и разыгрывая притворную революцию и дружбу с большевистской Россией, не только не понесла наказания за ее геноцидную политику и не возвратила предусмотренные Севрским договором западноармянские провинции, но и даже получила Московским договором в качестве дара значительную часть восточнормянских земель. Более того, кемалисты перевыполнили план их территориальных требований, предусмотренных «Национальным обетом». Они завладели также Сурмалу и Нахичеваном – регионами, которые никогда не принадлежали туркам. Сурмалу, с представляющими собой исторические символы армянского народа горами Сис и Масис, оставили за собой, а Нахичеван подарили Азербайджану.

В международном плане Московский и Карсский договоры несомненно сыграли свою отрицательную роль в дальнейшем развитии решения Армянского вопроса, хотя великие державы так и не признали ни Московский, ни Карсский договор. Когда на Лозаннской конференции или в других международных инстанциях заходила речь относительно Армянского вопроса, турецкая сторона приводила Карсский договор и объявляла, что Советская Армения и Турция уже заключили договор и решили пограничные проблемы. Подписанный **24 июля 1923 г.** при участии восьми стран Лозаннский мирный договор (состоящий из 5 частей, 143 статей), коренным образом пересмотрел Севрский договор. В Лозаннском договоре даже не упоминается само название «Армения». Была отвергнута даже идея «Национального очага», запрещено возвращение беженцев-армян на Родину – в Западную Армению¹.

С другой стороны, в статьях Лозаннского договора, относящихся к границам Турции, ничего не говорится о восточной меже этой страны

¹ «Правда», 4.12.1920.

² НАА, ф. 114, оп. 2, д. 162, л. 20–21.

¹ Подробнее: **Махмуриян Г.Г.**, *Армения в политике США 1917–1923 гг.*, с. 540–551.

и не указывается, какой именно линией Турция отделяется от СССР. Это означает, что подписавшие договор великие и малые страны Антанты не признали положения Московского и Карсского договоров относительно восточной пограничной линии Турции. Нет никаких упоминаний об армяно-турецкой границе, ничего не говорится и об армяно-турецкой пограничной линии, проведенной **арбитражным решением** президента США В. Вильсона от **22 ноября 1920 г.** Это означает, что Лозаннский договор не считал отмененными те рубежи, которые по распоряжению конференции в Сан-Ремо были определены Севрским договором и включали в себя 4 западноармянские провинции. Это также означает, что Лозаннский договор мог предоставить возможность для дальнейшего урегулирования границ между Турцией и восточными соседями.

В историко-дипломатической литературе обычно принято писать, что в феврале-марте 1921 г. на Лондонской, а потом в 1922–1923 гг. на Лозаннской конференции державы Антанты «похоронили Армянский вопрос». Но одновременно истина требует сказать, что смертельные удары Армянскому вопросу, то есть идее «Объединенной и единой Армении» нанесли в основном Московский и его дочерний Карсский договоры.

По большому счету, большевистская Россия и кемалистская Турция, противодействуя совместным сотрудничеством и считая недействительным Севрский договор, разделили Армению между собой. Все это дает основание утверждать из столетнего далека, что Республика Армения и всеобщее армянство имеют исчерпывающее (историческое, политико-правовое, моральное, этническое, культурное и другое) право выражать жалобы в международных инстанциях и в кругах всемирной общественности и бороться против несправедливых и незаконных Московского и Карсского договоров, чтобы их считали недействи-

тельными в той части, в какой это относится к Армении; а также требовать аннексированные армянские земли.

Таким образом, обобщая языком цифр результаты Московского, а по сути – его копии Карсского договора, можно сделать вывод, что в результате этих антиармянских сделок 1921 г. у Армении и армянского народа были отняты и присоединены к Турции и Азербайджану территории в $20700 + 5500 + 4160 = 30360$ кв. км, причем, как можно заметить, это больше, чем территория Советской Армении (ССРА) того времени и ее правопреемника – нынешней Республики Армения, составляющая 29,8 тыс. кв. км, уже не говоря о потере четырех западноармянских провинций в более чем 90 тыс. кв. км, которые подлежали возвращению Армении и армянскому народу в соответствии с Севрским договором.

Примечательно, что Турция торговалась, но так и не вернула Армении даже такой малости, как 860 тысяч кв. метров развалин Ани и нескольких находившихся в ее окрестностях деревень. Рассеянные повсюду многовековые каменные свидетели-памятники так и не сочли достаточными, чтобы решить вопрос истинной принадлежности Ани. Может быть турки учитывали политически нежелательный для них прецедент или перспективу и поэтому отказали этому крайне скромному предложению армян.

Если рассматривать проблему с точки зрения международного права, то имеющие внутреннюю взаимосвязь и общность Московский и Карсский договоры являются грабительскими, незаконными с точки зрения принципов и норм международного права, они не носят обязательного характера, а, следовательно, их можно считать недействительными. В статье 52 Венской конвенции от 23 мая 1969 г., относящейся к международному договорному праву, отмечается: «Договор считается ничтожным, если его заключение явилось результатом угрозы силой

или ее применения в нарушение принципов международного права»¹. Если распространить эту статью на предмет нашего обсуждения – Московский и Карсский договоры – то получается, что Московский был заключен с грубым нарушением принципов международного права, а Карсский – посредством политического и морального воздействия и давления на Армению.

Договоры были заключены при грубом принуждении силой, в условиях игнорирования норм международного права, когда были попраны законные интересы целого народа, и армянская общественность уже целых сто долгих и нескончаемых лет не примирилась и не примирится с этими договорами, пока не восстановится справедливость. По Московскому и являющемуся его последствием Карсскому договору, отмечает юрист-международник Ю. Барсегов, РСФСР «лишила спасшихся от геноцида армянских беженцев и эмигрантов права на возвращение, поставила две трети армян в положение «народа без родины», «народа в изгнании»². Задача международного признания геноцида армян не является самоцелью, и это признание не может пройти без последствий. Оно включает в себя выдвижение требований, территориальную компенсацию, чтобы потерявший свою Родину народ хотя бы частично мог ее вновь обрести. Республика Армения имеет все достаточные правовые, политические, исторические основания, чтобы оспаривать и поднять этот вопрос на международном уровне. «Мир был основан на несправедливости, – приходит к заключению З. Мсрлян, – которая есть и останется неприемлемой для нас – армян до тех пор, пока Арарат, Ани, Карс, Кохб, Сурмалу и другие остаются под турецким игмом»³.

¹ Геноцид армян, т. 2, ч. 2, с. 435.

² Там же, с. 441.

³ Մարդկան Զ, Երեք դաշնագիրներ, էջ 140:

Договоры не вечны. Они живут столько, сколько делятся породившие их условия. Ценность Московского и Карсского договоров для России и держав Запада одна, и совсем другая – для Армении и армянского народа.

Попытка частичного исправления ошибки несправедливых Московского и его копии Карсского договоров была сделана по окончании Второй мировой войны, в 1945–1946 гг. С ее завершением, когда резко изменилось международное положение и соотношение политических сил на планете, руководство СССР, принимая во внимание нескрывавшуюся прогерманскую ориентацию Турции в военные годы, летом 1945 г. подняло на Берлинской (Потсдамской) мирной конференции в частности вопрос вернуть Советской Армении несправедливо отнятые Турцией по Московскому русско-турецкому договору 1921 г. Карс, Ардаган, Сурмалу.

Советское руководство (И. Сталин, В. Молотов) обуславливало возвращение этих территорий окончанием срока действия Парижского советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. и вопросом о заключении нового договора (союза) с Турцией в связи с денонсацией (отменой) указанного документа.

Возникает вопрос: как же случилось, что Советская Россия в лице И. Сталина добивалась, чтобы Турции уступили по советско-турецкому Московскому договору 1921 г. о «дружбе и братстве» Карс, Ардаган, Сурмалу, а теперь мы видим, что уже после окончания Второй мировой войны все тот же Сталин требовал в июле 1945 г. на Потсдамской конференции от Турции и Союзных держав восстановить справедливость и для этого вернуть указанные территории, исправить армяно-турецкую, а также турецко-грузинскую границу.

Однако позднее, спустя месяцы после смерти И. Сталина, 30 мая 1953 г. советское правительство официально заявило, что во имя сохранения мира, безопасности и добрососедских отношений СССР отказы-

вается от территориальных претензий к Турции¹. Вот таким образом, в очередной раз, на самом высоком международном уровне был поднят и без всяких результатов закрыт вопрос об армянских землях.

В дальнейшие десятилетия проблема армянских земель была предана забвению. Вопрос о политической и правовой оценке Московско-го русско-турецкого договора был поднят уже в период «Перестройки»: в 1989 г., на I съезде народов СССР, однако не получил там развития². С восходом независимости Армении, Верховный Совет Арм.ССР подготовил документы о незаконности всех антиармянских договоров, в том числе Московского и Карсского, и о том, что они были навязаны армянскому народу силой и угрозами, однако антинациональные власти Армении не предприняли дальнейших шагов.

В нынешнее время, в условиях вновь изменившихся геополитических условий, Республика Армения как полноправный член множества международных структур ООН и испытывавшее множество бедствий всемирное армянство имеют достаточно исторических, политических и правовых оснований и доводов, чтобы на государственном уровне поднять и рассмотреть в международных судебных органах вопрос законности Московского и являющегося его последствием Карсского договоров, чтобы подвергнуть их **денонсации**, считать эти тексты незаконными и недействительными в их относящейся к Армении части, а также выдвинуть требования в отношении аннексированных ими земель. В связи с процессом международного признания Геноцида армян необходимо посредством государственных, научных, общественных обсуждений подготовить всеобъемлющий пакет проектов (политических, экономических, культурных, гуманитарных и других по характе-

ру) договоров, которые окончательно урегулируют армяно-турецкие отношения. А до этого Армения может сделать официальное заявление, что ее межгосударственные договорные отношения с Турцией являются неурегулированными, что фактически между сторонами отсутствует мирный договор, и что обе стороны могут проявить добрую волю и готовность в направлении их урегулирования в условиях современного, становящегося глобальным мира.

В наше время, если даже будет невозможно ввести на государственном уровне в повестку дня международных инстанций и снова выдвинуть требование о пересмотре, тем не менее, эта антиармянская сделка никогда не сможет быть вычеркнута из исторической памяти армянского народа. В таком сочетании факторов, не может быть и речи об армяно-турецком примирении, уже не упоминая о том, что Турция выдвигает признание Карсского договора, забвение геноцида армян, отказ от территориальных требований и другие пункты в качестве предварительного условия для возможности примирения и даже для открытия границы.

Такова 100-летняя горькая истина о двух нанесших армянам ущерб Московском и его дубликате Карсском договорах. Остается сказать, что освобождение от тяжелого груза этих договоров возможно только посредством сплоченного единства армянского народа, последовательной и долгой, упорной работы и борьбы, и уже в свете новых реалий, как завет нашим будущим поколениям, можно будет придать новое содержание заветным армянским национальным целям.

¹ «Դաշնակից երեք տերությունների՝ ԽՍՀՄ-ի, ԱՄՆ-ի և Մեծ Բրիտանիայի ղեկավարների Բեռլինի (Ղոնսդամի) կոնֆերանսը, (փաստաթղթերի ժողովածու), Եր., 1989, էջ 591: Эту же мысль еще раз подтвердил советско-турецкий межгосударственный договор, заключенный в 1978 г.

² Գալոյան Գ.Ա., նշվ. աշխ., էջ 494:

ПРИЛОЖЕНИЕ

Р С Ф С Р

Народный Комиссариат по Иностранным Делам

Д О Г О В О Р

между

Р О С С И Е И Т У Р Ц И Е И

ПЕРЕВОД В ФРАНЦУЗСКОГО ОФИЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА

Москва, -1921г.

-I-

ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ.

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Правительство Великого Национального Собрания Турции, разделяя принципы братства наций и права народов на самоопределение, отмечая существующую между ними солидарность в борьбе против империализма, равно как и тот факт, что всякие трудности, созданные для одного из двух народов, ухудшают положение другого, и всецело воодушевленные желанием установить постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах обеих сторон, решили заключить договор о дружбе и братстве и назначили для сего своими уполномоченными:

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: Георгий Васильевич Чичерин, Народного Комиссара по Иностранным Делам и Члена Всероссийского Центрального Комитета, и Джелал-Эддина Коркмасова, Члена Всероссийского Центрального Комитета, и

Правительство Великого Национального Собрания Турции: Юсуф Кемаль Бей, Народного Комиссара по народному хозяйству, Великого Национального Собрания Турции, Депутата Кастанони в том же Собрании.

Д-ра Риза Нур Бей, Народного Комиссара по просвещению Великого Национального Собрания Турции, Депутата Синопа в том же Собрании

Али Фуад Машу, Чрезвычайного и Полномочного посла Великого Национального Собрания Турции, члена от Ангоры в названном Собрании,

каковые, после обмена полномочиями, найденными в надлежащей и законной форме, согласились о нижеследующем:

Ст а т ь я I

Каждая из договаривающихся сторон соглашается не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых нуждалось бы силою другая из Договаривающихся сторон. Правительство Р. С. Ф. С. Р. соглашается не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных национальным Правительством Турции, представленным ныне ее Великим Национальным Собранием.

Под понятием Турции в настоящем договоре подразумеваются территории, включенные в национальное Турецкое Соглашение от 28 января 1336 /1920/ года выработанное и провозглашенное Османской Палатой Депутатов в Константинополе и сообщенное прессе и всем державам.

Северо-Восточная граница Турции определяется: линией, которая начинается у деревни Сарп, расположенной на Черном Море, проходит через гору Хедис-Мта, линией водораздела горы Шавшет-горы Канни Даг, она следует затем по северной административной границе Ардаганского и Карского санджаков - по тальвегу рек Арпа-Чай и Аракс до устья Нижнего Кара-Су /подробное описание границы и вопросы к ней относящиеся определены в приложении I-м /А/ и /Б/ и на прилагаемой карте, подписанной обоими Договаривающимися Сторонами/.

Статья II.

Турция соглашается уступить Грузии суверенитет над портом и городом Батумом и территорией, лежащей к северу от границы, указанной в ст. I-й нынешнего договора и составлявшей часть Батумского Округа, при условии, что

1/ население местностей, указанных в настоящей статье договора, будет пользоваться широкой местной автономией в административном отношении, обеспечивающей каждой общине ее культурные и религиозные права, и что населению будет предоставлена возможность установить земельный закон, соответствующий его пожеланиям.

2/ Турции будет предоставлен свободный транзит всяких товаров, отправляемых в Турцию или из нее, через Батумский порт, бесплатно, без уценки каких-либо задержек и без обременения их какими бы то ни было сборами, с предоставлением Турции права пользоваться Батумским портом без взимания за то специальных сборов.

Статья III.

Обе Договаривающиеся Стороны согласны, что Нахичеванская область в границах, указанных в приложении I-м /В/ настоящего договора, образует автономную территорию под покровительством Азербайджана, при условии что Азербайджан не уступит сего протектората никакому третьему Государству.

В образующей треугольник зоне Нахичеванской территории, за-

ключенной между тальвегом Аракса, линией горы Дагна /3829/-Вели Даг /4121/-Багарзик /6587/-Кемурлу-Даг /6930/, линия границы скаванной территории, начинающаяся от Кемурлу Даг /6930/, переходящая через гору Сарай Булак /8071/-станцию Арабат и оканчивающаяся у скрещения Кара-Су с Араксом, будет исправлена Комиссией, состоящей из делегатов Турции, Азербайджана и Армении.

Статья IV.

Обе Договаривающиеся стороны, констатируя сотрудничество между национальным освободительным движением народов Востока и борьбой трудящихся масс за новый социальный строй, торжественно признают за этими народами право на свободу и независимость, а равным образом их право на избрание формы правления, согласно их желаниям.

Статья V.

Для обеспечения открытия Проливов и свободное прохождение через них для торговых сношений всех народов обе Договаривающиеся Стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статута Черного моря и проливов особой Конференции из делегатов прибрежных стран, при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столицы Константинополя.

Статья VI.

Обе Договаривающиеся стороны признают, что все договоры до сего времени заключенные между обоими странами не соответствуют общим интересам. Они соглашаются по этому признать эти договоры отмененными и не имеющими силы.

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заявляет в частности, что оно считает Турцию свободной от всяких к нему денежных или иных обязательств, основанных на международных актах, ранее заключенных между Турцией и Царским правительством.

Статья VII.

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской

Республики, считая режим капитуляции несовместимым с свободным и национальным развитием каждой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав, считает потерявшими силу и отмененными всякого рода действия и права, имеющие какое либо отношение к этому режиму.

Статья 8

Обе Договаривающиеся стороны соглашаются не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства другой стороны или части ее территории, равно как и предвзятости групп, имеющих целью борьбу с другими государствами. Россия и Турция принимают на себя такое же обязательство и в отношении Советских Республик Кавказа, при условии взаимности.

Считается установленным, что под Турецкой территорией, упомянутой в настоящей статье, подразумевается территория, находящаяся под непосредственным военным и гражданским управлением Правительства Великого Национального Собрания Турции.

Статья 9

В целях обеспечить непрерывность сношений между обоими странами Договаривающиеся стороны обязуются принять путем совместного соглашения, все необходимые меры в целях сохранения и развития на возможной скорости жел. дорожных, телеграфных и иных средств сообщения, равно как и обеспечить свободное передвижение людей и товаров между обоими странами, без каких либо задержек.

Однако, признается, что в отношении передвижения, въезда и выезда как путешественников, так и товаров, будут полностью применяться установленные в каждой стране на этот счет правила.

Статья 10

На граждан обеих Договаривающихся сторон, находящихся на территории другой стороны, будут распространяться все права и обязанности, вытекающие из законов страны в коей они находятся, за исключением обязанностей по национальной обороне, от коих они будут освобождены.

Вопросы, касающиеся семейного права, права наследственного и к настоящему договору.

дееспособности граждан обеих сторон, также составляют исключение из постановлений настоящей статьи. Они будут разрешены особым соглашением.

Статья II

Обе Договаривающиеся стороны согласны применять принцип наибольшего благоприятствования к гражданам каждой из Договаривающихся сторон, пребывающим на территории другой стороны.

Настоящая статья не применяется к правам граждан союзных России Советских Республик, равно как и к правам граждан мусульманских стран, союзных Турции.

Статья I4

Всякий житель территорий, составлявших до 1918г. часть России, каковы Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики признает находящиеся ныне под суверенитетом Турции на основании настоящего договора, имеет право свободно покинуть Турцию и взять с собой свои вещи и свое имущество или их стоимость. Подобное же право распространяется на жителей территории Батума, суверенитет на которую Турция настоящим договором уступает Грузии.

Статья I3

Россия обязуется возвратить в Турцию, за свой счет, до северо восточной границы Турции, в продолжении трехмесячного для Европейской России и Кавказа и шестимесячного срока для Азиатской России, считая со дня подписания настоящего договора, всех военно пленных и гражданских пленных Турок, находящихся в России.

Подробности этой репатриации будут установлены особой конвенцией, которая будет выработана непосредственно по подписании настоящего договора.

Статья I4

Обе Договаривающиеся стороны согласны в ближайшем времени заключить консульскую конвенцию, равно как и соглашения регулирующие все экономические, финансовые и др. вопросы, необходимые для установления между обоими странами дружественных отношений, указанных во вступлении к настоящему договору.

Статья 15

Россия обязуется предпринять в отношении Закавказских Республик шаги, необходимые для признания этих Республик в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей настоящего договора непосредственно их касающиеся.

Статья 16

настоящий договор подлежит ратификации. Обмен ратификациями состоится в Карсе в возможной скорости.

настоящий договор вступит в силу с момента обмена ратификациями, исключением статьи 13.

В удостоверение изложенного вышеупомянутые уполномоченные подписали настоящий договор и скрепили его своими печатами.

Оставлено в двух экземплярах в Москве 16 марта 1921г.

тысяча триста тридцать седьмого .

Георгий Чичерин

Юсуф Кемаль

Джалил Коркмасов

Д-р Риза Нур

Али Фуад

ПРИЛОЖЕНИЕ I /А/.

Северо-восточная граница Турции установлена нижеследующим образом: /согласно карте русского Генерального штаба масштабов 1/210000-5 верст в дюйме/.

Деревня Сарп на Черном море гора Кара-Шальвар /5014/ пересекает Чорох к северу от деревни Марадиди - проходит севернее деревни Сабур Кхри гора Хедис-Мга /7052/-гора Ква-Кибе деревня Кавтарели - линия водораздела горы Медзибна-гора Герат Кессун /6468/-следуя затем по линии водораздела горы Корда /7910/ выходит по западной части хребта Шавшетского к прежней административной границе бывшего Артавинского Округа- проходя по Шавшетскому хребту, выходит на гору Сары-Чай /Кара Иссал/ /8478/-перезал Квиральский, а оттуда выходит на прежнюю административную границу бывшего Артавинского округа у горы Кани-Даг-оттуда, направляясь к северу, доходит до горы Тлил /Грмани/ /8357/ и следуя прежней границей Ардагана, выходит к северо-востоку от де-

ревни Бадала, к реке Носхов-Чай и следует по этой реке до пункта севернее Чанчах, там оставляет эту реку и, идя по водоразделу, выходит на гору Айраллан-шаши /8512/, проходит по горам Келле-Таш /9709/, достигает горы Касрыс-Ори /9681/ и следует по реке Карзамет-Чай до р.Кури, оттуда идет по тальвегу р.Кури к пункту, что к северу от деревни Картанакер, где отходит от Кури, проходя по линии водораздела горы Кара-оглы /7259/ - оттуда, разделяя на две части озеро Мазанин, выходит к высоте 7580, а оттуда к горе Гер-даг /9182/ идет по горам Уч-Ташлар /9785/-Ташла-Мала /9716/-вершина 9065, где покидает прежнюю границу Ардаганского округа и проходит по горам Б.Аксаба /9968/-8828 /8527/-7502-проходя на восток от деревни Ибниш, доходит до высоты 7518 и затем к горе Кизил-даш /7489/ /7440/-деревня Нов.Кизил-даш /Кизил-даш/-проходя к западу от Карамеода, выходит на реку Джамбульму-Чай, /расположенную к востоку от деревень Делавер, Б.Кили и Тикнис/-через деревни Зертанли и Ваши-Шурател, следуя по упомянутой реке, выходит к реке Арпа-Чай к северу от Киддани, оттуда следуя все время по тальвегу Арпа-Чай, выходит к реке Аракс, следует по тальвегу Аракса до впадения в него Шизанго Араксу .

/и В. Разумеется, граница следует по линиям водоразделов указанных высот/.

Георгий Чичерин

Юсуф-Кемаль

Джалил Коркмасов

Д-р РИЗА НУР

Али Фуад.

ПРИЛОЖЕНИЕ I /Б/.

Принимая во внимание, что пограничной линией, как это указано в приложении I /А/, являются дж тальвеги рек Арпа-Чай и Аракса, Правительство великого национального Собрания обязуется отодвинуть линию блокгаузов на расстояние 8-ми верст от железной дороги Александрополь - Эривань в настоящем ее начертании в районе Арпа-Чай и на расстоянии 4-х верст от вышеупомянутой железнодорожной линии в районе Аракса. Линии, ограничивающие вышеупомянутые районы указаны ниже для зон Арпа-Чай пунктах А и

В ф 1 и для зоны Аракса в ф-те 1.

I. Зона Арпа-Чай.

А/ К юго-востоку от Вартанлы, к востоку от Узум-Килиса через гору Вазир /5096/, 5082- 5047-к востоку от Кармир-Банк-Уч-Тапа /5078/, к востоку от Арав -Оглу, к востоку от Ани, достигает Арпа-Чай к западу от Бни-Кей.

Б/ Отходит от Арпа-Чай к востоку от высоты 5019- идет прямо к высоте 5081-в 4 с половиной верстах к востоку от Кавил-Кули- в 2 верстах к востоку от Бодзали-затем река Дигор- Чай-следует вдоль этой реки до деревни Дуз-Начук и идет прямо к северу от развалин Карабет и выходит на Арпа-Чай.

II. Зона Аракса.

Прямая линия между Аракса Алдхан и деревней Селейман /дизе/ в зонах, ограниченных с одной стороны линией железной дороги Александрополь-Ордузман и с другой линией, расположенными в расстоянии 6-4 верст от вышеуказанной жел. дорожной линии, Правительство Великого Национального Собрания обязуется не возводить каких бы то ни было фортификационных укреплений/ эти линии расстояния находятся вне и не содержат в них регулярных войск, однако оно сохраняет право иметь в вышеуказанных зонах войска, необходимые для поддержания порядка, безопасности и для административных надобностей.

Георгий Чичерин
Джилал Коркмасов

Исуф Кемаль
Д-р Риза Нур
Али Фуад

ПРИЛОЖЕНИЕ I /В/

Территория Нахичеван.

Стенция Арагат Гора Сарай Булаг /8071/- Кемурлу Даг/6039/, /6930/- 3080-Сайит-Даг /7868/- деревни Курт-Кулаг /Кюрт-Кулаг/-Тамессур даг /6160/-высоты 6022- Кури даг /10282/ и восточная административная граница прежнего Нахичеванского уезда.

Георгий Чичерин
Джилал Коркмасов

Исуф Кемаль
Д-р Риза Нур
Али Фуад

ДОГОВОР

между Турцией и АРМЕНИЕЙ, АЗЕРБЕЙДЖАНОМ, ГРУЗИЕЙ.

Правительство Социалистической Советской Республики Армении, Азербайджанской Советской Социалистической Республики и Социалистической Советской Республики Грузии, с одной стороны и Правительство Великого Национального Собрания Турции с другой стороны, разделяя принципы братства наций и признавая за всеми народами право на самоопределение, движимые желанием установить между ними постоянные дружеские взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах, решили приступить к переговорам с участием Правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики для заключения договора и назначили для этой цели своими уполномоченными:

Правительство Социалистической Советской Республики Армении

АСКАНАЗА МРАВЬЯНА, Народного Комиссара по Иностранным Делах и

ПОГОСА МАКИНЦИАНА, Народного Комиссара по Внутренним Делах.

Правительство Азербайджанской Социалистической Советской Республики:

БЕХБУТА ШАХТАХТИНСКОГО, Народного Комиссара Рабоче-Крестьянской Инспекции.

Правительство Социалистической Советской Республики Грузии:

ШАЛВУ ЭЛИАВА, Народного Комиссара по Военным и Морским Делах и

АЛЕКСАНДРА СВАНИДЗЕ, Народного Комиссара по Иностранным Делах и Финансов.

Правительство Великого Национального Собрания Турции

КЯЗИМА КАРАБЕКИРА ПАШУ, Депутата от Адрианополя в Великом Национальном Собрании, командующего Восточным Фронтом,

ВЕЛИ БЕЯ, Депутата от Бурдура в Великом Национальном Собрании,

МУХТАР БЕЯ, бывшего товарища Министра общественных Работ,

МЕМДУХ ШЕВКЕТ БЕЯ, Полномочного Представителя Турции в Азербейджане

Правительство Российской Социалистической Советской Республики

ЯКОВА ГАНЕЦКОГО, Полномочного Представителя Р.С.Ф.С.Р. в Латвии, -

каковые после обмена полномочиями, найденными в надлежащей и законной форме, согласились о нижеследующем:

Статья 1-я.

Правительство Великого Национального Собрания Турции и Правительства Социалистических Советских Республик Армении, Азербейджана и Грузии признают аннулированными и потерявшими силу все договоры заключенные между Правительствами, осуществлявшими ранее суверенитет над территориями договаривавшихся сторон, и касающиеся означенных территорий, а также договоры, заключенные с третьими государствами и касающиеся Закавказских Республик.

Принимается, что Русско-Турецкий Договор, подписанный в Москве 16 Марта 1921 /1337/ года изымается из действия этой статьи.

Статья 2-я.

Договаривающиеся Стороны соглашались не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых понуждалась бы силой одна из договаривавшихся сторон.

В силу этого Правительства Социалистических Советских Республик Армении, Азербейджана и Грузии соглашались не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных Национальным Правительством Турции, представленным ныне ее Великим Национальным Собранием.

Под понятием Турции в настоящем договоре подразумевается территории, включенные в Национальное Турецкое Соглашение от 28 Января

варя 1920 /1336/ года, выработанная и провозглашенная от Османской Палаты Депутатов в Константинополе и сообщенная прессе и всем Державам.

Со своей стороны Правительство Великого Национального Собрания Турции соглашались не признавать никаких международных актов, касающихся Армении, Азербейджана и Грузии и непризнанных соответствующими Правительствами этих Республик, представленными в настоящее время Советскими Правительствами Армении, Азербейджана и Грузии.

Статья 3-я.

Правительства Социалистических Советских Республик Армении, Азербейджана и Грузии, признавая режим капитуляции не совместным со свободным национальным развитием всякой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав, считают потерявшими силу и отмененными всякого рода действия и права, имеющие какое либо отношение к этому режиму.

Статья 4-я.

Северо-восточная граница Турции /по карте русского Генерального Штаба 1/219.000-5 верст в дюйме/ определяется линией, которая начинаясь от деревни Сарп, расположенной на Черном море, проходит через гору Хедис-мта, линией водораздела горы Шевшед-гора Канни-Даг, она идет затем по прежней Северной административной границе Ардаганского и Кирского санджаков по тальвегу рек Арна-чай и Аракс до устья Нижнего Карасу /подробное описание границы и вопросы к ней относящиеся определены в приложениях I и II и на прилагаемой карте, подписанной обоими Договаривавшимися Сторонами. В случае расхождения между текстом договора и картой, тексту договора отдается предпочтение перед картой/.

Смешанной пограничной Комиссии, составленной из равного числа членов с участием представителя Р.С.Ф.С.Р., поручается установить в подробности и провести на месте государственную границу, а также установить пограничные знаки /приложение IV карта/.

Статья 5-я.

Турецкое Правительство и Советские Правительства Азербейджана и

Армении соглашались, что Нахичеванская Область в границах, указанных в приложении III настоящего договора образует автономную территорию под покровительством Азербейджана.

Статья 6-я.

Турция соглашается уступить Грузии суверенитет над портом и городом Батумом и территорией, лежащей к северу от границы, указанной в статье 4-ой настоящего договора и входившей в состав Батумского округа, при условии, что во

1. Население местностей, указанных в настоящей статье Договора, будет пользоваться широкой местной автономией в административном отношении, обеспечивающей каждой общине ее культурные и религиозные права, и что населению будет предоставлена возможность установить земельный закон, соответствующий его пожеланиям.

2. Турции будет предоставлен свободный транзит всяких товаров, отправляемых Турцией или из нее, через Батумский порт без пошлин, без ухищрения каких либо задержек и без обложения их какими бы то ни было сборами с предоставлением Турции права пользоваться Батумским портом без взимания за то специальных сборов. Для применения этой статьи немедленно после подписания настоящего Договора будет образована комиссия из представителей заинтересованных сторон.

Статья 7-я.

Правительство Социалистической Советской Республики Грузии и Правительство Великого Национального Собрания Турции обязываются облегчить жителям пограничных областей переход границы при условии соблюдения льготных таможенных полицейских и санитарных правил, которые будут установлены на сей предмет смешанной комиссией.

Статья 8-я.

Правительство Социалистической Советской Республики Грузии и Правительство Великого Национального Собрания Турции, принимая во внимание необходимость для жителей пограничных областей обеих стран пользоваться летними и зимними пастбищами, находящимися по другую сторону границы, соглашались предоставить этим жителям пра-

во прогонять через границу их скот и пользоваться обычными пастбищами. Таможенные формальности, а также полицейские, санитарные и другие правила, применяемые при переходе границы, будут установлены смешанной комиссией.

Статья 9-я.

Чтобы обеспечить открытие проливов и свободное прохождение через них для торговых сношений всех народов, Турция и Грузия соглашались передать окончательную выработку международного статута Черного моря и проливов особой конференции из делегатов прибрежных стран, при условии, что вынесенные ей решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столице-Константинополю.

Статья 10-я.

Договаривающиеся Стороны соглашались не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль Правительства в другой стране или части ее территории, равно как и пребывание групп, имеющих целью борьбу с другой договаривающейся стороной.

Считается установленным, что под Турецкой территорией, упомянутой в настоящей статье, подразумевается территория, находящаяся под непосредственным военным гражданским управлением Правительства Великого Национального Собрания Турции.

Статья 11-я.

На граждан Договаривающихся Сторон, находящихся на территории другой стороны, будут распространяться все права и обязанности, вытекающие из законов страны, в коей находятся, за исключением обязанностей по национальной обороне, от коих они будут освобождены.

Вопросы, касающиеся семейного права, права наследственного и правоспособности граждан Договаривающихся Сторон, также составляют исключение из постановлений настоящей статьи. Они будут разрешены особым соглашением.

Статья 12-я.

Договаривавшиеся Стороны применять режим наиболее благоприятствования к гражданам каждой из Договаривавшихся Сторон, пребывающим на территории другой стороны.

Настоящая статья не имеет в виду прав взаимно предоставляемых Советскими Республиками на своей территории к гражданам других союзных Советских Республик, равно как и прав, предоставляемых Турцией к гражданам союзных ей мусульманских стран.

Статья 13-я.

Всякий житель территории, составлявшая до 1918 года часть России и над которой признан суверенитет Турции будет иметь возможность в случае, если он пожелает выйти из Турецкого гражданства, свободно покинуть Турцию и взять с собой свои вещи и свое имущество или их стоимость.

Точно также всякий житель территории, суверенитет над которой уступлен Турцией Грузии, будет иметь возможность в случае, если он пожелает выйти из Грузинского гражданства, свободно покинуть Грузинскую территорию и забрать с собой свои вещи, имущество или их стоимость.

Упомянутые выше жители будут пользоваться отсрочкой 2-месячной по отбавлению воинской повинности со дня подачи ими в установленном порядке заявления о желании покинуть упомянутую территорию.

Статья 14-я.

Договаривавшиеся Стороны обязуются заключить в шестимесячный срок со дня подписания настоящего договора специальные соглашения о беженцах войн 1918-1920 год.

Статья 15-я.

Каждая из Договаривавшихся Сторон обязуется объявить немедленно после подписания настоящего договора полную амнистию гражданам другой стороны за преступления и проступки совершенные вследствие войны на Кавказском фронте.

Статья 16-я.

Договаривавшиеся Стороны согласны в двухмесячный срок со дня под-

писи настоящего договора взаимно осуществить водворение на родину бывших военных и гражданских пленных, остающихся на территории одной из Договаривавшихся Сторон.

Статья 17-я.

В целях обеспечить непрерывность сношений между своими странами Договаривавшиеся Стороны обязуются принять, путем взаимного соглашения, все необходимые меры для сохранения и развития с возможной скоростью железнодорожных, телеграфных и других средств сообщения, а равно и для обеспечения свободного передвижения людей и грузов между Договаривавшимися Сторонами без каких бы задержек, однако признается, что как в отношении передвижения, въезда и выезда путешественников, так и передвижения товаров будут полностью применяться установленные в каждой стране на сей предмет правила.

Статья 18-я.

С целью организовать коммерческие сношения и урегулировать все экономические, финансовые и другие вопросы, необходимые для укрепления между Договаривавшимися Странами дружественных отношений, немедленно после подписания настоящего договора будет создана в Тифлисе комиссия из представителей заинтересованных стран.

Статья 19-я.

Договаривавшиеся Стороны обязуются заключить в трехмесячный срок со дня подписания настоящего Договора консульские конвенции.

Статья 20-я.

Настоящий Договор, заключенный между Правительствами Турции, Армении, Азербайджана и Грузии подлежит ратификации. Обмен ратификациями состоится в Эривани в возможно близком будущем.

Настоящий договор вступит в силу с момента обмена ратификационными грамотами, за исключением статей 6, 14, 15, 16, 18 и 19 вступающих в силу немедленно по подписании Договора.

В удостоверение изложенного упомянутые уполномоченные подписали настоящий договор и скрепили его своими печатями.

Договор этот учтен в 5 экземплярах в Карсе "13" Октября 1921 1337

ПРИЛОЖЕНИЕ I-а.

Северо-восточная граница Турции установлена нижеследующим образом:
А/согласно карте русского Генерального Штаба масштаба в 1/210.000 -
верст в дюйме/:

Деревня Сарп на Черном море-гора Кара-Шальвар /5014/, далее по водоразделу к Р.Ц., что севернее деревни В.Марадиди-пересекает к северу от д. В.Марадиди Р.Чорох и далее проходит севернее деревни Сабатур, гора Хедис-мта /7052/-гора Ква-Кибе-деревня Кавтарети-линия водораздела горы Медзибия-гора Герат-кесун /8468/ -следует затем по линии водораздела горы Корда /7910/ выходит по западной части хребта Шавшетского к прежней административной границе бывшего Артавинского округа, проходя по Шавшетскому хребту, выходит на гору Сарп-чай /Кара-иссал/ /8478/-перевал Квиральский, а оттуда выходит на прежнюю административную границу бывшего Ардаганского округа у горы Канни-Даг, откуда направляясь к северу доходит до горы Тили /Грманы/ /8357/ -следует прежней границей Ардаганского округа выходит к северо-востоку от деревни Бадема к реке Посхов-чай и следует по этой реке к югу до пункта севернее деревни Чамчах-там, оставляет эту реку и идя по водоразделу выходит на гору Аирильян-Баши /8512, проходит по горам Келле-Тапа /8463/ - гора Харман-Тапа 9709, достигает горы Касрис-Сери /9681/ и следует по реке Карзамет-чай до реки Кури, оттуда идет по тальвегу реки Кури к пункту, что к востоку от деревни Картанакер, где отходит от Кури, проходя по линии водораздела горы Кара-Оглы /7259/ -оттуда, разделяя на две части озеро Хозапин выходит к высоте 7580 /7560/, а оттуда к горе Гек-даг /9152/ - идет по горам Уч-Тапалар /9783/, где кончается граница с Грузией и начинается граница с Арменией. Тая-кала /9716/-вершина 9065 - где покидает прежнюю границу Ардаганского округа и проходит по горам Бол.Ах-баба /9963 или 9973/ - 8828 или 8827 -7602-и далее по прямой линии к высоте 7518, проходя восточнее деревни Ибис, и затем к горе Кизил-Даш /7439 или 7440 или 7490/-деревня Новый Кизил-Даш /Кизил-Даш/ - и оттуда следуя по реке, протекающей через Новый Кизил-Даш, до ее изгиба, что к северо-западу от Кара-Мамеда, идет затем по водоразделу и выходит на реку Джамушбу-чай /расположенную к востоку от деревень Де-

лавер, Б.Килы- и Тихнис/-через деревни Вартанлы и Баи-Шурагель следуя по упомянутой реке выходит к реке Арпа-чай к северу от деревни Киялава или Калали-откуда следуя по тальвегу Арпа-чая выходит к реке Аракс, следует по тальвегу Аракса до селения Урмия, где кончается граница с Арменией и начинается граница с Азербайджаном и далее опять следует по тальвегу Аракса до впадения в него Нижнего Карафсу, где кончается граница с последним государством
Н.В. Разумеется граница следует по линиям водораздела вышеуказанных высот.

/ Подписи/

Наименование Джамушбу-чай не указано на карте издания 1899 года.

- 9 -
П Р И Л О Ж Е Н И Е II-е

Принимая во внимание, что пограничная линия, как это указано в приложении I-ом, следует по тальвегам рек Арпа-чая и Аракса, Правительство Великого Национального Собрания Турции обязуется отодвинуть линию блокгаузов на расстояние 8-ми верст от железной дороги Александрополь-Эривань в настоящем ее начертании в районе Арпа-чая и на расстоянии 4-х верст от вышеупомянутой железно-дорожной линии в районе Аракса. Линии, ограничивающие вышеупомянутые районы, указаны ниже для зоны Арпа-чая в пунктах А и В § I и для зоны Аракса в § 2.

§ I. З О Н А А Р П А - Ч А Я.

А/ К юго-востоку от Вартанлы, к востоку от Уаун-Килиса, через гору Вазур /5096/-5084-5047-к востоку от Кармир-банк-уч-Тапа /6578 или 5578/, к востоку от Араз-Оглы, к востоку от Ани, достигает Арпачай к западу от Еникей.

Б/ Отходит от Арпа-чая к востоку от высоты 5019 идет прямо к высоте 5481- в 4 1/2 верстах к востоку от Кызыл-Кула - в 2-х верстах к востоку от Боджалы-затем река Дигор-чай - и следует вдоль этой реки до деревни Дуз-Кечут и идет прямо к северу от развалины Карабак и выходит на Арпа-чай.

§ 2. З О Н А А Р А К С А.

Прямая линия между Хараба-Алиджан и деревни Судейман-гиза.

В зонах, ограниченных с одной стороны линией железной дороги Александрополь-Эривань и с другой линиями, расположенными в расстоянии 8-ми и 4-х верст от вышеуказанной железно-дорожной линии, Правительство Великого Национального Собрания Турции обязуется не возводить каких бы то ни было фортификационных укреплений /эти линии расстояния находятся вне вышеуказанных зон/ и не содержать в них регулярных войск, однако оно сохраняет право иметь в вышеуказанных зонах войска, необходимые для поддержания порядка, безопасности и для административных надобностей.

/ Подписи/.

- 10 -
П Р И Л О Ж Е Н И Е III.

Территория Нахичевани.

Деревня Урмия, далее по прямой линии к ст. Араздаг /включительно для С.С.Р.Армении/ затем по прямой линии к г. западн. Даш-Бурун /3142/ и далее по водоразделу к горе восточн. Даш-Бурун 4108 пересекает реку Джаанам-Дараси, южнее надписи "Род" южн.. следует по водоразделу к г.Багарсх /6607 или 6587/, далее по административной границе бывшего Эриванского и Шарур-Даралагезского уездов через 6629 к горе Кемурли-Даг /6839 или 6930/ и далее по высотам 3080-Сайят-даг /7868/ -деревня Курт-кулаг /Курт-Кулаг/ гора Гам мееу даг /8160/ -высота 8022-Кюки-даг /10282/ и восточная административная граница прежнее Нахичеванского уезда.

/ Подписи /

П Р И М Е Ч А Н И Е /к карте/

В районе деревни Сабзур на правом берегу Чороха, граница обозначена согласно двух проектов /проект турецкий-линия А и проект грузинский-линия Б/, ибо невозможно было установить какой из двух проектов, нанесенных на карту, более соответствует действительности линии границы в этой местности согласно тексту договора. Пограничная линия будет установлена на месте, в согласии с текстом договора и топографическими условиями местности, смешанной Разграничительной Комиссией, предусмотренной ст. 4-ой настоящего договора. В случае расхождения русского и турецкого текстов преимущественное значение имеет текст французский.

/ Подписи /

СЛОВО ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Десятилетиями специализируясь по политической истории 1917–1923 гг. и работая в одном отделе с автором данной книги, переводчик с готовностью взялась по предложению дирекции Института за изложение данного текста на русский язык, чтобы сделать эту злободневную и полезную информацию доступной для широкого круга читателей. Написанная ясным и доступным стилем, книга адекватно доносит до всех интересующихся обозначенной темой несправедливость русско-турецкого политического сотрудничества в отношении Армении, а также боль и протест автора в связи с понесенными его Родиной потерями. Профессор А. Акопян справедливо проводит параллели между 1921 и 2021 гг., поскольку военные действия 2020 г. и новое русско-турецкое партнерство вновь приводят к уже наблюдавшимся в прошлом и тяжелым последствиям. Так что в моральном и фактографическом отношении автор осуществил чрезвычайно нужную и актуальную работу.

Вместе с тем, переводчик находит важным указать, что ее изложение книги на русском языке конечно же не означает согласия со всеми тезисами автора. Чтобы не отвлекать читателя, укажем на три различия. 1) Нынешняя Республика Армения не является правопреемницей Первой Республики 1918–1920 гг. Во-первых, у нас нет никаких государственных документов подобного рода. И во-вторых, поскольку Первая Республика нотой от 27 ноября 1920 г. официально отказалась от Севрского договора, этот факт существенно ограничивает возможность дальнейшей работы и для нынешнего государства.

2) Московский и Карсский договоры могут и обязательно должны быть осуждены как историко-политические документы. Автор сам указывает в книге, что первый из них был заменен Парижским договором 1925 г., подписанным от имени СССР и денонсированным

по всем правилам в 1945 г. Наряду с уже проделанным качественным правовым анализом указанных документов, подписание нового армяно-турецкого договора от имени нынешней Армении ни на йоту не улучшит общую границу.

3) В этом плане, с учетом нынешних политических реалий и тяжелейших результатов войны 2020 г., выдвижение любых территориальных претензий к Турции выглядит оторванным от жизни и просто созданием *casus belli*. Международное право работает тогда, когда оно обеспечивается соответствующими – политическими, экономическими, оборонными, финансовыми возможностями истца. Оно могло и было для нас полезным в вопросе самоопределения Арцаха. Однако мало используя этот фактор там, где мы решали задачу соответствующую нашим силам, мы стремимся начать крайне ответственный, опасный и ничем не подкрепленный с нашей стороны диспут, который лишь активизирует политику противника. Ожидать, что Турция мирно и без всякой выгоды для себя станет уступать территории Армении – это слишком беспредельный и лишенный всякой связи с действительностью оптимизм.

Хочется отметить, что перечисленные детали не только не уменьшают содержащиеся в книге А. Акопяна достоинства, но и могут усилить интерес читателя, получающего дополнительную пищу для собственных размышлений. Пожелаем же книге массовой аудитории.

Г. Г. Махмурян

д.и.н., ведущий научный сотрудник
Института истории НАН РА

Ереван, 30 июня 2021 г.

МОСКОВСКИЙ И КАРССКИЙ ДОГОВОРЫ В СУДЬБЕ АРМЯНСКОГО НАРОДА

АРАРАТ МХИТАРОВИЧ АКОПЯН

Резюме

1920–1921 годы стали судьбоносными для Армении и армянского народа. В этот период Республика Армения потерпела тяжелое поражение от кемалистской Турции, потеряла независимость, часть Армении была захвачена Турцией, а другая ее часть была советизирована. Именно в этот период началось рассмотрение армяно-турецких территориально-пограничных вопросов, которые были сформулированы в договорах: Александропольском от 3 декабря 1920 года, Московском от 16 (18) марта 1921 года и Карсском от 13 октября 1921 года. Хотя с точки зрения исследований, три этих договора представляют собой как бы единое целое, однако в аспекте правопреемственности и содержания Московский и Карсский договоры очень схожи между собой.

Александропольский договор был следствием агрессии кемалистских турок и тяжелого поражения Армении. Московский договор стал результатом сближения советско-кемалистских интересов, а Карсский – это, по сути, повтор Московского договора, подписанный представителями делегаций трех закавказских республик по поручению центральных большевистских властей.

Поскольку Александропольский армяно-турецкий договор с точки зрения международного права не имел юридической силы, следовательно, он и не мог повлечь правовых обязательств для правительства Советской Армении (Армревкома) и, по сути, он так и не был введен в действие, поскольку:

а) до его подписания в Армении произошла смена власти;

б) он не был ратифицирован ни Арменией, ни Турцией.

Непризнанные правительства Советской России и Турции, без ведома Армении и без ее участия, 16 (по существу 18-го) марта 1921 года заключили в Москве договор и разделили между собой армянские территории. 13 октября того же года делегация Советской Армении была вынуждена подписать в Карсе договор, по которому ратифицировались и узаконивались принципы Московского договора. Таким образом, Московский и Карсский договоры обеспечили исполнение требования принятого в январе 1920 года турецкого «Национального обета», предусматривающего захват армянских земель. Более того, Россия уступила Турции Сурмалинский уезд, который никогда не был в составе Османской империи и не входил в территориальные претензии турецкого «Национального обета».

В результате Московского и Карсского договоров, Армения потеряла более половины своих фактических восточноармянских территорий. В соответствии с упомянутыми договорами, Турции отошли Карсская область в 17.250 кв. км и Сурмалинский уезд в 3.450 кв. км – в общей сложности 20.700 кв. км восточноармянских территорий. Кроме этого, по требованию Турции под протекторат родственного ей Азербайджана была передана Нахичеванская область, охватывавшая 5,5 тысяч кв. км. Если учесть, что решением Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 года Нагорный Карабах, территория которого составляет в 4.160 кв. км, также был преподнесен в подарок Азербайджану, то в результате этих действий к Азербайджану были присоединены почти 10 тысяч кв. км армянских территорий. В целом, можно сделать вывод, что в течение 1920–1921 гг. от Армении были отторгнуты более половины реально имевшихся у нее земель – $20.700 + 9.660 = 30.360$ кв. км, что, как не трудно заметить, больше, чем территория Советской Армении и ее преемницы – нынешней Республики Армения.

Основную причину проявления такой уступчивости Советской России в отношениях с Турцией необходимо искать не в слабости советского государства в тот период, а в его Восточной политике. Большевистское правительство считало Турцию восточным центром распространения всемирной революции, поэтому для претворения в жизнь этой пустой затеи заинтересовывало и поощряло кемалистов всеми возможными способами: территориальными уступками, золотом, оружием и боеприпасами. К сожалению, территориальные уступки были сделаны Турции в основном за счет жизненных интересов Армении и армянского народа. С другой стороны, Советская Россия заигрывала с Турцией для того, чтобы та не переметнулась в лагерь Антанты. Тем не менее, считаем, что у правительства Советской России не было намерения целеустремленно проводить антиармянскую политику, просто на перекрестке большой политической игры Армения пыталась сохранить независимость в условиях, в которых для этого не было возможности, поэтому именно ей пришлось принести настолько большие потери.

С другой стороны правы те, кто характеризуют Московский договор как сделку. С точки зрения международного права, та часть Московского договора, которая касается Армении, является нарушением в том смысле, что, во-первых, Москва за счет армянских земель сделала территориальные уступки кемалистам для того, чтобы предотвратить их возможный переход на сторону Антанты, и, во-вторых, вопрос границ Армении разрешался без ведома ее представителей и без их участия.

В результате, потерпевшая поражение в Первой мировой войне и осуществившая тяжелейшее преступление перед человечеством – геноцид армян – Турция, вместо привлечения мировым сообществом к ответственности, используя противоречия между великими державами, и, играя в псевдореволюцию и дружбу с большевистской Россией, не

только не понесла надлежащего наказания и не вернула Армении предусмотренные Севрским договором западноармянские провинции, но и, согласно Московскому договору, в качестве награды получила значительную часть восточноармянских территорий.

В свою очередь, проводимая кемалистами политика ложного братства с Россией привела западные державы к выводу о необходимости признания «Новой Турции» и урегулированию отношений с ней. Что и произошло на Лозанской конференции 1922–1923 гг.

Если рассматривать Московский и последовавший за ним Карсский договоры с позиции принципов и норм международного права, то в части Армении это грабительские, незаконные, не носящие обязательного характера договоры, вследствие чего их можно считать недействительными. Территориальные разграничения, сделанные в этих договорах и приложениях к ним, являются спорными и неприемлемыми.

Договоры не вечны. Они существуют до тех пор, пока жизнеспособны породившие их условия. В настоящее время Республика Армения и весь армянский народ в целом имеют исторические, политические и правовые основания и аргументы для поднятия на государственном уровне и обсуждения в международных судебных инстанциях вопроса законности Московского и явившегося его следствием Карсского договоров, признания их в части Армении незаконными и недействительными, то есть их денонсации и требования восстановления поправленных прав и возврата насильственно захваченных территорий.

THE TREATIES OF MOSCOW AND KARS IN FATE OF ARMENIAN NATION

ARARAT MKHITAR HAKOBYAN

Summary

The period of 1920–1921 had been fateful for Armenia and the Armenians. During these two years, the Republic of Armenia suffered a defeat from Kemalist Turkey and lost its independence. One part of the republic was occupied by Turkey and the Soviet power was established in another part. It was in this period that the Armenian-Turkish border-territorial issues were brought under consideration and were later stipulated in the Treaty of Alexandropol on December 3, 1920, in the Treaty of Moscow on March 16 (18), 1921, and in the Treaty of Kars on October 13 of the same year. All these mentioned settlements are viewed as a whole, as far as their legal succession and contents are concerned, and the Treaties of Moscow and Kars are quite similar.

The Treaty of Alexandropol appeared to be the outcome of Armenia's severe defeat after the aggression carried out by Kemalist Turks. The Treaty of Moscow was the result of the Soviet-Turkish approachment and the Treaty of Kars actually was the repetition of the Treaty of Moscow, signed by the delegations of three Transcaucasian Republics on the directive issued by the Central Bolshevik authorities.

Since the Armenian-Turkish Treaty of Alexandropol is not legally valid from the stand-point of the international law, it can not impose any legal obligations on the Governments of Soviet Armenia (Armenian Revolutionary Committee) or on the contemporary Government either. The Treaty of Alexandropol was not implemented for the following reasons: 1. At a moment when it was signed, a change of power had taken

place in Armenia. 2. The treaty was ratified neither by Armenia, nor by Turkey.

On March 16, 1921, the Soviet Russia and Turkey signed a treaty in Moscow without Armenia's participation and endorsement, which actually repeated the Treaty of Alexandropol in its territorial-border terms. On October 13 of the same year, the Soviet Armenian delegation was compelled to sign a treaty in Kars, which ratified and legalized the terms of the Treaty of Moscow. Thus, the Treaties of Moscow and Kars secured the Turkish claims regarding their intrusion into Armenian territory, as it was claimed by their «National Oath» in January 1920. Furthermore, Russia ceded to Turkey the Surmalu Region, which had never been under the Ottoman Empire before and had not been claimed by the «National Oath».

The Treaties of Moscow and Kars led Armenia to lose more than a half of its genuine eastern Armenian territories. In consequence of the mentioned treaties, Turkey incorporated the Kars Province with its 17,250 square kilometers, and the Surmalu Region covering 3,450 sq. km, making 20,700 sq. km. of the Eastern Armenian lands, in total. Besides, Turkey demanded that the region of Nakhichevan covering 5.5 thousand sq. km. should be placed under the protection of its kin Azerbaijan. If we consider, that the Mountainous Karabagh, which covers 4,160 sq. km. also, had to be annexed to Azerbaijan on the resolution by the Caucasian Bureau of the Central Committee of Russian Communist (Bolshevik) Party made on July 5, 1921, then almost 10,000 square kilometer-Armenian territories had been granted to Azerbaijan. To sum up, one can conclude that in 1920–1921, Armenia was deprived of more than the half of its actual territory (20,700+9,660=30,360 square kilometers). As we can see, this area is even larger than that of Soviet Armenia and its successor Republic of Armenia.

The main clue to the Soviet Russian Government making such allowances for Turkey should not be sought in the susceptibility of the Soviet state of those times, but in the essence of its Eastern policy. As far as

the Bolshevik Government considered Turkey to be the center of world revolution in the East, and tried to implement this futile plan, it urged and encouraged the Kemalists by all possible means, including gold allotments, arms and ammunitions supply, as well as meeting their territorial claims. Unfortunately, the territories had been ceded to Turkey mostly at the expense of Armenia and vital interests of the Armenian people. At the same time, Soviet Russia made advances to Turkey for it not to join the Entente. However, we are of opinion, that Soviet Russia had not nurtured any deliberate anti-Armenian policy. Armenia just appeared to be at the crossroads of Big political game and trying to preserve independence in the environment, where there was no room for independence, it had to suffer huge losses.

On the other hand, the Treaty of Moscow is reasonably marked a deal. From the stand-point of the international law, the Treaty of Moscow in its part that concerns Armenia, abuses the law, as Moscow had met the territorial claims of the Kemalists at the expense of the Armenian territories in order to prevent them from joining the Entente. Besides, both parties had resolved the issues of the Armenian borders without the knowledge and participation of the Armenian representatives.

Thus, Turkey that had lost World War I and had committed one of the most severe crimes against humanity - the Armenian Genocide, by taking advantage of the discrepancies among the powerful states and pretending to be both revolutionary and comrade of the Bolshevik Russia, instead of being liable before the International Court, got away with the crime it had committed. Not only did it not return Armenia the western Armenian provinces stipulated by the Treaty of Sèvres but, thanks to the Treaty of Moscow, Turkey also received a significant part of Eastern Armenian territories as a reward.

The policy of false amiability with Russia, conducted by Kemalists, led the Western States consider that they should recognize “New Turkey” and

settle their relations with it. That is what actually took place at the Lausanne Conference in 1922–1923.

And as far as the principles and norms of international law are concerned, the Treaty of Moscow and its successor Treaty of Kars, in their parts that concern Armenia are predatory, illegal and not compulsory, and thus they can be regarded as invalid. The boundary delimitations, specified in the mentioned treaties and their appendices are disputable and unacceptable.

The treaties are not eternal. They exist as long as the conditions that bore them do.

At present, the Republic of Armenia and the whole Armenian nation possess sufficient historical, political and legal proofs and arguments to discuss the issue at the state offices, and to take the matter of the legitimacy of the Treaty of Moscow and its successor Treaty of Kars, as far as Armenia is concerned, to the international courts in order to undermine their legitimacy and to denounce them, as well as to restore violated rights and annexed territories.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ.	
МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР (Критический взгляд)	11
Вступление	11
1. Предыстория русско-турецкого договора о «дружбе и братстве»	12
2. Втягивание Армении в войну против кемалистской Турции: попытка сравнения турецко-армянской войны 1920 г. и Арцахской войны 2020 г.	20
3. Дипломатическая подготовка II Московской русско-турецкой конференции	24
4. Вопрос участия в конференции делегации Армении: о телеграммах С. Вразяна	33
5. Реакция Москвы на «Справочную записку» Армении ..	37
6. Переговорный процесс	40
а) Открытие конференции и организационные вопросы	40
б) Территориально-пограничные вопросы: судьба Сурмалинского уезда	44
в) Нахичеванский вопрос	49
7. Почему был сфальсифицирован день заключения русско-турецкого Московского договора: 16 или 18 марта?	55
8. Повлиял ли армяно-турецкий Александропольский договор от 2-3 декабря 1920 г. на русско-турецкий Московский договор?	60
9. Обобщающие данные о результатах договора	64
10. Вопрос достоверности Московского договора и современность	69

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КАРССКИЙ ДОГОВОР (Критический взгляд)	78
Вступление	78
1. Дипломатическая подготовка к турецко-закавказской конференции	79
а) О вандализме, совершенном турками	84
б) Вопросы места и формата созываемой конференции ...	87
в) Последний завершающий этап подготовки к созыву конференции	94
г) «Меморандум» с требованиями Армении	101
2. Карсская конференция и договор от 13 октября	107
а) Открытие конференции и ход заседаний	107
б) Территориально-пограничные вопросы. Почему Ани не присоединили к Армении?	112
в) Постатейное строение договора и сравнительный анализ с Московским договором	131
3. Вопросы турецко-закавказской границы и межевой линии между Арменией и Нахичеваном по Карсскому договору	143
4. Правовая оценка Карсского договора	149
Обобщающие выводы и оценки	155
Приложение	167
Слово от переводчика	187
Резюме	189
Summary	193

ԱՐԱՐԱՏ ՄԽԻԹԱՐԻ ՀԱՎՈՐՅԱՆ
ՄՈՍԿՎԱՅԻ ԵՎ ԿԱՐՍԻ ՊԱՅՄԱՆԱԳՐԵՐԸ
ՀԱՅ ԺՈՂՈՎՐԴԻ ՃԱԿԱՏԱԳՐՈՒՄ

ԱՐԱՐԱՏ ՄԽԻՏԱՐՈՎԻՇ ԱԿՈՓՅԱՆ
МОСКОВСКИЙ И КАРСКИЙ ДОГОВОРЫ
В СУДЬБЕ АРМЯНСКОГО НАРОДА

ARARAT MKHITAR AKOBYAN
THE TREATIES OF MOSCOW AND KARS IN
FATE OF ARMENIAN NATION

Изд. редактор – Н. Нансян
Компьютерный набор – Н. Адамян

Изд. заказ № 1109
Сдано в производство 10.08.2021 г.
Формат 60x84¹/₁₆, 12,75 печ. л.
Тираж 200 экз.

Типография Издательства “Гитутюн” НАН РА,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24.